Николай
Пернай
Мои
ошибки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мы живем, не вполне понимая смысл своего существования, а также смысл окружающего нас Бытия. Время от времени мы делаем не то, что хотели и движемся не в том направлении, в котором предполагали. И нам бывает трудно без посторонней помощи оценить правильность своих действий.

Мы неизбежно совершаем ошибки. Без ошибок – не получается. На ошибках мы учимся, чтобы потом не повторять их Но иногда нам может помочь опыт работы над ошибками других людей.

- Николай Васильевич Пернай
  -
  - Предисловие
  - Выживает тот, кто настроился выжить
  - «Я, юный пионер…»
  - Танцевальный вечер в Желдоре
  - Заблуждения молодого учителя
  - Степановская школа
  - Пионерская эскадра
  - Оппозиция
  - Трудности с кадрами
  - Дело было под Находкой
  - Двигаться только вперед!
  - Единство
  - Ситуации успеха
  - Педагогика любви
  - Адепту Любви надлежит быть бдительным
  - Бывший ученик
  - Старый и малый
- notes
  - 1
  - 2

Николай Васильевич Пернай
Мои ошибки

© Пернай Н.В., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

Человек сам выбирает свой жизненный путь-дорогу. Точнее, каждый думает, что выбирает, но в действительности на наш выбор часто влияют неподвластные нам силы и обстоятельства. По мнению ученого, лауреата нобелевской премии Ильи Пригожина, в том мире, в котором мы живем, постоянно встречаются флуктуации, бифуркации и неустойчивости, которые делают наше поведение сложным, не прямолинейным и не всегда предсказуемым.

Жизненный путь каждого из нас от пункта А (рождение) до конечного пункта Б проходит в пространстве лабиринта, устройство которого нам не известно. В лабиринте полно тупиков, ложных ходов, медвежьих ям и прочих гиблых мест, но есть и выходы на правильный путь. Мы, человеки, с трудом продвигаемся вперед, постоянно путаясь в полутемных закоулках лабиринта и не вполне осознавая направление своего движения.

К сожалению, нам не дано понимать смысл нашей жизни, а также – смысл окружающего нас Бытия.

Неудивительно, что время от времени мы движемся не в том направлении, в котором предполагали. И потому нам так трудно без посторонней помощи оценить правильность наших действий.

И потому мы неизбежно совершаем ошибки. Без ошибок – не получается. На ошибках мы учимся, чтобы потом не повторять их. Обычно учимся на своих ошибках, иногда – на чужих.

Выживает тот, кто настроился выжить

Именно в первые годы после рождения человеческий ребенок усваивает колоссальное количество информации, необходимой для жизни. И это усвоение производится методом многочисленных проб и ошибок.

Из учебника психологии

1945

Хотелось гулять, но мать не разрешала. Причина была простая: стояли сильные морозы, совсем не характерные для наших мест, а у меня не было ни зимней обуви, ни теплой одежды.

Гулять очень хотелось. В последние дни непрерывно шел снег. Белым пухом укрыло наш двор, одинокую шелковицу, соседние крыши, деревья, улицу. Мир за окном изменился, что-то там происходило необычное и, наверное, интересное и веселое. Это было как праздник. Праздник прихода настоящей зимы. Слышались разные голоса, среди них было много детских. А я сидел дома и был лишен всех этих радостей.

Наконец, мать раздобыла где-то пару яловых сапог. Сапоги были старые и окаменевшие от ветхости. Им было, наверное, лет сто, а, может, и больше. Возможно, в них хаживал на турок один их моих прадедов в те времена, когда молдаванами правил славный господарь Штефан чел Маре. Мама долго разминала их, мазала салом, отбивала поленом, чистила сажей. Сапоги были громадные, размеров на пять больше того, что мне было нужно, с загнутыми по-старинному носами, но выбирать не приходилось.

И вот мать начала обряжать меня для выхода на улицу. Из зимней одежды у меня было пальтишко, из которого я вырос еще год назад, да непомерно большая отцовская цигейковая шапка. На меня были надеты двое штанов, поверх рубашки мамин теплый платок, ноги вместо портянок замотали кусками тряпок и запихали в сапоги. А когда мать втиснула меня в пальтишко, несгибающиеся руки стали торчать в стороны, как палки. Вот так я был разодет.

Я напялил на голову шапку и вышел на улицу.

Было пасмурно, немного ветрено и морозно, но мне после прокисшего домашнего тепла поначалу показалось, что мороз небольшой. Снег был глубокий, и в своих востроносых сапожищах, как сказочный Иванушка-дурачок, я с трудом брел по целику, пока не вышел на дорогу, которая была немного наезжена телегами и санями. Воздух был колючий, но чистый, дышалось легко, и мне сразу стало радостно от того, что я очутился в этом светлом и чистом мире. Хотелось прибавить ходу, попрыгать, помчаться галопом, однако неудобная одежда и непомерная обувь сковывали движение. Но всё равно было хорошо.

На улице никого не было, и я побрел наугад, надеясь, что увижу кого-нибудь из сверстников.

Хорошо в такую погоду покататься с горки на санках, или по льду Реуцела – на коньках. У меня не было ни санок, ни коньков, но я надеялся, что на горке встречусь с кем-нибудь из ребят, и меня прокатят. В конце магалы улица сворачивала к мосту и выходила к крутому берегу, на котором копошилось несколько мальчишек с самодельными санками. Никого из них я не знал, поэтому сразу спустился к речке.

Там было веселее. Несколько ребят постарше были на коньках, они раскатывали по кругу, выписывая различные фигуры. Коньки у всех были, конечно, самодельные, сделанные из сосновых чурбаков с прибитыми снизу стальными прутками для улучшения езды. Среди катающихся были умельцы, которые могли выполнять такие фигуры как скольжение ласточкой или пистолетом на одном коньке, скольжение задним ходом и прочий пилотаж.

Были на катке и мои знакомые – братья Морару и Жорка Баранец. Для них, так же как для меня, коньки были недоступной роскошью, но они катались на своих ботинках. Катание заключалось в том, что нужно было хорошо разбежаться и, посильнее оттолкнувшись, скользить по льду.

Между пацанами шло соревнование: кто дальше проедет по льду. Те, кто поопытнее, удлиняли путь разбега, начиная с берега. Они докатывались почти до противоположного берега. Я пару раз пытался разбежаться, но мне это удавалось не очень хорошо: я спотыкался, падал, на меня наезжали другие и тоже падали. Были, правда, и удачные попытки: иногда мне тоже удавалось устоять на ногах, и я несся по льду с огромной, как мне казалось, скоростью. Было, по крайней мере, весело…

Незаметно стемнело. На катке народу стало меньше, а потом и вовсе я оказался один. Я пару раз прокатился и хотел было тоже идти домой, но когда попытался подняться на горку, чтобы выйти

на дорогу, ноги заскользили и я упал. Потом поднялся, опять попробовал идти, заскользил и опять упал. Я полежал немного, чтобы отдохнуть, но, когда попробовал встать, почему-то опять упал. Полежал ещё и с большим трудом встал. Ноги стали замерзать, потом холод стал проникать сквозь пальто, шапку.

Ноги почему-то держали плохо, к тому же я перестал их чувствовать. Теперь я просто стоял и не двигался… Мне было одиноко и очень плохо. Я понимал, что надо что-то делать, но делать уже ничего не хотелось.

И только позднее, когда самое страшное осталось позади, Павлик пришел к пониманию очень простой вещи: надо было двигаться. Если замерзаешь – надо двигаться.

Неизвестно, сколько бы я так простоял, если бы меня не нашла мать. Она схватила меня в охапку и бегом, напрягаясь из последних сил, понесла домой.

Дома она стащила злополучные сапоги, сняла многочисленные одёжки и начала растирать меня денатуратом и нутряным свиным салом – тем, что у нас было. Начали отходить от заморозки ноги и руки, я кряхтел от острой боли, но не кричал.

– Потерпи, потерпи, – приговаривала мама.

Потом она надела на меня сухую сорочку и штанишки, завернула в старый овечий кожух и положила на натопленную печь. Какое-то время мне удалось поспать, но к ночи начался сильный жар, всё время хотелось пить.

А наутро сильно заболело горло так, что я не мог ничего глотать, и кружилась голова. Жар не спадал. Мама пробовала поить меня кипяченым молоком с медом, который принесла тётя Сяня. Ничего не помогало. Вдобавок начали болеть суставы ног и рук. Так продолжалось весь следующий день и ночь.

На третье утро дедушка Николай запряг в сани своего старого мерина Каштака и поехал в город за фельдшером.

Приехал фельдшер, очень большой и очень толстый старый еврей в белом халате, с мясистым в красных прожилках носом и отвислой нижней челюстью с редкими железными зубами. Помыв руки над тазиком, он попросил у мамы ложку и, прижимая этой ложкой мой язык, стал осматривать горло.

– Гнойное воспаление миндалин. Ангина, – констатировал фельдшер. – Нужно хорошо прополоскать горло растворами марганцовки и календулы.

Потом он запихал в свои волосатые уши резиновые трубочки и блестящий металлический кружок, в котором трубочки

сходились вместе, долго прикладывал к моей цыплячьей груди, время от времени хрипя и дыша на меня вонючим, прокуренным голосом: «Дыши!.. Не дыши!.. Дыши!» Потом обстукал сердце, лёгкие и, всё больше хмурясь, взял меня за руку и долго считал пульс.

– Ну, что? Что скажете, господин фершал? – волнуясь, стал спрашивать дедушка Николай.

– Не господин – товарищ! – поправил дедушку фельдшер. – Пока явных признаков пневмонии не нахожу, но лёгкие мне не нравятся. Есть воспаление. Сердце тоже работает почти с тройной нагрузкой. При ангине это бывает и это опасно. Могут быть осложнения и пороки сердца.

– Что делать? С ребенком что делать?

– Будем лечиться. Я выпишу вам рецепт. Вы должны заказать медикаменты в аптеке, выкупить их и давать мальчику через каждые четыре часа. Каждый порошок нужно запивать кипяченой водой …

Еще он говорил, как и чем полоскать горло.

Потом старик вынул из своего саквояжа лист бумаги и, примостившись у нашего шаткого стола, стал писать. Исписанный листок он отдал дедушке. Тот, щурясь от напряжения, попробовал было прочитать и, ничего не поняв, спросил:

– Вы тут, что ли, по-румынски написали?

– Нет, все рецепты пишутся на латыни. Не волнуйтесь, в аптеке рецепты читать умеют. Они же объяснят, как употреблять медикаменты… А теперь мне нужно умыть руки.

Мать услужливо полила на руки фельдшера водой из кружки и подала ему свежий рушник. Он вытер руки, надел поверх халата длинное, такое же ветхое, как он сам, пальто, и, не прощаясь, пошел к выходу. Дедушка ушел с ним.

Мы остались с мамой. Появилась какая-то надежда, и вроде бы даже немного полегчало.

Приходили соседи: добродушная тетка Маруся с Мусей, крикливая бабка Флячиха, очень дряхлый и совсем глухой дедушка Иван. Потом пришла моя бабушка Маня. Каждый пытался меня утешить и каждый что-то с собой приносил: кто топленого молочка, кто – горячего борща, кто – сотового меда, а глухой дедушка передал маме несколько черных, как дёготь, маленьких лепёшек.

– Это пчелиный клей, – шепелявя беззубым ртом, кричал дедушка Иван. – Лепёшки из клея надо привязать на горло.

Муся стала кормить меня наваристым борщом, но я не мог глотать. И тогда моя мама забрала у неё миску и услала подальше, чтоб не заразилась.

На ночь мама снова сделала мне компресс на шею и прилепила лепешки деда Ивана. Полночи я проспал спокойно, но под утро снова поднялась температура и я стал задыхаться. Мама заставила меня полоскать горло сначала марганцовкой, потом настоем календулы. Из глотки пошли сгустки крови и гноя. Но дышать стало легче. Когда полоскание закончили, я совсем обессилел, и горло болело так, точно там всё было изрезано. Вдобавок сильно тошнило и болела голова. С этого времени и в течение следующих четырёх или пяти дней я не мог ничего есть, и начал катастрофически худеть.

К вечеру дедушка Николай, наконец, привез большое количество разных порошков. В те времена главным лечением ото всего были порошки. Дедушка долго объяснял маме, как надо их использовать. И мы приступили к лечению.

…Прошло несколько дней. Горло понемногу унималось, болело не так сильно. Но я весь горел огнем, особенно, ночью. Начали болеть колени, потом локти, потом плечи.

Кто-то сказал матери, что от суставных болей пользительны ванны из конского навоза. Мать быстро собралась и побежала к пивзаводу, где всегда было много подвод и лошадей. Через час она притащила полную корзину замёрзших конских катышков, растопила печь, вскипятила большой чугун воды, нашла во дворе старый полубочёнок, промыла его и залила горячей водой конские катышки. Таким способом она приготовила баню. Дождавшись, чтобы раствор стал не слишком горячим и для верности попробовав температуру воды локтем, мать быстро раздела меня и по шею погрузила в полубочёнок. Острый конский запах перебивал все другие запахи, но я ощущал невыразимое блаженство и облегчение. Казалось, вот она – панацея, вот так и надо лечиться. Мать потом еще два раза купала меня в вонючей конской купели, у меня очистилось горло, лёгкие, стало легче дышать. Но какой-то бес сидел внутри меня и не отпускал.

Снова поднялась температура, все суставы воспалились, стали красными; распухли, и я не мог уже ни встать, ни сесть, ни, тем более, ходить. Тошнило, кружилась голова, и я всё чаще стал терять сознание.

Через неделю Павлик уже не мог встать с постели. Мама почти не спала, несмотря на то, что её часто сменяли то тётя Сеня, то баба Маня. Суставы у него распухли и болели так, что он стонал, почти не переставая. Но самое тяжкое началось после того, как у него от слабости и отсутствия питания начали атрофироваться мышцы. Это привело к тому, что сухожилия, как тугая резина, стянули ноги и руки больного, и он не мог их

разогнуть. Теперь стали болеть и конечности, которые состояли из костей, обтянутых кожей. Болело всё, и больной всё чаще пребывал в бессознательном состоянии. Чтобы хоть немного облегчить страдания, тётя Сеня придумала для него колыбельку с простынкой, на которой положили Павлика (тем более, что сам он уменьшился до размеров почти грудного ребёнка и лежал всё время скрюченный). На простынке его легче было переворачивать. А он поминутно стонал и кричал: «Поверни! Поверни!!» Так было в течение второй недели его болезни.

Потом, когда периоды пребывания больного в бессознательном состоянии стали почти постоянными, всё чаще слышалось: «Поверни! Поверни, тебе говорю! Поверни, ё… твою мать!.. Не так, не так больно, м…да собачья… Почему ты делаешь мне больно? Круща мэти[1]!.. Поверни! Нет, не так! Ах, ты, пся крев[2]! Ты нарочно бьёшь меня по ногам!.. Вот я скоро поднимусь и встану! Вот я встану и покажу вам, жандармы румынские, фашисты!..» И так далее и тому подобное. Весь этот специфический репертуар выливался на голову чаще всего бедной матери, которая тихо плакала и звала его: «Ну, встань, встань, родной мой!» Она почти не отлучалась теперь от своего сыночка, а он, не приходя в сознание, продолжал поливать её грубой мужицкой матерщиной.

Взрослые долго потом дивились, где примерный мальчик, «хлопчик с золотою головкою», как звал его отец, мог набраться таких забористых и поганых слов, причем на нескольких языках, включая молдавский, цыганский и иврит. Взрослые явно недооценивали интернациональный уровень уличных контактов юных сорванцов, которые ежедневно общались на множестве языков и наречий.

Так продолжалось несколько дней. Когда Павлик приходил в сознание, ему торопились засыпать в рот множество порошков и после этого начинали кормить. Больной начал понемногу есть жиденькие супчики и каши. Горло почти перестало болеть, температура спала, но больной продолжал лежать в позиции эмбриона, изнемогая от дергающих суставных болей. Павлик таял на глазах. Казалось, никакое лечение – не впрок.

И тогда дедушка Николай снова привез старого фельдшера. Мельком глянув на больного, тот сразу сказал:

– Немедленно в больницу, – и тут же стал выписывать направление на стационарное лечение.

Родня в панике засуетилась. Все захлопотали, засобирались.

Появилась надежда.

Вечером, при приеме в городскую больницу, Павлика осмотрел дежурный врач, худощавый мужчина лет сорока с изможденным

лицом, и велел положить мальчика в первую палату терапевтического отделения. Больной был признан очень «тяжелым» и матери было разрешено находиться при нем в качестве сиделки.

Утром во время обхода врачи собрались у постели больного. Их было трое. По сути, консилиум. Врачи внимательно осмотрели мальчика. Это были, как потом выяснилось, известные, ведущие врачи: доктор Кошелев, осанистый мужчина с черным ёжиком, выбивающимся из-под крахмальной белой шапочки, и суровым медальным профилем, и – доктор Юхим, рыхловатый очкарик с одутловатым багровым лицом, небрежно нахлобученным на лысую голову белым колпаком и халатом, едва укрывающим его толстую фигуру. Третий, доктор Петряк, малозаметный худощавый пожилой мужчина, молча, не вмешиваясь, следил за действиями своих коллег. Потом они втроем о чем-то вполголоса совещались. Их язык был недоступен для окружающих, но мама всё же уловила: «ревматизм» – слово, которое звучало чаще других.

Доктор Петряк, который оказался лечащим врачом Павлика, продиктовал медсестре все необходимые назначения. Быстро и оперативно установили капельницы с лекарствами.

Начался новый этап – уколы и капельницы.

В течение нескольких дней Павлика искололи до того, что живого места не осталось.

Доктора каждое утро начинали обход палаты с постели Павлика. Петряк озабоченно говорил о дефиците синовиальной жидкости в суставах, тахикардии, миокардите и прогрессирующей дистрофии. Юхим молчал, а Кошелев хмуро кивал своим ёжиком.

Положение больного оставалось стабильно тяжелым.

Однажды дедушка Николай напросился на прием к доктору Юхиму, который был завотделением, и спросил, что ещё можно сделать? «Мы делаем всё возможное», – сказал Юхим. «Может, нужны какие-то особые лекарства?» – спросил дедушка. «Буду откровенным: нужны пенициллин, бициллин и еще кое-что, то есть то, чего у нас нет, – с горечью констатировал старый доктор. – Это дефицит, которого нет и не будет. Сейчас время военное, медикаментов для гражданских больниц поступает крайне недостаточно. Лечим тем, что есть…»

Прошло ещё две недели. Павлик продолжал лежать на больничной койке скрюченный, со стянутыми, как у краба, суставами. Его желудок перестал принимать пищу, и ему через тоненькую вену на кулачке стали вводить глюкозу. Он всё чаще терял сознание, но уже не матерился, а тихо стонал. Мама всё

чаще падала на колени и беспрестанно шептала свою мольбу Богу:

– Великий Боже! Прошу тебя: исцели моего сына!

Однажды вечером я очнулся от того, что в палате было очень тихо. Это было необычно: палата была огромная, в ней лежало человек двадцать, и всегда слышны были какие-то шумы, разговоры, чаще стоны больных. Но сейчас было темно и стояла полная тишина. Только на моей тумбочке, тихо потрескивая, горел неровным синим пламенем каганец – самодельный светильник, состоящий из фитиля, опущенного в плошку с каким-то горючим веществом. Каганец то вспыхивал ярким пламенем, то угасал. Наверное, горючее заканчивалось.

Вдруг я почувствовал, что чья-то холодная рука коснулась моей головы: кто-то пытался погладить меня. Но это была – не мама: она сидела рядом на табуретке и вместе со мной молча смотрела на пламя каганца. Я с трудом повернулся и увидел человека, которого видел и раньше, до болезни, но в другом месте, далеко от больницы. Его звали «брат Даниил», и был он пресвитером баптистской церкви, в которую с недавнего времени мы с мамой стали ходить.

– У тебя совсем нет волос на голове, – сказал брат Даниил.

– У Павлика был сильный жар, – объяснила мама. – И все волосы выпали.

Я молчал. Про волосы я и сам не знал, я давно не видел себя в зеркале. А брат Даниил продолжал своими ледяными пальцами гладить мою лысую, как тыква, голову.

– Большие страдания ты принял, брат Павел, – произнес он с печалью в голосе. – Не каждому Господь даёт такие испытания, да не каждый и выдержать их может… – Священник разговаривал со мной, как с равным. Как со взрослым. Это было ново и удивительно. – Ты много претерпел, брат Павел, несмотря на свои совсем детские года. И, может быть, Господь, глядя на твои муки и долготерпение, проявит милость и даст тебе здоровье…

Я молчал, чувствуя, что жизнь во мне теплится еле-еле, как вон тот каганец, и может внезапно кончиться в любое мгновение …

Брат Даниил и мама встали на колени рядом с моей койкой и начали тихо молиться о моём выздоровлении.

Потом пресвитер поцеловал меня, как принято среди братьев во Христе, и попрощался.

Мы с мамой остались. Она прилегла на краешек моей койки, а я стал смотреть на слабое свечение каганца. Электричество в больнице включали редко и только днем: вероятно, только для неотложных больничных нужд.

После ухода пресвитера я почувствовал некоторое просветление и решил помолиться сам, как учила меня мама. «Господи, – произнес я тихо, чтоб никто не слышал. – Господи, прости и помилуй меня».

Каганец вдруг вспыхнул и после этого вдруг совсем поник. Но ещё не погас.

Когда он погаснет, подумал я, меня больше не будет. Я тоже погасну и умру …

Я больше не могу. Не могу и всё.

Не могу…

Через несколько мгновений хлипкое пламя фитилька предсмертно мигнуло, превратилось в точку и, наконец, совсем погасло. И одновременно с ним прекратилось дыхание и перестало биться сердце Павлика.

Всё остановилось. Это было начало конца: наступила смерть.

Павлик умер.

Мать, еще не понимая, что случилось, хотела было возжечь каганец, но притронувшись по привычке к телу сына и поняв, что с ним что-то не так, она вдруг закричала страшным голосом:

– По-мо-ги-те-е-е-е-е-е-е!

Прибежали дежурные медсестра, врач. По случайному совпадению дежурил как раз многоопытный Петряк. Не раздумывая, доктор начал проводить искусственный массаж сердца и лёгких Павла. Он, не переставая, работал и работал, периодически надавливая на хилую грудь мальчика своими жилистыми руками и вдувая воздух в его рот. Потом, приняв из рук сестры большой шприц, он сделал укол прямо в сердце Павлика. Пот струями стекал с лица доктора, заливал глаза, а он, не обращая внимания, всё качал и качал. «Ну, давай, – хрипел он, изнемогая от напряжения, – давай, работай».

Наконец, сердце мальчика затрепыхалось, забилось, и он задышал.

– Давай, дружок, возвращайся, – проговорил доктор Петряк, переводя дух. И, обессилев, рухнул на табуретку.

* * *

Моя клиническая смерть порядком всполошила всю палату и медперсонал.

Я был еще совсем слабым, когда утром снова собрался консилиум. Но на этот раз не именитые врачи обследовали меня,

а доктор Петряк. Мой лечащий врач, которого отныне и до конца дней своих я буду почитать как *моего спасителя,* подробно выстукивал и выслушивал мои сердце и легкие, считал пульс. Пробовал разогнуть мои скрюченные руки и ноги, но резкие боли не позволили добиться успеха. Наконец, доктор Петряк встал с моей постели и сказал, обращаясь к коллегам:

– Просматривается значительное увеличение левого желудочка, нагрузка на миокард возросла. Вероятно, поражен митральный клапан. Пульс сильно учащенный.

Он предложил отменить все предыдущие назначения, и сделать мне инъекции какого-то нового – я не запомнил, какого – препарата для укрепления сердечной мышцы. Кошелев и Юхим согласились.

В течение следующих дней, после ввода новых препаратов, я почувствовал некоторое облегчение. Стал дышать полной грудью, появился аппетит. Мама немного повеселела и сходила домой. К вечеру она принесла в горшочке, завернутом в одеяло, горячий куриный супчик, который я раньше очень любил. Наверное, пожертвовала всё-таки одной из своих курочек. Она с улыбкой смотрела, как я ем с ложки. Без её помощи я не мог даже ложку поднести ко рту.

Однажды на утреннем обходе вместе с лечащим врачом к моей койке подошел еще один человек. На нем внакидку висел белый халат поверх военного мундира. В какой-то момент я разглядел узенькие белые серебряные погоны майора медицинской службы. Майор был коренаст и плотен, его круглое лицо излучало дружелюбие и внимание.

– Это военный врач Марко Петрович, – представил незнакомого человека доктор Петряк, обращаясь не столько ко мне, сколько к маме.

– Ну, здравствуй, герой, – протянул Марко Петрович мне свою пухлую руку, но, увидев, что я не могу ответить ему тем же, мягко сжал мое предплечье. Я почему-то сразу понял, что это – рука друга, в которой я так нуждался.

– Марко Петрович – терапевт, – пояснил доктор Петряк. – и он ещё специалист-ревматолог. Он служит в военном госпитале в нашем городе и по моей просьбе дал согласие по совместительству поработать в нашей больнице.

– По правде говоря, – шепнул мне на ухо мой спаситель, – это я попросил Марка Петровича специально поработать с тобой, Павлик.

Марко Петрович внимательно посмотрел на меня. Взгляд его

из-под кустистых рыжеватых бровей по-прежнему излучал добродушие и какую-то бесшабашную уверенность и силу.

– Теперь осталось главное, – сказал он, – настроиться на выздоровление. Выздоравливают и выживают те, кто хочет выжить… Главное – это настрой. Настрой на жизнь… Ты готов? – вдруг спросил он у меня.

– Да, да! – пропищал я с надеждой. – А вы поможете мне?

– Для этого я и пришел к тебе. – И Марко Петрович грузно сел ко мне на койку и приступил к врачебному обследованию того, что от меня ещё оставалось.

Я понял, что в моей жизни, точнее в том зыбком состоянии между жизнью и нежизнью, в котором я пребывал последних полтора месяца, начинают происходить кардинальные изменения. Наконец-то, после всего того, что я пережил, появилось твердое желание – *выжить!* И жить, жить, жить…

Марко Петрович приходил ко мне через день. И каждый раз он приносил с собой небольшие пузырьки, и медсёстры делали мне уколы из каких-то новых препаратов. Я не знал их названия, но чувствовал, что они помогают. Откуда что бралось, я не знаю, но похоже, что это был тот самый «дефицит», о котором говорил доктор Юхим.

Через неделю меня вообще колоть перестали – дело явно шло на поправку. Дедушка Николай приезжал каждый день и привозил разнообразную еду, которую успевали приготовить баба Маня и тетя Сеня. Я всё подметал теперь с немыслимой быстротой: жор был отменный.

Марко Петрович начал учить меня упражнениям для восстановления функций рук и ног. Я кряхтел, обливался потом и делал всё, что он велел.

Однажды Марко Петрович принес две больших тубы и сказал, что в них – редкий немецкий препарат, который надо принимать для окончательного выздоровления. Препарат по цвету напоминал кизиловое варенье и на вкус был непротивный – кисло-сладкий.

Наконец, наступил день выписки из больницы. Дедушка Николай подъехал на санях почти к нашей палате, меня завернули в тулуп – ходить сам я пока не мог – и повезли домой.

Какое счастье возвращаться домой, зная, что ты идешь на поправку! Вдыхаешь в себя тугой свежий воздух и кажется, что его свежесть проникает не только в твои легкие, бронхи, а во все клеточки. И ты упиваешься этой свежестью и не можешь насытиться. И окружающий тебя новый мир вдруг приобретает

такую полноту и разнообразие красок, что хочется кричать или плакать от переполняющих тебя чувств …

Февральское солнышко чуть-чуть припекало, а почерневший снег еще лежал плотной коркой. На дороге, в колеях стояла талая вода, хотя ручьёв еще не было. Зима еще не ушла, но голубое небо в пушистых барашках и бодрый напористый ветерок уже тянули к весне. И мир деревьев, птиц, животных и людей уже готовился к весенним переменам.

* * *

Дальше всё было просто и хорошо. Доктор Марко Петрович изредка приезжал к нам домой и привозил тубы с немецким препаратом. Тётя Сеня сшила мне теплое пальтишко, а соседка тетя Маруся подарила мне теплую стёганую безрукавку. Дедушка своими руками смастерил мне из старой шинели теплые бурки. Мама стала выносить меня на улицу, и я тихо сидел на призьбе (завалинке).

Прошел еще месяц, пока мои руки и ноги стали почти нормальными, и в конце марта я начал заново учиться ходить.

В начале апреля я бегать еще не мог, но, держась за стены, вполне мог передвигаться.

Наступила пасха. В связи с праздником дедушка заколол кабанчика, и в воскресный день мы разговелись крашеными яйцами, а потом объедались свежениной. После обеда дедушка Николай приехал к нам на двуколке, запряженной всё тем же старым Каштаком, и велел мне собираться.

– Поедем к Марку Петровичу, – сказал он. – Поздравим нашего спасителя с праздником.

Я быстро, теперь уже без посторонней помощи оделся. Дедушка подхватил меня и посадил на деревянное сиденье рядом с собой. В ногах лежал белый мешок с чем-то.

– Что там? – спросил я.

– Подарочек для доктора.

– Н-но! – дал команду коню дедушка, и мы поехали.

Ни одно путешествие в мире не может сравниться с той поездкой.

Мы ехали сначала в центр города, потом свернули на Пэмынтены.

Мне кажется, я никогда до того не видел столько цветущих деревьев. Улицы и переулки, по которым мы ехали, утопали в

садах. Цвели вишни, сливы, абрикосы, которые росли почти в каждой усадьбе. И всё окружающее пространство садов было наполнено таким радостным бело-розовым сиянием, что, казалось, всё это потрясающее весеннее великолепие готово взлететь в васильковое солнечное небо. И мы вдыхали целебнейший аромат садов и не могли надышаться.

Марко Петрович жил в скромной казенной квартире с женой и дочерью, девочкой лет десяти. Маленький палисадник перед его квартирой тоже был в цвету.

Пока дедушка привязывал поводья к забору, доктор вышел во дворик и, широко шагнув ко мне, вдруг схватил меня и высоко поднял своими сильными руками.

– Ну, здравствуй, дорогой мой пациент! Здравствуй, *воскресший из мертвых,* – сказал человек, благодаря усилиям которого моё воскресение перешло в полное выздоровление. – Для меня большая радость, что ты пришел ко мне и пришел на собственных ногах.

Тут подоспел дедушка Николай с мешком. Они похристосовались с доктором, и дедушка передал ему наш подарок. То был свиной окорок. По тем голодным временам – подарок королевский.

Потом мы пили чай в окружении семейства Марка Петровича и вспоминали больницу, особенно, доктора Петрука. Оказывается, его звали просто – Иван Иванович. А я не знал.

Именно в тот день Павел твердо уверовал, что пока на свете есть доктор Петрук, Марко Петрович и подобные им люди, он никогда не умрет.

«Я, юный пионер…»

1947–1950

Много ошибок я допустил в свои первые школьные годы. Это было неожиданно и особенно обидно, потому что лет с пяти мне очень хотелось попасть в школу, и я завидовал старшим товарищам, которые уже учились и умели читать и писать.

Начальная школа, в которой мне предстояло учиться, располагалась примерно в полутора километрах от нашего дома на углу тихой улицы Осипенко и шумного проспекта Артёма, по которому, громыхая на булыжниках, ехали каруцы, редкие автомобили, спешили на службу в центр принаряженные дамочки и мужчины в гимнастерках, торопились в торговые точки озабоченные пожилые евреи, рабочие в промасленных спецовках группами и поодиночке шли на маслозавод, железнодорожную станцию и на большой завод за высокими стенами из котельца с пущенной поверху колючей проволокой. Завод называли «ящиком» и выпускал он что-то военное. Что именно – никто не знал.

Школа располагалась в одноэтажном сером доме.

Напротив находилась керосиновая лавка, хорошо мне знакомая. Несколько раз мать отправляла меня в эту лавку. Я выстаивал в вонючем помещении очередь и протягивал продавцу свою металлическую банку. Пожилой дядька в клеенчатом фартуке, продавец, надсадно дыша – у него, наверное, была астма, – свирепо сверкая стеклянным глазом, спрашивал сипло: «Сколку литра?» «Три», – тихо отвечал я, со страхом глядя на его железный черпак с длинной ручкой.

Дядька зачерпывал этим сосудом из бочки синеватую с перламутровыми разводами жидкость и заливал в мою банку. Я протягивал мятый рубль, получал сдачу и, обливаясь потом, тащился домой…

К школе мне справили штаны из дедушкиных перелицованных брюк и рубашку из маминой юбки. Это всё сшила тетка Сеня. Дедушка Николай выкроил из старой коровьей шкуры два куска, дратвой схватил их в нужных местах, и получились маленькие лапти с заостренными носами – постолы. Мама из мешковины сшила торбу, в которую положила четыре тетрадки и карандаш, купленные за большие деньги на барахолке. В таком снаряжении первого сентября отец повел меня в первый класс.

Был теплый немного пасмурный день. Мы пришли рано, но оказалось, во дворе школы уже полно народу. Притихшие дети, держась за руки родителей, стояли в очередях на запись в две колонны. Отец уточнил: «Дэ тут пэрвачи?» И мы встали в очередь к строгой пожилой даме, которая сидела за некрашеным фанерным столом. Другой ряд двигался к фанерному столу, за которым сидел седой старик. Он записывал в третьи и четвертые классы. Когда подошла наша очередь, отец, стараясь выговаривать слова почище, по-русски, обратился к даме:

– Жэнчина! Пр**о**шу вас, запышить мого хлопця ув перший клас.

Суровая дама поправила отца: «Не хлопця, а мальчика» и сказала, что её зовут Анна Яковлевна и именно она является учительницей первого и второго классов. Макая ручку в фарфоровую чернильницу, учительница спросила моё имя и фамилию, не торопясь записала всё, что надо и сказала:

– Павел Крёстный, ты пока постой здесь, рядом со мной. Скоро вместе с другими ребятами я поведу тебя в класс. А вы, папаша, можете идти домой.

Отец попрощался и быстро ушел. Больше, в течение последующих десяти лет моей учебы, ни он, ни кто другой из моих родных в школе никогда не бывал.

Сразу за входной дверью школы слева располагалась маленькая конура, в которой сидела толстая тётка – она была и дежурной, и уборщицей, и сторожихой. Напротив – небольшой кабинет заведующего, дальше – просторный вестибюль, из которого можно было попасть в две классные комнаты. В одну из них привела толпу ребятишек наша учительница Анна Яковлевна.

– Все, кто записался в первый класс, садятся на первый и второй ряды парт, – объявила она. – Второй класс садится на третий и четвертый ряды.

Парты были длинные, выкрашенные в блестящий черный цвет, за каждой уселось по четверо-пятеро учеников. Первоклассников набралось десятка два, второклассников – немного меньше. В следующие дни подошли еще человек десять, так что сводный класс получился большой. Таких, как я, семи– и восьмилетних было немного. Мы быстро перезнакомились, поскольку были из одной магалы: Мындреску Ваня, Цанга Люба, Фишман Харик, Фихман Юлик. Позднее я подружился с Ваней Салом, который был на четыре года старше меня. Большинство ребят были переростки, особенно пришедшие с улиц Пограничной и Нижней, возле речки, и из Цыгании. Некоторым было по двенадцать – тринадцать лет. Была одна очень красивая девочка,

цыганка Галя Гусакова, судя по зрелым формам, лет, наверное, четырнадцати. (Позднее, едва научившись читать и писать, она вышла замуж, так и не кончив первого класса.)

Учительница спросила, кто умеет читать? Подняли руки Фишман и я.

Кто умеет считать до ста? Подняли руки те же, немного колеблясь, – ещё и Фихман.

– Хорошо, – похвалила Анна Яковлевна. – Остальных я научу.

Она показала всем букварь, но выяснилось, что такой книжки ни у кого нет, да и других учебников тоже. Учительница удивилась, огорчилась, но делать было нечего:

– Что ж, будем учиться без букваря.

И мы начали учиться писать палочки в тетрадях в косую линейку …

Первый день в школе прошел удачно. Всё было ново, интересно, кроме того, учительница меня похвалила, и, счастливый, с новыми знакомыми я шёл домой. Однако новая – ученическая – жизнь таила неожиданности, в том числе и неприятные.

Первая беда со мной случилась ровно через неделю. Каждый день было по три-четыре урока, между ними короткие перемены, во время которых все выскакивали во двор. Кто-то от избытка чувств носился, сломя голову, другие бежали в уборную в дальнем конце двора. Уборная, как положено, была деревянная. В мальчишечьем отделении было четыре очка, и там всегда толпились пацаны постарше. Многие курили и, не спеша, справляли нужду. Мы, малышня, жались по углам, ждали, но редко кому удавалось пробиться к очку. Кончалась перемена, звенел звонок, и нужно было бежать на урок. Отпрашиваться в уборную с урока мы ещё не научились. Так и терпели. Однако к концу дня иногда становилось невмоготу.

Хорошо было тем, кто жил недалеко от школы. Я жил далеко… Несколько раз, напрягая все силы, с трудом добегал до дома. Но однажды не смог.

Думал, успею. Терпел, сжав зубы. Не дышал… Бежать не мог, внизу живота что-то давило, мешало… Слёзы текли из глаз, я держался изо всех сил… Надо было ускорить шаги, но идти больше не мог… Остановился. Широко открыл рот, что набрать воздуха и… Вдруг большой скользкий комок оторвался от живота и сквозь штанину полетел вниз по ноге…

Хорошо, что на улице никого не было, и никто ничего не видел.

Дома тайком от матери я постирал штанишки. Было невыносимо стыдно …

Другая беда настигла меня позднее и привела к тому, что я был посрамлен и пригвожден к позорному столбу на длительное время. В школе мне нравилось почти всё, но с какого-то времени я почувствовал, что учительница поглядывает на меня с неприязнью. Особенно, когда я ошибался в произношении слов и говорил не чисто по-русски, как положено в русскоязычной школе, а на своем украинско-русско-молдавском диалекте: «шо» (вместо «что»), «гув**о**рытэ» (вместо «говорите»), «царане» (вместо «крестьяне»), «жиды» (вместо «евреи»), «матуша» (вместо «тетя»), «сараку» (вместо «бедный»), «мэй» (форма обращения) и прочее. Но самое худое было связано с арифметикой.

Когда были уроки устного счета, я быстро поднимал руку и отвечал. Учительница спрашивала:

– Сколько будет три да четыре?

Я тут же отвечал:

– Семь.

– А четыре да пять?

– Девять.

– Правильно. А что же ты Крёстный у себя в тетрадке вытворяешь?

Я не понимал, о чем она говорит и, опустив голову, молчал.

– Ты просто лентяй и не хочешь учиться.

Я по-прежнему не понимал её.

А дело было вот в чём. Поскольку учебников по арифметике не было, учительница писала домашние задания на доске: «1 + 1 = … 2 + 1 = … 3 + 1 = …» и так далее. Мы всё старательно переписывали. Дома примеры нужно было решать. Вероятно, учительница объясняла, что ответы нужно *дописать*, но я был невнимателен и дома всё просчитывал *устно* и ничего не дописывал. На следующий день полагалось тетрадь сдавать на проверку, а новые примеры записывать в другую тетрадку. Я, как положено, тетрадку сдавал, а через день, получив её обратно, с удивлением обнаруживал под своими записями большую красную единицу. Так продолжалось несколько раз, и в моих тетрадях было уже по несколько «колов». Всё это попало на глаза отцу, который стал страшно ругаться, обозвал меня «дурнем», но что надо делать, не сказал. В классе я стал пользоваться плохой репутацией: Анна Яковлевна вдруг разглядела во мне злостного симулянта и во время письменной работы она подходила ко мне, больно тянула костлявыми пальцами за правое ухо и тыкала головой в тетрадку, злобно приговаривая:

– Решай примеры … решай примеры, лентяй … Лентяй Иваныч!

Я глотал слёзы и решал. *Устно!* По-прежнему не понимая, что ответы надо – *писать!*

Строгой Анне Яковлевне, вероятно, не приходило в голову, толково всё объяснить. Она продолжала ставить мне единицы, тянуть за ухо и звать Лентяем Иванычем.

Неожиданно помогла тётка Сеня. Увидев мои злополучные тетради с «колами», она быстро сообразила, что надо делать и показала, как решать примеры.

Я перестроился, и вместо единиц стал получать нормальные оценки. Но обида на Анну Яковлевну не проходила.

Иногда наша учительница заболевала, и вместо неё к нам в класс приходил Яков Михайлович, учитель третьего и четвертого класса. Он был очень старый, но веселый, жизнерадостный, громогласный и большой. Для нас, первачей, его приход был праздником.

Он любил играть и шутить.

– Что легче, – спрашивал, – килограмм ваты или килограмм железных перьев номер восемьдесят шесть?

– Вата! – отвечали мы дружно.

– Не-е-ет! – свирепо выкатывая свои огромные глаза, громко отвечал старый учитель.

– Тогда… наверно, перья, – неуверенно говорил кто-то.

– Н-н-е-е-ет, дети мои! – кричал учитель так оглушительно, словно мы были за километр от него.

И тогда руку поднимал очень тихий, очень рыжий и конопатый, с большими, как вареники, ушами и тонкой шеей Фишман Харик и чуть слышно говорил:

– Они одинаковые.

– Что одинаково?

– Килограмм ваты и килограмм перьев.

– В-о-о-о-т! – заключал Яков Михайлович и хохотал так, что стёкла в окнах слегка дребезжали. Вместе с ним долго смеялись все мы. Было весело и интересно.

Еще говорил он нам о правилах культурных людей, как надо сидеть за столом, как, входя в дом, пропускать других, как здороваться, особенно со старшими.

– Во время приветствия надо на секунду остановиться, немного приподнять головной убор и, слегка поклонившись, поздороваться.

Многие из моих сверстников возлюбили этот ритуал и по несколько раз в день, встречаясь со старым учителем, снимали кепки, картинно раскланивались и здоровались. Яков Михайлович с веселой улыбкой тоже приподнимал свою шляпу,

кланялся и громко выкрикивал так, что слышно было на другом конце Пэмынтен:

– Здрав-ствуй-те!

С Анной Яковлевной, к счастью, мы скоро расстались: она куда-то уезжала. Но на прощанье она всё же подсыпала немного горечи в мою маленькую жизнь.

Перед новогодними праздниками в школе проводилась ёлка, и чтобы её украсить, нужно было каждому принести какую-нибудь игрушку. У меня была единственная игрушка, которую мне подарили, – зелёный броневичок. Он был заводной, и не только мог катиться дома по земляному полу, но и вращать маленькой башенкой с крохотным пулемётиком. Но раз учительница велела, я принёс свой драгоценный броневичок в школу, и сама Анна Яковлевна за ниточку прикрепила его к ёлке. А когда через несколько дней я пришел на новогодний праздник, броневичка на ёлке почему-то не оказалось. Я спросил у Анны Яковлевны про игрушку, но она сердито сказала, чтоб я не приставал: она ничего не знает…

Хорошо, что она уехала. Иначе я возненавидел бы учителей и школу.

* * *

Во втором полугодии в школе появились новые люди – заведующий и учительница. Заведующего звали Николай Павлович. Был он небольшого роста, полноват, с округлым лицом и добрейшей улыбкой. Во время перемен он часто играл с нами: взявшись за руки, мы водили хороводы, пели песни, учились ходить танцевальным шагом. Он выгонял из уборной курильщиков и следил, чтобы старшие не обижали младших. С появлением Николая Павловича стало как-то надёжно и очень интересно.

Новая учительница Евгения Ивановна, пожилая женщина с седыми буклями, как и Анна Яковлевна, была строга, но уже на третий день знала всех детей поимённо и обращалась к каждому не иначе, как Ваня, Люба, Юлик, Павлик… Она показала, как надо складывать не буквы, а звуки в слоги и слоги в слова. Некоторые ребята, такие, как переростки Саня Сысоев и Ваня Сало, долго мучились, никак не могли постигнуть процесс чтения: зная буквы, долго стояли, шевеля губами, мычали, не умея складывать слоги. Евгения Ивановна вдруг сказала им:

– Ну-ка, давайте вместе со мной пойте, пропевайте звуки и

слоги. Смотрите на доску, а буду писать и одновременно петь: ммм-ааа … получается мааа … и снова ммм-ааа …. мааа … получается маааамааа, то есть *мама*. И дальше: ммм – ыыы … мыыы … ллл-ааа … получается мыыылааа – *мыла*. Дальше: ррр-ааа-ммм-ууу … рааамууу, то есть *раму*. Теперь все три слова вместе, поём: маааамаа – мыыылааа – рааамууу. *Мама мыла раму*. Понятно?

Через месяц провели праздник прощания с букварем: и Саня, и Ваня, и все остальные читали вполне сносно.

Единиц я больше не получал. Учился нормально. Но однажды в весенний день, когда во дворе бежали ручьи и было сыро, мы с ребятами в вестибюле стали играть в догонялки. Я нечаянно опрокинул большой горшок с фикусом, который стоял на табурете. Горшок упал на цементный пол и разбился. Фикус тоже упал, несколько веток сломалось. «Ну, всё, – подумал я. – Будет мне трёпка».

Испуганная Евгения Ивановна на звуки шума выглянула из класса и, увидев содеянное разорение, всплеснула руками, ахнула и быстро спросила:

– Это – ты, Крёстный?

Не *Павлик,* как обычно, а – *Крёстный.*

Я понуро опустил голову.

– Ну, пошли. – И учительница повела меня в кабинет заведующего.

Николай Павлович сидел за столом и что-то писал.

– Что случилось? – спросил.

Евгения Ивановна объяснила и ушла.

Заведующий дописал свои бумаги, встал, подошёл ко мне и, взяв за подбородок, поднял мою голову и посмотрел на меня очень строгими глазами.

«Что будет? – думал я. – Горшок, конечно, дорогой. Меня, наверно, заставят привести отца. Без порки не обойтись».

– Как это случилось?

Я виновато молчал.

– Скажи, Павлуша, ты ведь сделал это не нарочно, правда?

Я молча кивнул.

Николай Павлович также молча погладил меня по стриженой голове.

– Ты ведь не хулиган и не шалун, – тихо сказал заведующий и, нагнувшись, вдруг поцеловал меня в лоб.

Еле живой, я снова кивнул.

– То больше не будешь шалить, дружок? Так ведь? – Он снова поцеловал меня.

Я не ответил – говорить не мог. Слёзы душили меня и,

наконец, хлынули из глаз. Я горько заплакал.

Меня давно никто не целовал. Даже мама. Отец, тем более.

Первый класс я окончил на отлично и из рук заведующего получил похвальный лист, высшую в те времена награду, с подписью – Н. П. Бабич.

* * *

Во втором классе к нам опять пришли новые учителя. Заведующим школы был назначен новый человек – Иосиф Абрамович. Толстый, лысый и очень крикливый. Он совсем не был похож на нашего любимого Бабича. Между собой мы стали звать его Иоська и считали вредным и злым. Зато с учительницей повезло: к нам пришла молодая, очень красивая женщина, Валентина Фёдоровна. Она одевалась с каким-то особым шиком: на её статной фигуре обычно была плиссированная чёрная юбка и пушистая серая кофта; в холодное время она носила каракулевую серую кубанку, которая очень шла к её большим голубым глазам. Она была похожа на артистку Серову, но гораздо красивее; голос у неё был грудной, низкий, чуть глуховатый. Говорили, что Валентина Федоровна была фронтовичка, но о войне распространяться она не любила. Хоть мы были маленькими пацанятами, многие сразу влюбились в новую учительницу и при случае старались всяко услужить ей или хотя бы обратить на себя её внимание.

Первого сентября мы выстроились во дворе в четыре шеренги (по классам) на линейку. Перед строем вышли знакомый нам дядя Илья с аккордеоном (он играл у нас на утренниках) и заведующий. Дядя Илья заиграл гимн Советского Союза, и Иосиф Абрамович вдруг затянул высоким тенорком, сильно по-еврейски картавя:

Сайю-юз негуш-ш-ш-и-и-и-мый геспу-у-у-блик
сва-а-а-бо-о-дных
Сплати-и-и-ла наве-е-е-ки вели-и-и-к-кая Ру-у-усь,
Да здга-а-а-вствуй-е-ет со-о-озд-а-анный
во-о-о-лей на-го-о-о-да
Вели-и-и-кий, ма-а-гу-у-у-чий Са-а ве-е-е-цкий
Сай-ю-у-у-уз!

Взмахнув руками, заведующий подал знак, и мы, четыре босоногих шеренги, дружно грянули припев:

Славься-а-а-а, а-а-а-те-е-е-че-ство на-а-а-ше-е-е
сва-або-о-одное —
Дру-у-ужбы наро-о-од-а-аф надё-о-о-ожный
апло-о-о-от!..

Учебной год начался хорошо. Мы преданно смотрели на нашу неземной красоты учительницу, она же, по-царски сдержанно, улыбаясь, излучала внимание и неизменную доброту. Каждый старался быть ближе к ней, чтобы хоть иногда поймать на себе взгляд её лучезарных глаз.

Я записался в городскую детскую библиотеку. Она была в центре города. Далеко. Но ходил туда с радостью. Сначала читал сказки, потом мне стали выдавать книжки Гайдара. Я читал и думал, какие смелые и геройские бывают ребята. Потом мне достался «Робинзон Крузо» и сразу после этого «Таинственный остров», и я понял, что нет ничего на свете интереснее, чем совершать путешествия к никому не известным островам, к новым землям и морям и, преодолевая суровые норд-осты, добираться до каких-нибудь Полинезий и архипелагов Туамоту. У нас в классе висела на стене карта полушарий, и несколько раз я пытался найти на ней остров в океане напротив устья реки Ориноко, на котором по описанию жил Робинзон. Река на карте была, океан был, а острова я не находил. Точно так же не мог найти и таинственный остров, описанный Жюлем Верном, хотя в книге были указаны его координаты.

Тогда я выпросил у мамы рубль десять копеек, пошел в «когиз» (так назывался книжный магазин), купил карту полушарий и дома гвоздиками прибил к стене. Теперь я мог вволю путешествовать, куда захочу. Карта была необычайно интересной. Я мог часами, мысленно следуя по обозначенным пунктирам, плыть на каравеллах Колумба к Антильским островам, или вокруг Африки – вместе с Васко да Гама, пересекать океаны с Магелланом.

Вместе со мной картой заинтересовался дружок мой Иван. Он был молдаванином, настоящая фамилия у него была Слэнина, что в переводе на русский означало Сало. Все звали его Сало. Он часто путался с написанием русских слов, приходил ко мне, и мы вместе делали уроки. Однажды мы придумали игру: сначала надо было просто найти на карте какой-нибудь город или море, или остров. Потом придумали: кто больше найдет городов на ту или иную букву. Соревновались. Иногда попадались неприличные названия. На букву «п», например, я нашел на карте название

европейского морского порта и прочитал – «Пула». Сало засмеялся. По-молдавски так назывался мужской половой орган. Неожиданно наши игры с картой обернулись практической пользой. Однажды на уроке неживой природы (был такой предмет) Валентина Федоровна спросила, кто знает, какие моря омывают территорию нашей страны. Были названы Черное, Каспийское, Азовское, Балтийское моря. А когда учительница попросила показать моря на карте, мы с Иваном быстро показали ещё и Белое, Баренцово, Карское, море Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское, Берингово, Охотское и Японское моря. Все были потрясены, нас сильно зауважали.

Ивана Сало уважали ещё и за то, что он был самым сильным в классе, да, пожалуй, и в школе. Никто не мог его побороть. В тёплое время года на траве школьного двора не раз схватывались разные силачи. Иван мог побороть любого, даже выше себя на голову. Он был небольшого роста, но руки у него были как железные клещи. Любого противника он сначала крепко сжимал в своих объятьях, потом резко поднимал и с силой, чуть наклоня, бросал на землю, через секунду тот был уже на лопатках. Я же, наоборот, был хилый и болезненный, часто болел ангиной. Но меня никто не трогал: все видели, что мы дружны с Иваном. Его побаивались.

Иван любил бороться, но никогда не дрался и не любил драчунов. Но однажды всё-таки его вынудили принять бой. В четвертом классе появился хулиган по фамилии Булаковский. Было ему лет четырнадцать, он был старше Ивана и выше ростом. Знали мы, что он ходит с финкой: он часто показывал её. Знали, что связан с какими-то бандитами: он постоянно похвалялся этим. Знали и то, что большинство пацанов с улицы Кладбищенской, где жил Булаковский, пользовалось дурной славой. И вот как-то раз этот Булаковский придрался к Ивану Сало. О чем они говорили, о чем спорили, я не слышал. Заметил их только в тот момент, когда Булаковский достал нож и размахнулся, чтобы ударить Ивана. Я не успел даже сообразить, что происходит, когда увидел, что Иван напрягся как пружина, отпрыгнул чуть вправо, уклоняясь от ножа, и мгновенно нанёс Булаковскому удар в висок. Всего один удар! Булаковский качнулся и упал навзничь. Он всё ещё сжимал в руке нож, но лежал, не шевелясь. Прошло несколько секунд – он продолжал лежать. Кто-то с испугу заверещал. Принесли воды, брызнули на лицо – Булаковский по-прежнему лежал, как мертвый. Побежали за Иоськой. Но не нашли. Наконец, поверженный очнулся и, отыскав мутными глазами Ивана, произнес:

– Я тебя всё равно зарежу! – после чего с трудом встал и,

шатаясь, пошел.

Дело на том не кончилось. Намерения у Булаковского были серьёзные. Вечером того же дня он собрал кодлу человек пять с улицы Кладбищенской во главе с парнем лет восемнадцати, и они пошли к Ивану. Подошли к дому, где жил Иван с больной старенькой матерью и старшим братом Ильёй (мы звали его просто Илухой). Начали свистеть. На крыльцо вышли Иван с Илухой. Парень, старшой, отошел от кодлы и позвал Ивана, но навстречу пошел один Илуха. Старшой и Илуха сошлись на середине двора и стали о чем-то толковать. Так у бандитов было принято проводить стрелку.

Илуха и старшой говорили долго. Кодла в это время держала наготове кто финки, кто кастеты. Иван спокойно стоял на крыльце, подпирая деревянный столб. Из кодлы, наверное, никто не знал, но старшой-то должен был знать, что Илуха, невысокий ростом, допризывного возраста парень, обладал необычайной физической силой. На спор – я сам видел – он, поднатужившись, поднимал за передок полуторку так, что передние колеса можно было крутить руками. Годовалого бычка, взяв за рога, он бросал на колени. Никого никогда Илуха не обидел, но все видели, как он гнул своими железными пальцами пятикопеечные монеты.

Наконец, базар закончился. Илуха спокойно пошел домой, а старшой увел своих бандитов на улицу Кладбищенскую. Стрелка на том и заглохла.

* * *

Ко Дню Красной Армии учительница предложила подготовить несколько номеров самодеятельности, в том числе поставить небольшой спектакль по повести Валентина Катаева «Сын полка». Решили изобразить сцену встречи бродячего сироты Вани Солнцева и военного мальчика-кавалериста. На роль кавалериста подобрали рослого, упитанного четвероклассника Моню Бердичевского, а роль Вани досталась мне. В день спектакля вся школа набилась в наш класс. Было тесно. Сцены не было, мы с Моней стояли на маленьком пятачке у доски и «изображали». В руках Моня держал «шашку», выстроганную из куска доски, но на плечи его была накинута настоящая военная шинель, которая принадлежала самой Валентине Фёдоровне. На Ване, то есть на мне, были драные штаны и рубашка, торба через плечо – всё своё, ноги были босые. Публика нас подбадривала:

– Моня, держи хвост пистолетом, саблю не сломай!

– Пашка, надень лапти – простудишься…

Наш спектакль должен был осветить эпизоды героической судьбы мальчишек, ставших во время войны «сынами полков». Нам с Моней это, видимо, удалось. Валентина Фёдоровна хвалила нас, присутствующий Иосиф Абрамович одобрительно похлопал нас по плечам. Публика неистово хлопала и вопила: «Бис! Б-и-и-с!» После представления меня стали звать не иначе, как «Беспризорник», а Моню – «Кавалеристом». Но слава оказалась недолгой.

Не прошло и месяца, как я совершил проступок, который был назван «политическим преступлением».

Преступление моё состояло вот в чем. Почти у каждого пацана была рогатка – простая резинка от трусов, натянутая между большим и указательным пальцами. Такая рогатка-резинка была предназначена для того, чтобы поражать противника пульками из жеваной бумаги. Этим баловством занимались все старше первого класса. Стреляли друг в друга обычно на переменах, изредка на уроках. У Валентины Фёдоровны, конечно, не забалуешь. Но были у нас во втором классе ещё уроки молдавского языка, которые вела старенькая Екатерина Александровна. Поговаривали, что она преподавала что-то еще в довоенной румынской школе. На её уроках мы отрывались по полной программе. Учительница время от времени беспомощно покрикивала: «Тачь, бэете!» («Тихо, мальчики!»), но всё было тщетно. Никто её не слушал. Стреляли все, даже девчонки. Стрельба была такой плотной, что мало кому удавалось увернуться от бумажных пулек, и это ещё больше раззадоривало. Даже очень неазартный и неагрессивный Фишман не выдерживал и исподтишка постреливал.

Прямо над черной классной доской в рамке висел портрет Сталина. Почему-то неостекленный, наверное, в школе не было денег на стекло. Я стрелял, как все. Всё больше отстреливался. Но уворачиваться удавалось не всегда. Часто прилетало и мне. Вдруг после одного из моих выстрелов раздался хлопок лопнувшей бумаги, и на портрете вождя на изображении его маршальского погона чётко стало просматриваться отверстие. В классе вдруг наступила неестественная тишина. Учительница сняла очки, посмотрела на класс, потом, надев очки, посмотрела на повреждённый портрет и замороженным голосом спросила:

– Кто?

Выяснить, кто из сорока двух учеников сотворил это злодеяние, было совершенно невозможно, разве что применяя пытки на дыбе.

– Повторяю вопрос: кто это сделал? – в голосе престарелой

учительницы звучал непривычный металл.

Класс ошарашено молчал. Все удивленно смотрели друг на друга. Помимо прочего, всё происходило так молниеносно и незаметно, что невозможно было догадаться, откуда и кто стрелял. Кто? Ну, кто же? Каждому хотелось это знать.

– Если виновник не признается, я напишу заявление в энкэвэдэ, – заявила учительница, демонстрируя какую-то до того неизвестную особенность своей персоны. Я не знал, что такое энкэвэдэ, но догадался, что это что-то нехорошее.

– Стрелять в портрет вождя, – добавила Екатерина Александровна, – это преступление.

Перед классом стояла уже не беспомощная бабушка, дожившая из румынского прошлого до послевоенных дней, а всё видящая, ничего не прощающая, безжалостная судья.

– Да, да, не ухмыляйтесь! – Всё оцепенели, никто не ухмылялся. – Это преступление. Притом политическое.

Ничего себе, подумал я. По спине пробежала струйка холодного пота. Сердце быстро-быстро застучало и остановилось – я судорожно вздохнул – и потом оно стало молотить, с силой бабахая о рёбра.

– Если преступник не сознается, будут допрашивать каждого …

Я представил себе, как моих одноклассников допрашивают, избивают до полусмерти, рвут живое мясо раскаленными докрасна щипцами, загоняют иголки под ногти … Я в кино видел.

– Ну, так кто?

– Это я, – неожиданно для самого себя сказал я, вставая с места.

– Ты – Крёстный?.. – удивилась Екатерина Александровна. – Не ожидала.

Она внимательно посмотрела на меня, вероятно ещё не вполне веря в услышанное. Зная меня много лет, – старая учительница жила в доме, недалеко от нашего, – как спокойного и тихого мальчика, она, наверное, в самом деле, не ожидала, что преступником окажусь я.

– Что ж, пойдем к заведующему.

Я сложил свои тетрадки в торбу, и мы пошли к Иоське. Было понятно, что дела мои совсем плохи.

Заведующий с кислой миной выслушал доклад учительницы. А в её речи вдруг появились непонятные для меня новые слова: педсовет, исключение из школы, колония для малолетних, ещё что-то.

– Принесите портрет, – неожиданно потребовал Иоська.

Принесли. Заведующий внимательно осмотрел дырку на

погоне отца народов и спросил меня:

– Зачем ты это сделал?

– Я не хотел. Я нечаянно.

– Балда, – тихо сказал он.

Говорить больше было не о чем.

– Я с вашего разрешения схожу к родителям Крёстного, – подала голос учительница. – Поставлю их в известность.

– Да, да, конечно.

Вечером того же дня учительница молдавского языка нанесла визит в наш дом. Всё рассказала моей бедной матери и в заключение, высказала предположение, что, скорее всего, меня исключат из школы. Перепуганная мать заплакала и попросила учительницу, как хорошую знакомую, вступиться за меня:

– Ведь вы же знаете мого Павлушу дуже добре.

– Ничем не могу вам помочь, – ответствовала суровая и отныне неприступная Екатерина Александровна.

Мать проплакала всю ночь. Отцу, правда, ничего не сказала.

На другой день в школу я не пошел. Боялся.

На следующий день тоже не пошел. По-прежнему страх парализовал меня.

Я не ходил в школу целую неделю.

А когда пришел, было очень рано. Толстая сторожиха, она же дежурная, пустила меня в класс. Я был один. Вдруг поднял глаза и увидел, что портрет Сталина висит на старом месте. Всё тот же. Приглядевшись, я понял, что дырки на погоне нет. Кроме всего, портрет отблескивал: в раму было вставлено стекло.

В класс кто-то входил. Это была Валентина Федоровна.

– Ну, здравствуй, Павлуша, – сказала она с порога, – я уж думала, ты заболел.

Она подошла ко мне и… неожиданно обняла своими белыми царственными руками. От её красивой кофты исходили такие запахи, что у меня перехватило в горле.

– За твой глупый поступок, – строгим голосом сказала она, – мы решили объявить тебе выговор… Но ты постарайся об этом никому не рассказывать.

– А портрет?

– Про него тоже лучше помалкивай. Сам Иосиф Абрамович заклеил портрет с обратной стороны. Так что ничего и не видно.

* * *

Во втором классе большинство из нас принимали в пионеры. В торжественной обстановке четвероклассники должны были повязать каждому красный галстук. Меня тоже принимали в пионеры, хотя лично у меня в связи с этим событием возникали большие проблемы.

Дело в том, что все члены моей большой семьи были люди глубоко верующие и богобоязненные. Как и все мой родичи, я тоже считался верующим, с раннего, еще военного, детства ходил с матерью в церковь, сначала православную, потом баптистскую. Пионеров же и комсомольцев все считали безбожниками. Да они и в самом деле воспитывались не просто в духе атеизма, а – воинствующего безбожия. И это обстоятельство было несовместимо с традициями и основами жизни моей семьи. Я смутно понимал это и дома не смел ни с кем даже разговаривать о том, что хочу стать пионером: это могло бы сильно огорчить родных, особенно, маму.

Мои школьные товарищи, со многими из которых я дружил, с большим волнением и радостью готовились к ритуалу приема в пионеры. Этот ритуал выглядел как знаковое событие: принятые в пионеры приобретали, казалось, особое, более высокое, достоинство, чем остальные дети, не пионеры. Это было как прохождение первой ступени посвящения в некий благородный рыцарский орден. Мне тоже очень хотелось получить высокое звание юного пионера.

Как же мне быть? Как поступить? Что делать? Я не знал.

У меня не было даже галстука. Не было и денег, чтобы купить его. А подготовка к ритуалу шла полным ходом.

И тогда одноклассник Семикин, с которым я не водился (он был ябеда, и в классе его не любили), вдруг дружелюбно предложил: «Хочешь, я попрошу свою мамку, и она сошьёт тебе галстук?» Надо, говорил Семикин, только принести деньги, отдать ему, а он передаст матери. Всего рубль пятьдесят. «Но у меня нет таких денег», – сказал я. «Это ничего, – деловито заверил меня предприимчивый товарищ. – Ты каждый день будешь отдавать мне по 15–20 копеек, пока не наберется полтора рубля». Я колебался. «Ну, как, идёт?» «Идёт», – уныло согласился я. Потом почти месяц расплачивался, отдавая Семикину копейки, которые иногда давала мне мать для покупки бутерброда или булочки с чаем в ближайшей от школы столовой. Зато через день Семикин отдал мне сатиновый галстук, аккуратно прошитый по краям на швейной машинке.

Получив галстук, я понял: путь у меня теперь только один…

Всё должно было произойти 22 апреля – в день рождения

Ленина. Мы усиленно готовились к торжеству.

Пионер – значит первый. Пионер – всем во всём пример. Так говорила обожаемая нами Валентина Федоровна, каждое слово которой было для нас на вес золота. Пионер отличается хорошим поведением – значит, все рогатки долой! У пионера не должно быть двоек. Я-то давно учился не только без двоек, но и без троек и даже без четверок, но у Ивана Сало хромала грамматика – надо было помочь: не мог же я идти в пионеры без моего друга. Класс подтянулся, злостные лодыри исправляли двойки, шалуны затихли. Даже на уроках молдавского языка стояла гробовая тишина.

И вот мы, два десятка второклассников, выстроились в вестибюле в одну шеренгу и стоим перед другими классами. У каждого на вытянутых руках – галстук.

Раздаются барабанная дробь, звуки горнов, и из кабинета заведующего выходит знаменная группа, строевым шагом проходит мимо нашей шеренги и останавливается со знаменем пионерской дружины посреди вестибюля.

– Слово предоставляется… – громким праздничным голосом возглашает наша Валентина Федоровна. (Она, как всегда, с нами. Рядом. Но выглядит необычно. На ней гимнастерка с погонами старшего лейтенанта, медали и орден Красной Звезды.) – Слово предоставляется пионеру 20-х годов, ветерану войны товарищу Майскому.

Строй напряженно замер: кто это такой?

Вперед выходит Иосиф Абрамович и, приветствуя нас, говорит какие-то важные слова. На его пиджаке блестит несколько медалей. Оказывается, у него фамилия Майский, и он фронтовик. А я не знал …

Рядом со знаменем встает четвероклассница Зина Гузун. Она председатель совета дружины. Главная пионерка. Очень красивая. Светло-русые косы заплетены корзинкой и украшены белами пышными бантами. На ней – чёрный низ, белый верх – ослепительно белая блузка с тремя красными лычками на рукаве. Поверх блузки – яркий галстук, настоящий шелковый.

Мы должны произнести слова присяги, которая называется торжественным обещанием.

– Я! Юный пионер! – громко произносит Зина, и мы за ней хором повторяем:

– Я, юный пионер…

– …перед лицом своих товарищей…

– …перед лицом своих товарищей…

– …торжественно обещаю…

– …торжественно обещаю… – как эхо вторим мы и дальше произносим всё, что говорит Зина.

Нам повязывают красные галстуки.

Зина звонким голосом командует:

– Юные пионеры, см-и – и-ррр-но! К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!

– Всегда готовы! – радостно, немного невпопад отвечаем мы и вскидываем руки в салюте.

Всё. Ритуал на этом заканчивается…

Я иду домой, не чуя ног. Не иду – лечу. Я – тоже пионер! Я – тоже!.. Счастье переполняет меня…

Но, подойдя к дому, останавливаюсь. Очень хочется показаться в галстуке маме, дедушке, бабушке. Но я точно знаю, что они не обрадуются, и решаю не расстраивать их.

Развязываю галстук – символ моей принадлежности к лучшей части человечества, с сожалением сворачиваю его и прячу в торбу.

* * *

В школе никто не знал, что я хожу в церковь. Но я же не мог быть безбожником, оправдывал я себя. А дома я никому не говорил, что стал пионером. В церкви во время богослужения я молился, просил у Бога прощения и надеялся, что Он простит меня за такую двойную жизнь.

Тогда мне ещё казалось, что пионер вполне может быть верующим. Тайно, если захочет.

В День Пионерии, 19 мая, после уроков наша школьная дружина торжественно прошествовала по городским мостовым и прибыла на просторный, поросший майской муравой луг на берегу (в то время еще чистой) речушки Реуцел. Туда же прибыли пионеры из всех школ города. Сделали большую пирамиду из еловых поленьев, облили её керосином, и она заполыхала мощным костром. Все построились кольцом вокруг костра. Забили сотни барабанов, заиграли десятки горнов. Потом всё смолкло.

Военный оркестр вдруг грянул пионерский гимн. И несколько тысяч детей, взявшись за руки, запели:

Взвейтесь костра-а-а-ми сини-и-и-е но-о-очи,
Мы пионе-е-е-ры, де-е-е-ти рабо-о-о-о-чих …

Наступил вечер. Взошел молодой месяц, огонь нашего костра, казалось, достаёт до него и до самых далеких звезд. Я стоял в многотысячном строю и вместе со всеми пел:

Бли-и-и-зится э-э-э-ра све-е-е-т-лы-ы-ы-их год-о-о-ов.
Кли-и-ич пионе-е-ера: «Всегда-а-а будь гото-о-ов!»

Невозможно словами выразить восторг и радость, которые переполняли меня.

Какое счастье, думал я, быть вместе со всеми. В одном строю.

В то время я ещё не понимал, что быть со всеми хоть и хорошо, но не всегда нужно стремиться именно к этому. Не обязательно всегда быть с *большинством*. Главное – быть с людьми, которые тебе близки и дороги. Это я понял позднее.

* * *

Со временем атеистическое школьное воспитание и окружение безбожного ***большинства*** *сделали свое дело, и Павел Крёстный вынужден был пересмотреть свои суждения о многих предметах. Когда пришла пора вступать в комсомол, он по привычке продолжал ещё ходить в церковь. Однако, будучи завзятым книгочеем, неожиданно в 9-м классе увлёкся философией. Прочитал несколько диалогов Платона, работы Аристотеля, кое-что из Гегеля (Кант оказался не по зубам), Шопенгауэра, перечитал Льва Толстого и основательно врубился в Маркса и Энгельса. Неожиданно обнаружил, что прежние религиозные представления не согласовываются с новыми глубокими истинами, которые открылись ему. Он убедился в фальшивости и ложности многих религиозных догматов.*

Когда Павел вступал в комсомол, он не был атеистом, но с религией решил порвать. По-прежнему, следуя приобретенной многолетней привычке, ничего не говорил о комсомоле никому из родных. В тридцать лет вступил в компартию, нерушимо веря, что именно она – «ум, честь и совесть нашей эпохи». Однажды он приехал в отпуск к старенькой, уже сильно болеющей матери. К тому времени он был отцом четверых почти взрослых детей, несколько лет работал в Сибири директором крупного техникума. Мать, пристально глядя на сына, спросила:

– Павлуша, ты такой большой начальник, ты – наверно партейный!

– Да, мама, – признался сын. Это было первое в его жизни признание подобного рода. Косвенно оно означало и признание в его уходе из религии.

– Я так и думала, сынок, – тяжко вздохнув, сказала мама. – Ничего… Среди партейных тоже много хороших людей.

Помедлив, она спросила:

– Ты ведь не безбожник, правда?

– Да, мама. Правда. – И это на самом деле была правда, которую Павел выстрадал десятилетиями своих блужданий и поисков.

Мать догадывалась, что сын не вернётся ни в баптистскую, ни в православную, ни в какую другую церковь. Но раз он не безбожник, решила она, значит, придет к Богу.

– Ты всё-таки молись Богу. Без Бога нельзя. Молись, и Он тебя услышит…

Прошли еще годы. Партия развалилась. Распалась и великая страна. И я снова с горечью убедился, что коммунистическая риторика тоже во многом была ложной. Убедился и в том, что большевики совершенно напрасно отринули себя от Бога. Вполне можно было этого не делать.

Я помнил слова матери и продолжал молиться так, как она учила меня когда-то в детстве.

Танцевальный вечер в Желдоре

1960

На заре туманной юности в поисках работы я вынужден был обратиться в контору оргнабора. Мне предложили: Братск или Джезказган. На выбор. Я завербовался в Джезказган, тем самым совершив серьезную ошибку в выборе места жительства на планете. Эта ошибка чуть не стоила мне жизни.

Но понял это я много позднее.

В один из скучных осенних дней я попрощался с родными и вместе с другими искателями работы и приключений отправился в неведомые дальние края. Через неделю, проехав через полстраны, мы оказались на стройке в Казахстане, которая называлась «ударной». Мы, вербованные, прибыли в довольно известный в прошлом веке, но позднее забытый Богом, партией и правительством, город под названием Джезказган. Расположенный в неприютной каменистой пустыне, покрытый густой, постоянно хрустящей на зубах серой пылью, город был плохо обустроен и кишел многонациональным сбродом, к сожалению, абсолютно нетолерантным и недружелюбным. Мы, добровольцы из Молдавии, или попросту – «суки вербованные», как сразу нас окрестили местные, были поселены в поселках Никольском и Центральном, которые считались составной частью города.

Начались трудовые будни, которые проходили в тяжелом рабском напряжении, а выходные – в вязком безделье и редких плебейских развлечениях.

Дни шли за днями, однообразные, неинтересные…

С наступлением весны трое из нашей дружной команды, Миша Софронов, Боря Панов и Коля Колос, были командированы на какие-то авральные работы в поселок Марганец. В опустевшей нашей комнате в общежитии остались мы вдвоем с Мишей Рошкованом.

Был жаркий воскресный день. Мы вдоволь поспали, плотно пообедали в столовой. Полежали. Почитали. Было душно и скучно. Еще поспали. Решили, вечером податься на танцы в Желдор. Мне не очень хотелось переться куда-то ради сомнительного удовольствия, но Мишка горячо убеждал: «У меня в Желдоре знакомая профура. Тебе тоже подыщем. Там в общаге – одни девки».

На трезвую голову идти на такое дело как-то не принято. Мы на пару «раздавили» бутылку вермута, и тонус немного поднялся.

Идти надо было километра три по шоссе…

Полное название поселка – Железнодорожный, но почему так его прозвали, было неясно: кроме старой узкоколейки, построенной еще зэками времен ГУЛАГа, здесь не было ни станции, ни нормальной железной дороги. По узкоколейке изредка проходили игрушечные поезда с малюсенькими платформочками, доверху наполненными серой массой руды и ведомые пыхтящими паровозиками.

Здесь было место работы моей и моих вербованных товарищей.

Наше строительное управление «Шахтжилстрой» находилась в Желдоре, в конце поселка. Я работал каменщиком в одной из строительных бригад. Мишка плотничал в другой бригаде. В рабочие дни нас к 8 часам привозили на объекты в будках «мазов», а вечером в 17 часов увозили к месту ночевки: кого в поселок Никольский, а нас с Мишкой в Центральный.

Однажды – дело было еще в начале марта – я стал свидетелем необыкновенного явления. Много раз в разных местах я видел восход солнца, но то, что я увидел здесь в казахской степи, поразило.

Наша бригада работала на самом краю поселка. Дальше простиралась бескрайняя пустынная равнина.

Было холодное с колючим ветерком предутреннее время. Ровная как доска серовато-рыжая степь, высушенная прошлогодним зноем и шквальными зимними ветрами, казалась абсолютно безжизненной. Было еще темно.

Но вот из-за линии горизонта появилось легкое свечение, потом вдруг на лиловом небосводе загорелся маленький, но очень яркий уголек, который через два-три мгновения превратился в ярко-красный серпик и стал быстро расти. Он рос на глазах и превратился в огромный пылающий полукруг. И вот из-под земли уже больше чем наполовину поднялся солнечный диск, необычайно огромный, нависающий над горизонтом, ослепительно-красный с подрагивающими золотыми краями в синем мареве неба. Он казался живым и продолжал подниматься, занимая всё больше и больше небесное пространство, и мощь его продолжала расти. А когда огромное в полнеба живое солнце с трудом оторвалось от земли, жизнь начала обретать краски.

Сильнее подул ветер. Зашевелились длинные тени, отбрасываемые сухими стеблями полыни. Где-то далеко-далеко

залаяла собака и заблеяли овечки. А могучее светило поднималось всё выше, демонстрируя свое торжество над этим временно умершим миром и оживляя его.

Не в силах оторваться, я смотрел на чудо восхождения светила. Потом меня окликнули, и я вернулся на свое рабочее место. Когда примерно через полчаса солнце стало припекать, и я взглянул на него – диск его уже был обычным и спокойно висел в голубом небе.

Поселок мне был знаком мало, еще меньше – его обитатели. Здесь было десятка четыре каменных трех—, четырех– и пятиэтажных домов, дом культуры, школа, а в центре – большая столовая, в которой обедали и мы. Население – в основном строители и шахтеры медных рудников. Иногда можно было встретить военных, которые что-то охраняли. Что – никто не знал.

Об аборигенах – казахах – не говорю, они жили на южной окраине поселка в небольших усадьбах, состоящих из глинобитных домиков и надворных построек с загонами для скота. Все держали овец.

Кроме нас, вербованных, среди местного населения было немало народу, не имеющего права выезда: сосланные или отсидевшие срок поволжские немцы, бандеровцы, власовцы. Некоторые из них трудились в нашем СУ и даже в нашей бригаде. Люди как люди, их никто не тревожил лишними расспросами – это как-то не было принято среди нас, – они спокойно работали.

Были среди сосланных также греки, чеченцы и ингуши. Чем занимались те из них, кто постарше, не знаю, а вот молодых крепких парней часто можно было видеть праздными, – похоже, что они нигде не работали. Ходили они обычно обособленно, группами по несколько человек и держались независимо.

Мы с Мишкой довольно долго брели по унылой каменистой дороге и часам к девяти вечера пришли в Желдор. Вдоль главной улицы тянулись трех– и черырёхтажные серые шлакоблочные дома. Один из них, на котором работал и я, был совсем новый: мы недавно сдали его госкомиссии.

Наконец, вышли к освещенному пятачку перед четырехэтажным общежитием, на котором толклись человек сто парней и девушек. Из «ведра» на столбе доносилось проникновенное «Бэса мэ мучо». Мишка некоторое время шарил взглядом в толпе, и, наконец, кого-то высмотрев, устремился вперед. Еще пару раз я видел его с девицей, которая, прижимаясь, едва доставала ему до подмышек, – это, вероятно и была его «профура». Больше я не видел своего кореша до следующего утра.

Я почти никого здесь не знал и уже начинал злиться, что потащился в такую даль за дешевыми радостями. Переминаясь с ноги на ногу, я равнодушно рассматривал толпу. Вот несколько поодаль стоящих девушек из бригады отделочниц, их лица и внешний вид выражали ожидание: может быть, кто-то ждал своего милого дружка, кто-то – сказочного принца, а, кто-то, может, просто – мужичка в койку. Вот – четверо чернявых парней: один из них пальцем указывал на кого-то в толпе, остальные громко хохотали. Вот мелькнул какой-то офицерик, лейтенант, галантно ребром ладошки поддерживая талию субтильной красотки.

Обычная публика на обычном пролетарском мероприятии того времени.

Из «ведра» полилась забористая мелодия: то были «Брызги шампанского». Мне нравился бодрый ритм этого танго.

– Разрешите? – Круглолицая, плотно сбитая девушка в цветастом ситцевом платье тронула меня за руку. Ого! Выходит, меня уже заметили.

– Конечно, – сказал я, с радостью подхватив незнакомку за талию.

Несмотря на небольшую полноту, девушка танцевала превосходно, чутко улавливая каждый звук музыки и каждый посыл, идущий от партнера. Я бережно вел её, и всё было так хорошо, так ладно, что я подумал: почему я раньше не заметил её, не познакомился?

У девушки было простоватое улыбчивое лицо с ясным взглядом голубых глаз, несколько конопушек на маленьком носу, ямочка на правой щеке и светлорусые гладкие волосы с пробором посредине. Всё просто, без прикрас. Всё мило. Хотя, может быть, не мешало бы немного яркости. Перцу.

Как-то, в кажущейся такой далекой школьной жизни, – еще в девятом классе одноклассница Алла, которая взялась обучать меня бальным танцам, дала интересный совет, – я почему-то запомнил его: «Если хочешь узнать, подходит ли тебе девушка, потанцуй с ней. Если танцуется хорошо, значит и в остальном всё будет хорошо».

С ясноглазой девушкой танцевалось хорошо, и я приободрился. Начало было обнадеживающим. Возможно, и «в остальном» всё сладится, – подумалось тайком.

– Слушай, тебя зовут Клава, верно? – спросил я. – Ты бригадирша у отделочников, так?

– Да. А тебя я тоже знаю. Тебя зовут Павел.

Я был немного удивлен, но, конечно, обрадован тем, что пользуюсь известностью в среде маляров-штукатуров.

С Клавой оказалось всё просто еще и потому, что она была своя, из нашего строительного мира, простого как шлакобетонные дома, которые мы строили. И хотя я чувствовал, что она немного не в моем вкусе, вежливо слушал её рассказ об учебе в рязанском ПТУ, а сам обдумывал, как вести себя дальше.

Мы с Клавой стояли и беседовали. Она узнала, что я родом из Молдавии, но после отработки срока вербовки должен буду ненадолго вернуться в Москву на экзаменационную сессию, а куда двинусь потом – не знаю. Я, в свою очередь, узнал, что её родители живут в рязанской глубинке, что она – тоже заочница одного из рязанских техникумов и тоже пока не представляет, где окажется через полгода.

– Короче, мы пока скитальцы. И то ли мы выбираем свою судьбу, то ли она нас выбирает, пока неясно, – заключил я.

Клава в ответ только вздохнула.

Наверное, мы бы и дальше беседовали в таком же духе, если бы не обстоятельства, которые резко изменили ход дальнейших событий.

Неожиданно кто-то сильно дернул Клаву за руку так, что она чуть не упала на меня.

– Абдулла! – вскрикнула Клава. – Отпусти руку, мне больно.

Коренастый, плотно сбитый парень, которого девушка назвала Абдуллой, нагло ухмыляясь, продолжал тянуть ее к себе:

– Будешь танцевать со мной! Поняла?

Девушка растерянно посмотрела на меня.

– Ты поняла? Со мной, – повторил парень.

И тут мой мужской инстинкт сработал быстрее, чем рассудок. Не говоря ни слова, я схватил запястье Абдуллы своей пятерней и сжал. Надо сказать, что после многомесячных упражнений в укладке двадцатикилограммовых шлакоблоков в «проектное положение» каждый мой палец стал толщиной с сардельку и приобрел благодаря мозолистым наростам твердость наконечника отбойного молотка.

– Отпусти ее! – как можно спокойнее произнес я.

Абдулла отпустил руку девушки и, уставясь на меня, резко спросил:

– Ты кто такой?

– Человек, – всё ещё спокойно, но, уже напрягаясь, ответил я.

Абдулла вплотную подошел ко мне. Был он ростом с меня, но

плотнее и массивнее.

– Ты не человек, – злобно щерясь, сказал он. – Ты не человек, – уже задыхаясь от ярости, повторил Абдулла.

Я давно не встречал такого звериного выражения лица и «недержания» эмоций.

Было видно, что он ищет слова, чтобы посильнее оскорбить меня. Я же со своей стороны как раз к этому не стремился.

Тут подошел другой парень, постарше, с красной нарукавной повязкой «Народный дружинник», и сходу – на меня:

– Ты зачем оскорбляешь моего друга?

Я молча пожал плечами: разве я оскорбляю?

– Шамиль, – начал пояснять «оскорбленный» Абдулла, – ты сам видишь, этот мудак устанавливает здесь свой порядок…

– У нас тут свой порядок, – жестко отрезал «дружинник» Шамиль. Ростом он был выше меня, немного сутуловат, и смотрел на меня с каким-то необъяснимым презрением.

Похоже, что меня угораздило попасть в плохую компанию.

Вид у обоих парней был предельно агрессивный. По-видимому, я был для них не просто чужаком, но еще и нарушителем каких-то их правил.

Всё, сказал я себе. Хватит!

Танцев мне больше не надо. Пропади всё пропадом со всеми этими «дружинниками» и их профурами! Пора сматываться…

Но сам почему-то не двинулся с места и как последний фраер начал втягиваться в базар.

Из «ведра» томно лилась «Тиха вода», и вечер танцев продолжался. Наш «базар» уже шел на повышенных тонах, но танцующие молча обтекали нас, как будто такие инциденты были здесь в порядке вещей.

– Ты – свинья. – Наконец-то, Абдулла нашел обидное слово для обозначения моей сущности. На востоке такое оскорбление считается одним из самых унизительных.

Я замолчал. Было невыносимо обидно, но толковать было не о чем. И не с кем. Ясно, что обстановка нагнетается специально.

Прикинул: двое на одного, это не так уж много. Ну, что ж: чему быть, того не миновать. Хмель прошел. Я помассировал пальцы рук, – всё функционировало. Пару лет назад в спарринге у меня неплохо получался хук левой и прямой правый.

Долговязый Шамиль подал Абдулле какой-то знак, и тот ненадолго исчез. Шамиль тоже умолк и отвернулся от меня, высматривая кого-то в толпе.

– Паша, – тихо зашептала Клава мне на ухо дрожащим от страха голосом. Она все еще была рядом. – Уходи быстрей! Пойдем в общежитие, я тебя спрячу. Не то будет плохо.

– Нет! – ответил я.

Что я мог еще сказать?

Абдулла снова появился.

– Ну, что, мудак, – начал он опять. Он явно на что-то решился.

Музыка прекратилась.

Где же мой корешок Миша? Где мой землячок? Как было бы хорошо, если бы он сейчас здесь стоял. Просто был рядом.

Я с тоской посмотрел на редеющую толпу, но моего темпераментного приятеля нигде не было.

Павлу вспомнилось, как прошлой осенью, после прибытия в Джезказган, их группу поначалу направили в поселок Никольский. Они сразу поселились вместе, впятером. Обстановка в поселке была не просто криминальной, а какой-то очень взвинченной и нервозной. То и дело вспыхивали драки. Ребята договорились: ходить только впятером, держаться кучно и в случае опасности становиться в круг, спиной друг к другу. А там уж как выйдет.

Однажды в столовой какой-то пьяный парень начал приставать к Мише Софронову, а тот, не раздумывая, просто послал его на три буквы. Но, когда, окончив обед, ребята вышли на крыльцо, то с удивлением увидели человек семь, которые поджидали их. У некоторых были в руках кастеты, у двоих – гирьки граммов по триста на резинках.

– В круг! – резко выкрикнул Павел.

И пятёрка приняла бой. Они были абсолютно безоружны. Никто из них не обладал какими-то особыми боевыми техниками. Трое из ребят, Боря, Коля и Миша Рошкован – исправно протрубили в армии по три года и завербовались сразу после «дембеля». Миша Софронов, самый тихий из пятерых, имел за спиной трехлетний зэковский срок отсидки («Грехи молодости, – объяснял Миша, – по пьяни с корешками грабанули пивной ларек»), а Павел, девятнадцатилетний студент-заочник московского вуза, – не служил и не «сидел». Но, как выяснилось, у пятёрки было одно преимущество – чувство локтя и ощущение единства.

В тот раз они чувствительно вломили местной приблатненной публике. Их долго потом никто не трогал…

– Муд-д – дак, – затянул свою злобную песню Абдулла и неожиданно широко размахнулся, чтобы ударить меня. Я легко

уклонился и принял боевую стойку.

И тут опять активизировался Шамиль.

– Ах ты, сссука! – зашипел «дружинник». – Ты обидел моего друга, моего брата … Иди сюда. Я тебе покажу. – Он сделал попытку схватить меня за горло.

Я опять уклонился. Никак у них не получалось спровоцировать меня на драку. Но вдруг в этот момент кто-то третий крепко сзади обхватил меня за талию и резко потребовал:

– Гражданин, пррройдем! – и что-то непонятное выкрикнул Шамилю.

Смотрю, а это оказывается еще один «дружинник» с повязкой. Еще один блюститель здешнего порядка.

– Убери руки! – рявкнул я. – Пойдем, разберемся.

И мы всей компанией пошли с танцплощадки за угол общежития.

Ну, что ж, подумалось: трое – на одного, это, пожалуй, многовато, но выбирать не приходится. Не сразу догадался, что эти трое были не обычные драчуны, которых в то время можно было встретить на многих развлекательных мероприятиях. Это были местные бандиты.

За углом было непривычно темно, но приглядевшись, я понял, что недооценил силы противника. Невесть откуда возник ещё один «дружинник», и всего их оказалось четверо. Намерения их были недвусмысленны.

Я прижался спиной к штукатурке стены и приготовился. Будь что будет. Или, как говорила моя бедная мама: «Что Бог даст, то и будет».

Досадно, что я оказался один перед ними. Досадно, что наша команда распалась. Досадно, что даже Мишки не было рядом.

Абдулла стоял передо мной. Он держался на безопасном расстоянии, но правую руку прятал за спиной. Он явно замышлял что-то нехорошее, но посматривал на Шамиля: по-видимому, тот был среди них старшим.

Что-то затормозилось, чего-то им не хватало. Чего-то ждали…

Странно, почему здесь хозяйничают какие-то «дружинники». А где милиция? Я работал в Желдоре уже больше полугода, но ни разу нигде не видел ни одного милиционера.

– Петька! – вдруг раздался тенористый голос откуда-то сбоку. – Куда ты пропал? Наконец-то, я тебя нашел. Ты что тут делаешь?

Не сразу я понял, что зовут именно меня, хотя я был совсем

не Петька, и очнулся только тогда, когда меня крепко сжал в объятьях какой-то военный.

Оказалось, тот самый лейтенант, которого я видел в толпе танцующих.

– Да, вот, – говорю, – немного поспорили тут с ребятами.

– Что ты, Петя, что ты дорогой, с этими парнями не надо ссориться. Они – настоящие джигиты …

… – Ребята, – как ни в чем не бывало тараторил лейтенант, обернувшись к «джигитам». – Петька мой лучший друг, он мне как брат…

– … Шамиль, друг, привет! Рад тебя видеть, уважаемый. – Лейтенант с подчеркнутым вниманием пожал руку «дружиннику». Но после этого он незаметно сделал то, что меня сильно ободрило: передвинул кобуру с пистолетом, которая висела у него на поясе справа, – к животу.

– … Здорово, Абдулла!

Протягивая лейтенанту правую руку для приветствия, Абдулла вынужден был переложить то, что в ней находилось, в другую руку. Это был нож, точнее, огромный тесак. Много лет спустя я видел такие в кино у исламистских боевиков.

– Ребята! Не обижайтесь на моего друга! Петя мне как брат. – И не давая опомниться «дружинникам», лейтенант схватил меня за руку и силой потащил, правой рукой придерживая расстегнутую кобуру.

– Пошли, разберемся, что ты тут натворил, – сказал он нарочито сердитым голосом.

Мы быстрым шагом пересекли танцплощадку. Меня поразило полное безлюдье: на площадке не было никого.

Ни души!

Павел много раз потом спрашивал себя: как могло случиться, что молодые, физически сильные парни и девушки, те, кто был в тот вечер на танцах, увидев, что бандиты собираются бить незнакомого парня, быстро разбежались кто куда? Ведь они могли просто НЕ УХОДИТЬ с площадки, могли просто всей толпой пойти и МОЛЧА СМОТРЕТЬ, как будут развиваться события, то есть БЫТЬ СВИДЕТЕЛЯМИ и тем самым могли, даже не вмешиваясь в происходящее, предотвратить худшее.

Но – нет. Кроме лейтенанта, НИКТО НЕ ПОЖЕЛАЛ ВИДЕТЬ, как подонки ведут на расправу парня, который свалился неизвестно откуда.

Что случилось? Все поголовно стали равнодушными и трусливыми?

Да, стали!
Но не все.

Несколько минут мы, молча, почти бегом продвигались в темноте плохо освещенных дворов. Лейтенант все время держал пистолет в вытянутой руке.

Наконец, дома Желдора закончились, дальше шла знакомая мне дорога на Центральный.

Мы остановились.

– Тебя как зовут? – сердито спросил лейтенант, переводя, наконец, дух.

– Павел.

– Меня – Володя.

Лейтенант тяжело вздохнул и посмотрел на меня взглядом сильно уставшего человека, которому всё происходящее до смерти надоело. Наверное, я тоже – это было видно по его покрывшимся ледком стальным глазам – порядком надоел ему со своей петушиной храбростью. Отчужденность мелькнула и ушла, и тут же его скуластое лицо тамбовского или, может быть, брянского деревенского парня с русым чубчиком из-под пилотки снова приняло выражение деловой озабоченности.

Никогда в жизни до сегодняшнего вечера я не встречал этого человека.

– Ты откуда? – спросил лейтенант. Тон его всё ещё был неприязненный.

– Я из вербованных, живу в общаге на Центральном.

– А как в Желдоре оказался?

– Работаю здесь… Но вот, захотелось на досуге пообщаться с дамами… получить удовольствие…

– За дешевые удовольствия иногда приходится дорого платить, – устало заметил Володя. Видно было, что цену этой простой истине он знает хорошо.

Мне стало стыдно и за своё легкомыслие, и за то, что доставил столько хлопот незнакомому человеку.

– Извини, я пойду.

– Проводить тебя дальше? – спросил Володя.

– Нет. Сам дойду.

– Будь осторожен. Они могут догнать тебя, у них есть машина.

– Понял. Спасибо тебе!

– Ладно, чего там. Хорошо, что драки не было, и они не вошли в раж. Иначе они бы тебя кончили.

Только сейчас до меня начало доходить, чем могло закончиться моё приключение. Но лейтенант… Кинуться на

помощь незнакомому бедолаге, который, возможно, сам был виноват в том, что связался с бандитами-абреками, – для это нужно нечто большее, чем отвага.

– Спасибо тебе, Володя!

– Ну, давай. Пока.

– Будь здоров.

– И ты не кашляй.

Мы крепко пожали друг другу руки.

– Слушай, – тихо проговорил Володя на прощание. – Тебе не стоит появляться здесь больше, особенно на танцах. Прошлым вечером, вчера, в поселке убили парня. Похоже, что это их рук дело. Не ходи сюда.

Через час я был в своем общежитии. Лег и хотел уснуть.

Но не мог: меня начало колотить. Только к утру немного успокоился.

С тех пор прошло больше полувека. В своей жизни Павел встречал много смелых и самоотверженных людей, но таких, как лейтенант Володя, больше не встречал.

Он оказался не просто спасителем. Он был ангелом-хранителем, из числа тех, кто приходят к человеку на помощь в самые опасные моменты его жизни.

Приходит к человеку его ангел тогда, когда он не просто в нем нуждаешься, а оказываешься на краю пропасти.

Вид у лейтенанта Володи был совсем не героический. Росту в нем было, дай Бог, если метр шестьдесят пять.

Заблуждения молодого учителя

1960–1962

Это не было обычной тягой к перемене мест. Хотя, как у многих любопытствующих субъектов, у меня такая тяга временами возникала. Однако не кочевая цыганская жизнь и не босяцкая стезя меня манили. Просто надоело болтаться по свету в поисках заработка и пропитания. Я искал какое-нибудь надежное пристанище, где были бы подходящая работа и сносные условия жизни. Ещё, конечно, тайно надеялся найти дело по душе.

Когда ты совсем молодой, легко верится и в бесконечность Вселенной, и в бессмертие души и в собственные безграничные возможности. Если сегодня что-то не вытанцовывается – не беда. Завтра получится. Ну, если не завтра, то – послезавтра. Рано или поздно – всё равно получится: ведь ты же упрямый и жилистый. Главное, впереди у тебя – жизнь. Вся жизнь. Длинная-длинная. И, должно быть, интересная.

Всё это казалось аксиомой и разумелось само собой.

При таком сознании ты можешь позволить себе иногда поплёвывать на то, что сегодня свобода твоего выбора ограничена относительно малыми возможностями. Тебе бы хотелось рвануть куда-нибудь до Владика или, еще лучше, до далёкого пролива Лаперуза, поматросить, распустить свои паруса и половить красную рыбку. Однако ты вынужден пока наступить на горло подобным вожделениям, потому что у тебя в кармане что-то около полутора тысяч рублей, заработанных рабским трудом на «ударной» стройке, – сумма, достаточная для проезда, скажем, до Совгавани. Но в случае неудачи – гарантирующая возвращение в исходную точку только пешком по шпалам.

Ничего, уверен ты, мы еще побываем на дальних берегах. У нас всё впереди.

Найти хорошую работу, если ты владеешь каким-то ремеслом, не очень сложно. Но если ты – всего лишь разнорабочий, грузчик, начинающий газетчик, кочегар, каменщик с небольшим стажем, то выбор у тебя небольшой.

Я хорошо понимал это.

Однако, мне, как и многим моим сверстникам, неожиданно повезло больше того, на что можно было рассчитывать.

В начале шестидесятых бесчисленное множество таких, как я, пересекали Союз вдоль и поперек в поисках своих клондайков и мест под солнцем. И великая страна предоставляла возможность выбора и одаривала многих – почти всех, кто хотел! – значимыми делами, привлекательными профессиями. И даже семейным

счастьем. Такая вот была страна …

Выбор Приангарья был почти случайным. По окончании срока вербовки Павел Крёстный решил поездом ехать из Джезказгана до Петропавловска-казахстанского. А там видно будет. Но – на грех (или на счастье) – купил для дорожного чтива в привокзальном киоске свежий номер романа-газеты с повестью некоего Анатолия Кузнецова под названием «Продолжение легенды». Книжка с незатейливым сюжетом рассказывала о строителях большой гидростанции на Ангаре. Несмотря на чрезмерную патетику, повесть чем-то зацепила Павла, и потому по прибытии в Петропавловск он не сомневался в выборе дальнейшего пути: на Ангару, только – на Ангару! Тем более что газеты и радио о строительстве гидростанций ангарского каскада каждый день писали и вещали так, будто других мест и строек в стране больше не существовало.

Тысячи молодых парней, демобилизованных солдат и матросов, девушек, выпускников ремесленных училищ и техникумов, инженеров и гуманитариев целыми эшелонами по комсомольским путёвкам прибывали на необжитые берега Ангары. Павел тоже оказался в этом потоке.

В отличие от многих, Крёстный был свободен в своих действиях – путевки у него не было – и он мог поступить так, как заблагорассудится. Ему, конечно, хотелось продолжить строительную стезю и попасть именно на строительство Братской ГЭС. Но кадровик управления строительства долго раздумывал, вчитываясь в трудовую книжку Павла: что-то ему не нравилось. Можно подумать, что в котлован набирают исключительно элитный контингент. Но – увы! – наш герой не сподобился оказаться в числе первостроителей, и судьбе было угодно предложить ему еще один вариант – работу школьного учителя.

За плечами Павла худо-бедно было три курса заочного обучения в московском вузе. Почему бы не попробовать пару лет, подумал он.

Через несколько дней оказался в таёжном поселке Брусничном в должности учителя.

Школа была типичной сельской восьмилеткой. Учителей не хватало, и моему прибытию были рады, особенно ребятишки. Когда я, прогибаясь под тяжестью своего битого в дорогах чемодана, преодолел высокое крыльцо и вошел в просторный вестибюль, прозвенел звонок на перемену. И тут же с шумом стали распахиваться двери классов и, с обычной бестолковостью,

дети устремились кто на улицу в уборную, кто в спортзал, тоже на улице. Несколько любопытных подошли ко мне и в ответ на мой вопрос: «Где найти директора?» – показали на дверь в конце коридора.

– Можно, мы вам поможем? – сразу предложили трое шустрых пацанят и попробовали тащить мой чемодан.

– Ого, какой тяжелый, – сказал один, ростом повыше. – А вы будете у нас учителем?

Первый раз в жизни меня называли учителем. Я был весь на виду во всём своем простецком прикиде: ватник, выданный как спецодежда еще в Джезказгане, еще не старый, дешевый полушерстяной костюмчик, сшитый на фабрике имени Клары Цеткин в молдавском городе Тирасполе, и несколько легкомысленная (на улице уже лежал снег) обувка – летние туфли из кожемита с вентиляционными дырочками.

– Да, – сказал я. – Буду учителем.

– А что будете преподавать? Бокс?

Неужели, подумал я, мой внешний вид тянет только на боксёра?

– Возможно, и бокс, и кое-что ещё.

– Вот, здорово!.. А как вас зовут?

– Павел Васильевич. А вас?

– Меня тоже Павел.

– А меня Олег.

– Меня Коля.

Так я начал знакомство с детьми, которых потом многие годы считал самыми близкими людьми в своей жизни.

* * *

Коллектив работников школы был небольшой, человек двадцать. Новые коллеги приняли Павла Крёстного тепло. Две учительницы начальных классов были молодые женщины, чуть за тридцать; труд преподавал угрюмый мужчина лет пятидесяти; остальные учительницы были сорока и более лет.

В первые же дни его окружили таким вниманием, каким он ни до, ни после никогда в своей жизни не пользовался. «Павел Васильевич учился в самой Москве», – то и дело к месту и не к месту говорили о нем в школе, потом и в поселке.

Поскольку предполагалось, что он будет вести много предметов, коллеги принесли ему в первые же дни массу методических материалов: «Возьмите, пригодится». Он брал, удивляясь, как в такой глуши могли оказаться последние работы

таких именитых ученых, как Лернер, Дайри, Лейбенгруб, чьи лекции он слушал в Москве, и таких практиков, как Шаталов. Он часто задавал вопросы разным людям и мог бы иной раз надоесть своей назойливостью. Но – нет: ему охотно и подробно отвечали и делились секретами ремесла. Как спланировать материал так, чтобы уложиться в отведенное количество уроков, как провести урок, как организовать практическую работу по биологии или географии, как работать с контурными картами, каковы нормы оценок знаний по истории, по немецкому языку и т. п.? Именно с помощью добросердечных товарищей Павел получил ответы на эти и множество подобных вопросов и прошел своеобразный педминимум. Его самого тоже часто спрашивали о Москве, Третьяковке, Старом Арбате, университете, и он, не кочевряжась, рассказывал, что знал.

Отношения с людьми складывались благоприятно, но были и проблемы. Часто мои деяния и поведение были совсем не безупречными, но я не слышал ни упреков, ни замечаний, ни поучений в свой адрес. Особенно непросто складывались первые контакты с ребятишками, обычными деревенскими сорванцами. Имея репутацию специалиста из столицы, я – увы! – не обладал ни достаточно приличными манерами, ни подобающей речью, ни взрослой солидностью. Не обладал, к сожалению, и тем Богом даваемым качеством, которое называется *педагогическим чутьём*. У меня был только голый авторитет учительской должности, благосклонно поддерживаемый коллегами, и малая толика здравого смысла человека, немного потрепанного жизнью и предрасположенного к рефлексии. Спасала склонность к самоанализу, которая временами опрокидывала меня на лопатки и понуждала критично пересматривать собственное поведение и давать самому себе нелицеприятные оценки.

Так работал я, но однажды увидел, как действовала в сложной ситуации добрейшая Лина Константиновна, учительница математики и физики, между прочим, очень больной человек. После перемены, не обращая внимания на звонок, седьмой класс, который считался трудным, продолжал шуметь и бузить. Старая учительница, с трудом передвигающаяся на больных ногах, взошла на порог класса и встала в дверях, молча созерцая происходящий бедлам. Так, молча, она стояла с полминуты, а когда безумство учеников приблизилось к нулевой отметке, прошла к учительскому столу и спокойно сказала:

– Ну, что ж, бывает… Здравствуйте, *мои родные!* Сегодня я не могу сказать вам, как всегда – *мои любимые*, – потому что вы какие-то необычные. Немного дикие. Но вы всегда были и

остаетесь моими родными, самыми близкими мне людьми. Садитесь. Начинаем наш урок…

Попробуй после этого – забалуй. Лина Константиновна пользовалась в поселке высочайшим авторитетом. У неё не было семьи, она жила одиноко. Её роднёй была школа с путёвыми и непутёвыми учениками. Ради них она жила. Большая часть жителей поселка были её воспитанниками, и они платили ей любовью и уважением.

Мужчин в школе было всего двое: я и хмурый трудовик, Александр Георгиевич Михеев. Он был старше всех в коллективе. Фронтовик и инвалид войны, имел тяжелое ранение в голову и после множества операций почти полностью утратил зрение на левом глазу. Всю войну он провел за баранкой грузовиков: полуторки, «захара», «студебеккера». За глаза иногда его звали – «адский водитель». При всей своей инвалидности он обладал огромной физической силой. Как-то, зайдя в спортзал, он попросил надеть на гриф штанги все имеющиеся блины. Когда его просьба была исполнена, Александр Георгиевич, подошел, косолапя, ухватился за штангу руками и, чуть присев, с громким «ха!» поднял её до колен. Подержал секунду-две-три и с грохотом опустил на помост. Вес был больше двухсот пятидесяти кило. Ребята побаивались его. Если кто-то начинал вести себя неподобающим образом, старый учитель просто подходил к шалуну, клал свою налитую свинцом руку тому на плечо и густым басом говорил: «Не балуй!» Бывали случаи, когда после таких прикосновений дети писались.

Некоторое время я тоже был сторонником не столько самих силовых методов воздействия, сколько – их демонстрации. Учитель, считал я, должен быть физически и духовно сильным и время от времени должен демонстрировать свою силу и тем вызывать уважение и даже некоторый страх учеников. Однако попав в коллектив, основу которого составляли пожилые женщины, я был поражен удивительным явлением: на уроках этих женщин была почти идеальная дисциплина. Ни одна из них не обладала выдающейся физической силой, физическим или каким-то другим совершенством. Но у всех были хорошие дружеские отношения с детьми. Заходя на перемене в учительскую, никто никогда не злословил по поводу своих учеников и не хныкал о своей несчастной доле; можно было слышать забавные истории, но не злословие. Никакой демонстрации силы или умственного превосходства, никаких окриков, никакой нервозности и истеричности. И при этом школа работала в нормальном режиме. Каждый спокойно делал то, что ему положено. Как слабые

женщины, задавал я себе вопрос, обходятся без надрыва связок, без демонстрации силы, без нервозности?

В чем был секрет этих женщин? Ответ Павел нашел не скоро и даже не в течение нескольких лет. Только после того, как ему довелось поработать в нескольких учебных заведениях, после того, как он исколесил полстраны и познакомился со многими коллективами, он понял, что секрет несиловой педагогики в Брусничненской восьмилетке и во многих других негромких и незнаменитых учебных заведениях – в особой энергии, которая излучается людьми и, конечно, учителями, ЭНЕРГИИ ЛЮБВИ.

Но это особая тема.

* * *

Многого я не мог постичь в работе своих коллег, но интуитивно строил свои действия с оглядкой на них. Долгое время, будучи максималистом, придерживался жесткого авторитарного стиля, считая, что требования старшего, особенно, учителя – разумные и целесообразные требования, конечно – должны выполняться учениками безоговорочно. Естественно, жесткие требования не могли не привести … к конфликтам.

Однажды такой конфликт возник у меня с учеником седьмого класса Александром Гринбергом. Всё началось с того, что во время моего урока сидящий впереди него Петр Хромовских выкрикнул что-то невнятное, после чего Гринберг стал наносить ему удары по голове.

– Гринберг, прекратить! – рявкнул я и быстро подошел к ученику.

В этот момент Гринберг сбоку резко хлестнул кулаком по лицу Хромовских, и у того из носа закапала кровь. Я оторопел: демонстративно, на моих глазах Гринберг напал на своего товарища и избил его.

Неслыханное дело. Публичный вызов, подумал я, и снова крикнул:

– Гринберг, встать!

Ученик нехотя встал рядом с партой. Это был четырнадцатилетний парнишка, высокий, худой и злобно-взвинченный. Волчонок, готовый огрызаться всеми зубами и отбиваться когтями, подумал я.

– За что ты ударил своего товарища?

– Он мне не товарищ.

– Всё же почему ты напал на него?

Гринберг молчал.

Ладно, подождем, подумал я и проводил Хромовских в коридор к бачку с холодной водой. Смочил водой свой носовой платок и велел пострадавшему прикладывать холодное к носу.

– За что Гринберг тебя ударил? – спросил я ученика.

Он молчал.

– Какая причина драки?

Хромовских сипел носом, роняя капли крови, но продолжал молчать.

– Ну, что ж, пошли в класс.

Мне представлялось, что налицо – беспричинный взрыв злобы и избиение: нападавший – Гринберг, пострадавший – Хромовских. Поэтому агрессор должен быть наказан.

– Вот что, Гринберг, – сказал я, вернувшись в класс. – За вероломное нападение на одноклассника я удаляю тебя с урока и требую, причем категорически требую, явиться в школу с отцом. Явка в любое время.

Гринберг по-прежнему стоял отрешенно, как будто не слыша меня.

– С вещами на выход! – негромко произнес я и приблизился к ученику.

Он, видимо, ожидал от учителя активных действий и обеими руками крепче вцепился в парту. Я (должен же учитель добиваться выполнения своих требований – эта мысль прочно сидела в моей авторитарной голове), чуть поднатужась, поднял подростка вместе с партой. Раздались смешки: до этого я слышал, что многие ребята недолюбливали Александра Гринберга; вероятно, они одобряли мои действия. Гринберг выпустил из рук парту, и я выставил его за дверь.

Класс молчал, но на душе у меня было скверно…

Гринберг не появился на моих занятиях ни завтра, ни послезавтра. Ни с отцом, ни без него.

Что-то тут не так, думал я постфактум. На сердце скребли кошки. Что-то не так. Но что? Как это узнать?

Во время одного из «окон» нашел я классную руководительницу седьмого класса, Людмилу Федоровну, учительницу словесности, и откровенно рассказал ей о происшествии и о своих тревожных предположениях. Пожилая женщина каким-то особенно внимательным, изучающим взглядом просветила меня как рентгеном и с мягкой улыбкой спросила:

– Вы, Павел Васильевич, по-прежнему считаете, что в инциденте между учениками виноват Гринберг?

– Да, – ответил я довольно твёрдо.

– В таком случае наберитесь терпения и послушайте, что стало известно мне по этому поводу. О самом факте драки между Сашей и Петей и принятых вами лично мерах по удалению Саши мне стало известно через полчаса после случившегося. Но стычка между мальчишками – это только видимая, публичная часть их поступка, а существовала и другая, никому не видимая причина. Саша, конечно, – мальчик озлобленный и агрессивный. Но я знаю его давно, он не станет драться по пустякам. Вчера мне с трудом удалось установить истинную причину. Но прошу вас, Павел Васильевич, это должно оставаться строго между нами. Ни одна живая душа не должна знать то, что я вам расскажу. Обещаете?

Пораженный тем, с каким тактом, мудростью и деликатностью подошла к, казалось бы, не такой уж сложной проблеме пожилая учительница, я горячо пообещал хранить молчание и впредь действовать только по правилу «не навреди».

– Это хорошо, что вы придерживаетесь правила Гиппократа, – заметила Людмила Федоровна. – У Саши нет родного отца. Он живет с матерью и отчимом лет с пяти. Отчим много пьёт, а по пьянке часто бьет мать и пасынка. Мать привыкла, а у Саши с детства – недержание мочи. Энурез. Он писает под себя. Мать пробовала лечить, возила в город, но пока безрезультатно. В последний год Саша сильно изменился, возмужал, голос огрубел, ну, вы понимаете: он начал вступать в пору половой зрелости. Стал чаще вступаться за мать, но, главное, стал проявлять повышенное внимание к одной из девочек своего класса, к Лиде Грединой. Он стал провожать её в школу и из школы. Самое любопытное, что Лида не просто позволяет Саше ухаживать за собой; она по секрету сказала мне, что он ей нравится. И всё было бы хорошо, если бы не Петя Хромовских, с которым Саша не только живет по соседству, но и дружит с детского садика. Все Сашины секреты Пете, конечно, известны. Но беда в том, что Петя тоже пытался ухаживать за Лидой; в прошлом году их часто видели вместе и они, как принято выражаться, дружили. Лида, к сожалению, оказалась глупее, чем положено быть девочке в четырнадцать лет: с недавних пор она открыто стала пренебрегать Петей и оказывать знаки внимания его бывшему другу. Петя, вероятно, не выдержал и в день инцидента, когда он увидел, как Лида подошла на перемене к Саше и стала что-то шептать ему на ухо, он подкрался к ним сзади и громко крикнул: «Что, теперь ты с сыкуном шепчешься?» Это многие слышали. Гринберг, не раздумывая, стукнул приятеля по затылку, но тот снова крикнул: «Сыкун!» и убежал. Когда начался ваш урок, Павел Васильевич, оба подростка уже еле сдерживали страсти. И когда Хромовских снова выкрикнул своё оскорбительное слово,

Гринберг ударил его и разбил нос.

– Что же теперь делать? – растерянно спросил я.

– Давайте думать.

– Ясно, что отчима вызывать в школу не следует, да и мать – тоже. Эта мера только ухудшит дело.

– Согласна с вами.

– Нельзя также показывать Гринбергу, что мы знаем о его тайных недугах, а также, что знаем о том, каким образом Хромовских спровоцировал его.

– Да, лучше об этом вообще не говорить.

– Но в таком случае возвращение Гринберга на мои уроки лучше провести тихо, без шума и публичных реверансов.

– Я рада, что вы приходите к такому решению.

– Но без вас, Людмила Федоровна, ничего не получится.

– Конечно, конечно…

Вечером того же дня классная руководительница привела ко мне Сашу Гринберга (где и как она его нашла – не знаю) и сказала:

– Уважаемый Павел Васильевич! Я попросила Сашу прийти к вам, чтобы сообщить, что он раскаивается в том, что на вашем уроке был не сдержан и ударил Хромовских. Но выяснилось и другое печальное обстоятельство: именно Хромовских спровоцировал Сашу на драку…

– Простите меня, – опустив голову, тихо сказал подросток, которого я посчитал отпетым агрессором и злобным волчонком.

– Ты меня тоже прости, Саша. – Впервые в своей жизни я просил прощения у ученика, искренне сознавая, что жандармские замашки несовместимы с моей работой.

Конфликт был почти исчерпан, если не считать того, что Людмила Федоровна еще долго после нашей встречи вела какие-то тайные переговоры с Хромовских, Грединой и другими учениками. Понемногу становилось понятным, что не всё подлежит оглашению и публичному обсуждению; у подростков, заметил я, в не меньшей степени, чем у взрослых, на первом плане – проблемы взаимоотношений полов. И здесь тоже – «шерше ля фам».

Конфликт раскрыл Павлу глаза на многое. Не сразу, со временем, он понял, что главное, чему ему как учителю надлежит учиться – терпению, терпимости и сдержанности. Это значит, что в критических ситуациях, если ничего не горит и есть время на раздумье, надо научиться брать тайм-аут, спокойно принимать взвешенное решение и действовать. Но действовать так, чтобы не навредить ученику.

Ещё я понял, что не только учитель учит своих учеников, но и он сам у них учится. Если, конечно, он не законченный тупица.

Как-то я начал урок в седьмом классе. После попыток провести традиционный опрос на предмет усвоения предыдущего материала, выяснилось, что домашнее задание мои ученики не выполнили. Поднял троих учеников – те вставали, молча опустив голову. Поставил им двойки и, расстроенный, решил приостановить карательные действия.

– В чем дело? – вопрошал я со всей строгостью. – Почему такое пренебрежение к моему предмету?

Повисло тягостное молчание. Вопрос, по сути, был риторическим: на самом деле, на него не принято давать честный ответ. Тем не менее, из-за парты встала Оля Погодаева, девочка не только смышленая, но и острая на язык:

– Всё просто, Павел Васильевич. Сегодня была контрольная по математике. Все стали готовиться к математике, а на остальные предметы времени не хватило.

– Вот оно что. Значит, если я объявлю, что завтра – контрольная работа по истории или географии, которые я у вас веду, то вы будете готовиться только к контрольной?

– Наверное, да.

– Спасибо за откровенность.

– Пожалуйста. Мы – такие: вы с нами откровенны и мы с вами – тоже.

– Весьма признателен. А какие ещё откровения вы можете мне поведать?

– Откровений нет, есть пожелание.

– Интересно, Погодаева – какое?

Девочка на минуту задумалась, потом произнесла, с трудом подбирая слова:

– Вот вы, Пал Васильч, обращаетесь к ученикам по фамилии, так?

– Да.

– А ведь у каждого из нас есть имя…

– Конечно, есть…

– Вот если бы вы стали называть каждого по имени…

– То что тогда?

– А вы попробуйте и сами увидите.

– И как же вас звать?

– По именам.

– Хорошо, я попробую.

Оказалось, однако, не так всё просто. Для того, чтобы

попробовать, надо было сначала что-то изменить в себе: ввести новую программу собственного поведения и шаг за шагом осваивать её. Я попробовал и был вознагражден: лица моих учеников засветились ответными улыбками и стали для меня более понятными, близкими и отзывчивыми. Ведь, как известно, звук собственного имени – один из самых дорогих для каждого человека. Мои отношения с детьми стали более родственными и, что удивительно, более деликатными и доверительными.

Постепенно такой настрой привел к тому, что я стал проявлять всё больший интерес к внутренней жизни каждого подростка, и они не боялись со мной быть откровенными. Я стал хранителем многих ребячьих тайн, и они доверяли мне, зная, что я не сдам их.

Степановская школа

1962–1963

В памяти остались мои первые шаги в административной деятельности в Степановской восьмилетке, которой предшествовали почти два года моей учительской работы в соседнем лесном поселке Брусничном. Мне везло с коллегами: в Брусничненской школе работали настоящие профессионалы, у которых было чему поучиться.

Моё первое в жизни директорство в Степановской школе было недолгим – всего один учебный год. Но, как первая любовь, первое директорство наложило особую печать на всю мою биографию.

Надо заметить, что на эту должность я согласился не сразу. Долго упирался. Не хотел. Мне нравилась простая учительская работа. Я привык к ежедневной каторжной нагрузке, главным вознаграждением за которую было уважение ко мне и послушание обожаемых мною детей. Я не представлял себе, как смогу с ними расстаться. Но главное, я опасался, что оконфузюсь в новом коллективе перед подчиненными, поскольку был слишком молод и, кроме того, не усматривал у себя никаких руководящих способностей.

Меня уговаривали. Поскольку я был комсомольцем, потащили в горком комсомола. Долго убеждали. Я не соглашался. Наконец, по красной ковровой дорожке привели «наверх», в горком партии. И я сдался…

Опасения и страхи, однако, оказались напрасными.

С первых дней работы в Степановской школе я был окружен такой заботой, душевной теплотой и материнской любовью своих коллег, каких потом я нигде никогда не встречал. Может быть, причина была в том, что в свои 22 года был я для них, 40–45-летних, как сын; а может быть, еще потому, что за время работы с ними я ни разу никому не показывал своей власти, ни разу ни на кого не кричал, ни разу никому не объявлял выговор; может быть, еще потому, что ни разу никого из них не обманул, хотя меня, случалось, обманывали. А может, и потому, что был предан своему коллективу всеми своими потрохами, хотя как руководитель был неумеха и допустил немало промахов.

По своим личным качествам и тем коленцам, которые время от времени выкидывал, я не был образцом поведения. Ошибок совершил великое множество, но мне, как блудному, но любимому, сыну все сходило с рук. А когда, бывало, стыд за содеянное жег мои щёки, мои мамочки сочувственно улыбались,

но никогда ничего не комментировали, щадя мой авторитет. И я тоже вовсю старался соответствовать их ожиданиям.

Однажды накануне Октябрьского праздника я был приглашен в дом к директору леспромхоза Горбунову на праздничный вечер. Пришло на вечер и местное начальство, в том числе несколько молодых женщин, собою очень даже недурных. Общество собралось молодое, самому хозяину дома, Михаилу Александровичу, не было, наверное, и тридцати. Веселые знакомства, игривые разговоры, песни, танцы, бесконечные тосты продолжались часов до пяти утра. Уйти, если захочешь, с таких вечеринок почти невозможно. В поселке, где все знают друг о друге всё, зазнаек, гордецов и одиноких монахов не любят. Правда, поскольку утром мне предстояло провести большое мероприятие, можно было, конечно, уйти незаметно, пораньше, хотя бы в час ночи; именно так я стал поступать в более зрелом возрасте, после того, как мне стукнуло пятьдесят, но в молодые годы я считал это невозможным. Только около шестого часа я добрался до своей квартиры при школе, рухнул на кровать и мгновенно отрубился.

Проснулся от того, что рядом громко разговаривали мои учительницы.

– Который, – спрашиваю, – час?

– Без десяти десять.

«Боже ты мой, – пронеслось у меня в голове, – сегодня же Седьмое ноября, на десять часов назначен торжественный утренник с приглашением всех родителей и учащихся, а я тут валяюсь».

Спрашиваю:

– Народ собрался?

– Да, пришли почти все дети и родители, – докладывают мои подчиненные и вопросительно смотрят на меня. – Будет не совсем хорошо, если директор не будет присутствовать на празднике.

– Идите, – говорю. – Готовьте детей к празднику.

Вышел в коридор, где стояла бочка с водой, пробил ковшиком корку льда, быстро ополоснул то, что еще вчера было моим лицом, и почувствовал, как голове возвращается ясность. Еще два-три быстрых штриха: белая сорочка, галстук, глаженый пиджак, не забыть еще тетрадку с написанным позавчера докладом, приказ о поощрении отличников и ударников учебы.

Так, всё готово: «Господи, прости и благослови!» А теперь – вперед!

Чем сильна молодость – тем, что организм может быстро восстановиться и мобилизоваться. В зрелом возрасте такие номера уже не проходят.

В 10 часов 5 минут твердым шагом я уже входил в школьный вестибюль, битком заполненный детьми и взрослым народом. Громким голосом я возгласил начало праздника, а когда открыл тетрадь и стал читать официальный доклад, в первой части которого, как положено, воздавалась дань великим событиям 1917 года, а во второй части давался обзор достижений нашей школы и ее лучших учеников, публика замерла. Видимо, такое раньше здесь не практиковалось. Мои мамочки-учительницы смотрели на меня с молитвенным обожанием.

– Когда вы успели все подготовить: и доклад, и приказ, и грамоты? – спрашивали они потом.

– А вот, успел.

К планируемым событиям надо готовиться тщательно и как можно раньше, – это правило я усвоил давно, в первые месяцы своего учительства.

А когда в заключение голосом Левитана (после ночных бдений голос звучал как басовая труба) я провозгласил:

– Да здравствует 45-я годовщина Великого Октября! – раздались громовые аплодисменты.

Именно тогда были поняты самые простые, азбучные истины управленческой науки:

– не подводи товарищей, коллег, оправдывай их доверие;

– что обязан выполнить – обязательно сделай; лишнего не обещай, но что обещал – умри, но сделай;

– будь на высоте, старайся соответствовать ожиданиям подчиненных; будь нужным своему коллективу, будь востребованным;

– защищай не только интересы коллектива, но стой горой за каждого; возвышай личность каждого, потому что каждый учитель должен быть Всеми Уважаемой Личностью;

– возлюби своих коллег, особенно, если видишь, что они питают к тебе хорошие чувства;

– не оскорбляй подчиненных необоснованным недоверием.

Одной из особенностей коллектива Степановской школы было необыкновенно высокое доверие ко мне как к руководителю. Такого я не встречал потом нигде. Так, я часто спрашивал коллег, *как* следует поступать в том или ином случае; а потом, когда принималось окончательное решение, и я доводил его до людей,

никогда не возникало «особых мнений» или желания отлынить. Авторитет директора в этом коллективе был просто непререкаем. Нередко в разговорах с посторонними лицами можно было слышать: «Надо слушаться, так сказал наш директор». Такое сейчас редко встретишь. Это, как в хороших семьях, где мудрая жена-мама постоянно говорит детям: «У нас папка – главный в семье, как его умная голова решит, так и будет». Правда, дальновидная мамка никогда не будет афишировать, что умной головой папки управляет она сама.

Другой особенностью коллектива была высокая квалификация педагогов. Мне не нужно было натаскивать кого-либо в методиках работы; все были достаточно грамотны, хорошо знали свои предметы и в меру занимались самообразованием. Мне почти ничего не надо было приказывать: всё делалось вовремя, без всякого нажима. Думаю, что все эти особенности – результат выучки людей во времена директорства моего предшественника уважаемого Константина Романовича Толкачева (несмотря на то, что о его крутом характере и грехах ходили легенды).

И, конечно, главный урок, полученный мною от первого директорства – урок ответственности. Люди не всегда понимают, обладаешь ты достаточными ресурсами для выполнения дела или нет. Но поскольку директор – именно ты, то именно ты обязан найти эти ресурсы и обеспечить условия для выполнения дела.

Однажды в декабре, когда я зашел в класс столярного дела, учитель труда пожаловался, что кончаются гвозди на 50 и 100 мм, и скоро нечем будет работать. Мои попытки найти гвозди нужных размеров на складах леспромхоза не увенчались успехом. Делать нечего, надо было ехать в город. Я воспользовался тем, что меня срочно вызывали на какое-то совещание. После совещания поехал на межрайбазу и купил два ящика гвоздей. Но встал вопрос: как довезти ящики, каждый из которых весил по 80 кг, до моей школы, находящейся за морем? Правда, море уже «стало» и зимник был пробит, однако никаких попутных машин не было и не предвиделось. Выбора не было, и я решил ехать поездом до Видима, а там будь, что будет. Кое-как под ругань проводника загрузил на железнодорожной станции Анзёби тяжеленные ящики в тамбур пассажирского вагона; а на станции Видим, обливаясь потом, выгрузил их. Теперь надо было найти попутную машину до Заярска, а потом из Заярска по зимнику через залив – до своего поселка. Я долго бродил по Видиму, но найти машину не мог. Кто-то посоветовал идти к «тунеядцам». Так называли людей, высланных из европейской части Союза за «уклонение от

трудовой деятельности», которые жили в поселке Чистая Поляна.

Я купил бутылку водки, самый ходовой товар для «бартерных» расчетов, и, пройдя по зимней дороге километра два, пришел в Чистую Поляну. Поселенцы – «тунеядцы» жили в новых добротных брусовых избах. В одну из них, возле которой стоял ГАЗ—66, я зашел. В избе было жарко натоплено, на койках в кучах тряпья в верхней одежде лежало трое не то мужчин, не то женщин, и еще трое сидели у плиты, на которой в большой консервной банке что-то булькало. Они вскользь посмотрели на меня равнодушными оловянными глазами и снова погрузились в созерцание булькающего варева. По запаху я понял, что варят они чифирь и ждут, когда варево дойдет до кондиции. Мои попытки привести кого-либо из чифиристов в здравое состояние не дали никакого результата. Диалога не получилось.

Пошел я дальше, зашел еще в две избы: там хозяева, несмотря на то, что время было послеобеденное, продолжали ночевать. В отчаянии я уже стал ругать себя за то, что связался с проклятыми ящиками. Другие директора, говорил я себе, приезжают на совещания и уезжают с легкими портфельчиками, а тебе нужно обязательно тащиться с гвоздями. И вдруг…

Бог всегда приходит на помощь страждущим и ищущим в последний момент – в момент крайнего отчаяния. В это я всегда верил.

Вдруг у одного из домов я увидел порожний лесовоз с работающим двигателем. Как же велико было мое счастье, когда выяснилось, что шофер лесовоза собирается ехать в Заярск! Дальше, я теперь был уверен, всё будет хорошо. Мы проехали к станции, погрузили на открытую переднюю площадку ящики, привязали их проволокой, я взгромоздился на площадку сам (в кабине ехала беременная женщина), и мы поехали. Дорога была неблизкой. Пару раз останавливались: шофер проверял, живой ли у него седок на верхней площадке, и я, пользуясь передышкой, руками обмахивал себя, так как снег летел на меня из-под колес и облепливал с головы до пят. Один раз остановились у полуразобранного мостика, который чинили какие-то люди в одинаковых серых робах. Оказалось, это расконвоированные из ближнего лагеря. Они попросили у нас курево, и мы с шофером поделились, чем могли. Постояли. Покурили вместе с зэками. Выглядели те бодро и были вполне дружелюбны.

Наконец, приехали в Заярск и высадили беременную женщину. Зимнее солнце давно зашло. Дальше до Степановского леспромхоза мне надо было продвигаться по замерзшему морю,

но и тут (везет же рисковым ребятам!), когда я стал рассчитываться с шофером и отдал ему поллитровку, он вдруг весело сказал:

– А садись-ка, учитель, в кабину. Так и быть, довезу я тебя до твоей школы.

Я мигом вскочил в кабину, и машина, взревев двигателем, рванулась в промерзшую ночную мглу…

Через полчаса я уже передавал драгоценные гвозди моему учителю труда.

Окунувшись в первое директорство, я, вопреки ожиданиям, обнаружил, что в нем есть какая-то притягательность. Не совсем понимая, в чем дело, предположил, что интересен и увлекателен сам по себе процесс управления, когда два десятка коллег, старше меня по возрасту и намного опытнее, безропотно и – что совсем удивительно – с видимым удовольствием выполняли то, что нами вместе было придумано и одобрено мною. Если у меня, самонадеянно воображал я, человека с явно некомандирскими склонностями, что-то стало получаться в Степановском, то должно получиться и в другом месте. Такие у меня появились самоуверенные, если не сказать, фантастические допущения. Конечно же, я ошибался: позднее на практике не раз оказывалось, что это совсем не так. В каждом новом коллективе я как руководитель сталкивался с массой таких особенностей, которые напрочь вышибали из моей головы командирский снобизм.

Именно среди степановцев, благодаря заботливым взаимным отношениям и крепкому товариществу, которые сложились между нами, я окончательно осознал свои жизненные приоритеты, которые позволили мне определить свое мировоззрение и основные векторы дальнейшего пути.

Расставаясь через год с коллективом Степановской восьмилетки, я уносил в своей памяти правила, которые усвоил на всю оставшуюся жизнь. Правило первое: отношения между учителями небольшого коллектива могут быть только доверительными, только при взаимной уверенности друг в друге, включая директора; доверительное товарищество единомышленников может добиться слаженности, единонаправленности действий, синергизма и хороших результатов. Второе правило: директор – главный и бесспорный авторитет во всем (по крайней мере, он должен стремиться быть авторитетом), но он же – главное лицо, отвечающее за всех и за всё. В случае удачи – первые аплодисменты ему, в случаях неудач – он хлебает горечь неприятных последствий полной мерой. И

третье: директору дается уникальная возможность быть главным конструктором, главным изобретателем всех новшеств, оригинальных придумок, новых методов и так называемых инноваций, он же – организатор их выполнения. Эти истины потом на протяжении полувека в разных местах подвергались сомнениям, ревизии, попыткам пересмотра, но такими и остались в моем понимании до сего дня.

После Степановской школы мне еще долго казалось, что так же хорошо, по крайней мере, доверительно и уважительно, будет везде. Однако больше такого чуда не случалось.

Пионерская эскадра

1963–1967

Мое второе директорство в Братской школе № 9 было менее счастливым и менее удачливым, чем первое, хотя уроков, особенно из неудач, было извлечено достаточно много.

Школа была небольшая, около 600 учащихся. Коллектив учителей подобрался хороший и работящий. Было много молодых.

Люди внешне были приветливы и радушны. Однако по каким-то, поначалу для меня не очень понятным причинам, с авторитетом не только личности, но и должности директора здесь не очень считались. Многие говорили, что это было связано с тем, что мой предшественник был слишком говорливым и директорскими делами фактически не занимался. Среди педагогов постарше считалось нормой время от времени осаживать директора в рамках «критики», широко распространенной тогда в партийных кругах. Партийная прослойка в школе была значительной, а поскольку я был беспартийным, то считалось что мои распоряжения и действия, как человека молодого и якобы чересчур горячего, надо периодически корректировать.

Сначала, как в Степановской школе, я пытался создать обстановку доверительности и равноправного партнерства между членами коллектива. Но довольно быстро выяснилось, что не все идут на контакт, некоторые не желают впускать в свой мир никого; были, к сожалению, и такие, с кем откровенничать было просто опасно. Случалось, и нередко, так, что мои предложения подвергались уничижительным комментариям – дескать, блажит наш молодой руководитель. Изредка эти комментарии доносила до меня «сарафанная почта», иногда, плача в подушку, что-то сообщала жена Люба, с которой мы тогда работали вместе.

Скорее, интуитивно, чем рассудком, я понимал, что демократический стиль взаимоотношений с такими людьми вряд ли уместен. Однако как только я пробовал действовать жёстче, старшие партийные товарищи тут же начинали меня поправлять, упрекая в «самоуправстве». Позднее я понял, что в тех условиях от меня, видимо, ждали установления либерального стиля управления и невмешательства в учебный процесс. То есть кому-то хотелось, чтобы я стал этаким зиц-директором, который всеми вроде руководит, но никуда не лезет и ни во что не вмешивается. Безусловно, такая позиция меня не могла устроить. Я упорно искал способы сплочения коллектива и улучшения, как тогда

говорили, «морально-психологического климата». И гнул свою линию. В результате время от времени стали возникать очаги сопротивления со стороны, как ни странно, моего первого заместителя – завуча О. В. Коротич. Возникали бестолковые перепалки с ней и её окружением. Ольга Васильевна, в отличие от меня, неплохо разбиралась в людях и умело ими манипулировала. До моего прихода в школу она, по сути, была неформальным лидером коллектива.

Казалось бы, директор и завуч должны быть единой командой и действовать только вместе, только в одном направления. Но единства не было. Была бесплодная борьба амбиций. Мы были слишком разными людьми и по возрасту – она была почти вдвое старше меня, – и по психологическому складу. Мы были типичными антиподами, психологически не совместимыми.

К сожалению, в те времена не нашлось ни одного человека, который бы сказал, что при такой несовместимости между двумя первыми руководящими лицами никакими искусственными усилиями никакого единства и дружной команды создать не удастся. Выход в такой ситуации был один: одному из конфликтующих надо было уходить. Но прописные марксисты внушали нам совсем другое: «конфликты разлагают коллектив и их надо своевременно гасить», «ни один руководитель не должен уклоняться от критики масс», «авторитарный стиль управления приводит к самоуправству и волюнтаризму» и прочую белиберду. Выслушивая подобные внушения, для верности изредка подкрепляемые крепкими оплеухами «сверху», я не мог не действовать в духе времени.

Главная моя ошибка была в том, что я слишком темпераментно реагировал на всевозможные как конфликтные, так и неконфликтные, но достаточно спорные, ситуации.

В то же время, чувствуя фальшь официозной политики, я вынужден был крепче взять вожжи в свои руки и, оставив завучу диспетчирование учебного процесса, замкнул на себя большую часть проблем воспитания и развития.

Время от времени по принуждению «сверху» или по инициативе кого-либо из коллег в нашу школьную жизнь вбрасывались различные инновационные идеи, для разработки которых создавались творческие группы; часто в эти группы входили и учащиеся. Вначале в рамках политпросвещения возник кружок по изучению основ «коммунистического воспитания», руководство которым партийцы возложили на меня, как комсомольца. Воспользовавшись тем, что мне, как руководителю

кружка, было предоставлено право корректировать программу занятий, такие темы, как «Классики марксизма-ленинизма о коммунистическом воспитании», «Директивы КПСС об образовании», «Труды выдающихся деятелей ВКП(б) – КПСС по вопросам образования» и проч., я заменил на простые, более понятные и, как я полагал, более полезные для наших педагогов темы по изучению трудов А. С. Макаренко, В. Н. Сороки-Расинского, В. А. Сухомлинского и других выдающихся советских педагогов, а также – современных новаторов-педагогов. Партия одобрила мои инициативы, и я начал занятия по своей программе.

Посещение такого кружка считалось обязательным, поскольку рассматривалось начальством как составная часть обязательной работы учителя по повышению квалификации; поэтому ко мне на политзанятия приходили все педагоги. Занятия в кружке оказались прекрасной школой не только для изучения классиков и новаторов педагогики, но и просто для освоения основ различных теорий воспитания и обучения, а главное, – для самооценки на основе свободного обмена мнениями самими педагогами собственного труда и собственного поведения и выработки единой позиции по оптимизации деятельности педколлектива. На занятиях кружка мы могли до хрипоты спорить на равных друг с другом, например, о том, какими должны быть требования учителя к ученикам, требования директора к учителям, может ли учитель или директор допускать элементы авторитаризма? Проблематика занятий всегда была сложной, «на грани фола», неоднократно возникал риск провала в пучину демагогии или анархии. При недостаточной компетентности слушателей нередко возникали ситуации, когда им казались привлекательными либеральные суждения такого, например, типа: авторитаризм педагога, в том числе, директора, недопустим так же, как диктаторство; требования педагога (директора) не должны быть жесткими и т. п. И тогда, положив руку, как на Библию, на пятый том сочинений А. С. Макаренко, руководитель спрашивал:

– А что вы скажете в ответ на такое утверждение Макаренко: «Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убежден, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины»? Или такое наставление Антона Семеновича: «Требование, высказанное в форме, не допускающей возражений, необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного требования отдельного организатора»?

После таких корректирующих вопросов дискуссия приобретала более конструктивный характер и слушатели, а вместе с ними и я, приходили к выводу, что в педагогике, равно, как и в науке управления людьми, не может быть простых решений. Естественно, всё, что обсуждалось на политзанятиях, которые все больше становились школой воспитания, не могло не отразиться на внутренней жизни нашего коллектива. Бестолковых конфликтов стало меньше. Все больше возникало дел, где требовались объединенные усилия многих членов коллектива.

Возникали и интересные идеи самоуправления. Поскольку мы с нашими учениками постоянно во что-нибудь играли, – то в военно-патриотическую «Зарницу», то в историко-краеведческую викторину «Живет Сибирь по ленинским заветам», то в исследовательские «походы» по улицам города, носящим имена наших героических земляков, – однажды возникла идея – поиграть в моряков.

Люда Фрыгина, наша молоденькая старшая пионервожатая, сходила в Морской клуб (был такой в нашем сухопутном городе), очаровала там моряков-отставников, и через несколько дней школа принимала великолепную делегацию из полдюжины морских офицеров, старшин и матросов. Сверкая золотом погон (причем офицеры были при полном параде, с кортиками), бескозырками с золотым тиснением и якорями, разрубая воздух нестерпимо острыми стрелками на клёшах, делегация моряков, ведомая нашей красавицей Людмилой, не торопясь прошествовала по школьным коридорам, вызвав столбняк и полное оцепенение учащихся.

Визит моряков произвел большие перемены в нашей жизни: вскоре у нас появились кружки по изучению азбуки Морзе, флажного семафора, вязанию морских узлов и изучению каких-то немыслимых морских премудростей. Но это было только начало. Среди ребят не смолкали разговоры о морях, приключениях, дальних странствиях, и, в конце концов, на совете школы было решено, что каждый класс, являясь пионерским отрядом и комсомольской группой, отныне становится экипажем морского судна, а вся школа – пионерско-комсомольской эскадрой. Так появились «экипажи кораблей» «Крейсер Аврора», «Крейсер Варяг», «Стерегущий», «Нахимов» и др. Придумали и знаки различия (играть так играть!): старосты групп стали именоваться капитанами, командирами экипажей, и носили на левом рукаве две красных звездочки; классные руководители стали называться командирами-наставниками; председатель совета школы, ученица

8-го класса, строгая Маша Банщикова получила звание командира эскадры с правом ношения трех красных звездочек. Мне было пожаловано звание адмирала-наставника с правом ношения большой красной звезды.

Теперь все играли в моряков – и дети, и учителя. И директор, и завуч. Игра охватывала большую часть наших дел: учебу, внеклассные занятия и мероприятия. Всё было ново и жутко интересно, и, когда готовился какой-то праздник (а их было множество), вся школа буквально кипела, потому что каждый за что-то отвечал.

Случались, правда, от излишнего рвения и перегибы: так, не раз бывало, совет «эскадры» сурово отчитывал то одного, то другого командира за большое число двоечников в «экипажах». Сегодня, оценивая прошлый опыт, я думаю, что делать этого не следовало: механизм стимулирования учебной деятельности очень сложен, и неосторожное использование жесткой или огульной критики в качестве отрицательного стимулятора в детском коллективе нередко приносит вреда больше, чем пользы.

Много интересных инициатив исходило от нового физрука К. В. Бойко. В школе как обычно работали игровые секции, на которые ходили многие ребятишки. Но наши возможности были слишком ограничены. Ким Вячеславович сумел пристроить многих детей к хорошим тренерам в детско-юношескую спортивную школу и городские спортивные клубы, и вскоре наши лыжники, легкоатлеты и боксеры уже были призерами городских состязаний. Под его руководством были организованы интереснейшие туристские походы, в которых участвовали все педагоги и дети, кроме больных и учащихся начальных классов. Походы были и одно-, и двухдневные (с ночевкой), с обязательным преодолением водной преграды (речки Вихоревки) по бревну, с хождением по азимуту, конкурсами краеведов, поваров и проч.

Любопытно, что чем больше коллективных дел мы затевали, тем больше находили возможностей для их реализации. Однажды после праздничного застолья (в которых теперь с большой охотой стали принимать участие не только работники школы, но и их мужья и жены), возникло желание создать хор и вокальную группу. И тут выяснилось, что учитель труда Н. Д. Громов не только хорошо играет на баяне, но обладает абсолютным слухом, а учительница биологии М. Р. Шаманская прекрасно поет и владеет навыками дирижирования.

На занятия хора стали ходить почти все учителя. Каково же было потрясение коллег из других, более крупных и именитых школ, когда во время городского смотра самодеятельности

открылся тяжелый занавес дворца культуры «Энергетик» и наш хор грянул: «Во ку-, во ку-у-знице, во кузнице молодые кузнецы». Мы спели еще две народные песни, потом вышли две прелестных учительницы, А. Т. Кожевникова и Т. В. Михайлова, два нежных и сильных сопрано, которые спели дуэтом два старинных романса. Были еще выступления. В результате наш ансамбль, неожиданно для всех, был награжден грамотой победителя городского смотра.

Уже к концу учебного года коллектив наш было не узнать. Это был коллектив, за плечами которого было множество больших и малых дел, в которых каждый смог показать, на что он способен. В результате совместного и достаточно напряженного труда каждый педагог понял, что только в единстве всех нас – сила каждого. Теперь уже не возникало необходимости «осаживать» директора, потому что директор вместе со всеми впрягался в общие дела и тянул как коренник…

Конфликты по-прежнему случались, но были редкими, мелкими и в нашем стремительном движении вперед практически незаметными.

Оппозиция

1980–1985

В больших педагогических коллективах редко бывает абсолютное единогласие, почти всегда находятся сотрудники или даже группы, в чем-то несогласные с начальством. Это так называемая оппозиция, которая может время от времени критиковать администрацию учебного заведения. Иногда такая критика может быть очень жесткой, несвоевременной, неконструктивной. И довольно болезненной. Случалось, правда, очень редко, кое-что и – похуже: когда оппозиции, которая жонглируя ложной информацией и обманчивыми призывами, преследуя какие-то свои очень корыстные, но неафишируемые цели, удавалось привлечь на свою сторону большую часть педагогов, тогда – начинался разброд и шатания. И в условиях неустойчивости и бедлама могло произойти всё что угодно.

В недавние времена, особенно в партийных кругах, считалось, что наличие оппозиции является свидетельством неблагополучия морально-психологического климата в коллективе, и посему надо с ней, оппозицией, бороться всеми доступными средствами. А поскольку Партия «рулила» всей идеологической и кадровой политикой, то считала необходимым вмешиваться в жизнедеятельность различных организаций и «поправлять» дела.

В политехническом техникуме, где я был директором семнадцать лет, оппозиция в виде небольших групп была всегда. И всегда я считал, что это нормально, а наличие некоторого инакомыслия даже полезно. Было несколько таких сотрудников, которые весьма критично относились к любым действиям администрации, ничего не воспринимая на веру. Это были, как правило, люди пессимистического склада мышления. Они были дотошны и всегда требовали доказательств, даже в тех случаях, когда принимаемые решения были предельно простыми. Тем не менее, наличие такой оппозиции полезно и необходимо для здорового функционирования коллектива.

Но однажды появился у нас новый преподаватель В. В. Гудков (принимал его на работу мой зам Сурков в то время, когда я был в отпуске), человек, довольно необычный для нашего коллектива. С появлением Гудкова настрой оппозиции неожиданно стал меняться, и обстановка в техникуме стала накаляться.

Новый преподаватель был человеком почтенного возраста, ему было далеко за 60. Юношей он успел повоевать, потом работал, учился, стал инженером, причем, по-видимому, хорошим

инженером; назначили его на очень высокую должность – главным инженером большого целлюлозно-картонного комбината, но где-то он проштрафился, был снят с должности, судим и попал в качестве разнорабочего на «большую химию»; потом были еще какие-то должности и, наконец, последняя остановка – наш техникум. Был Гудков высок, осанист и обладал громким голосом.

Поскольку Виктор Викторович позиционировал себя как большой знаток целлюлозно-бумажного производства, то поначалу учащиеся, особенно, вечерники, работавшие на Комплексе, с интересом относились к его рассказам о том, как он, будучи главным инженером, решал те или иные технологические задачи. Потом поняли, что это наиболее предпочитаемый им способ преподавания, и частенько провоцировали его на такие воспоминания.

Вскоре выявилась и еще одна особенность нового преподавателя: он ненавидел «писанину», которой, и правда, в нашей жизни было более чем достаточно. Но беда в том, что его ненависть к «бумажкам» стала принимать формы некоего вызова: он частенько не писал поурочные планы, конспекты лекций и весьма произвольно трактовал содержание учебных программ. А когда ему сделали замечание, Гудков вдруг перешел в наступление:

– Страна много лет борется с бумагомарательством, а вы насаждаете свою писанину.

– Поурочные планы – это не бумагомарательство, а повседневная необходимость, – объясняли ему.

– А где про эту необходимость записано, в каком законе?

– В документе под названием «Правила внутреннего трудового распорядка в техникуме».

Слово «закон» Гудков произносил чаще, чем другие. Он постоянно носил в объемистом портфеле кодексы законов – трудовой, гражданский, уголовный – с комментариями к ним и прослыл человеком, хорошо подкованным в вопросах юриспруденции. Получив такого знатока, оппозиция активизировалась и стала заваливать администрацию различными проблемами. Нередко наши педагогические совещания превращались в вечера вопросов и ответов: двое-трое наиболее горячих поклонников Виктора Викторовича наперебой задавали администрации, чаще всего – мне, какие-то вопросы, а сам мэтр, восседая, как народный трибун, в центре актового зала и обложившись кодексами, записывал мои ответы на магнитофон и потом громко их комментировал.

По-видимому, Гудков воображал себя помазанником-мессией, этаким чудесно спасшимся царевичем, неустрашимым заступником угнетенных народных масс, который явился в наш затхлый мир для вызволения трудящихся-преподавателей из оков рабства. Мне же и моим замам отводилась, конечно, роль жестоких угнетателей и эксплуататоров.

Вопросы оппозиции в основном касались форм работы и прав сотрудников, например: почему администрация заставляет преподавателей дежурить по техникуму вместе с учащимися? Почему детей заставляют убирать аудитории? Почему учащихся каждую осень гонят «на картошку»? Почему в штате так мало уборщиц и лаборантов? Почему преподавателей заставляют ходить с агитацией по школам? И т. д.

Вопросы вызывали недоумение: если не привлекать учеников к самообслуживанию, то кто будет обеспечить чистоту на наших 32 тысячах квадратных метров? Престарелые тетеньки-уборщицы? Мы будем мусорить, а тетеньки убирать? И кто даст нам сверхнормативные штаты уборщиц? Если мы, педагоги, не будем вместе с учащимися заниматься организацией порядка в техникуме, то кто и когда будет их этому учить? Если не агитировать школьников, захотят ли они идти к нам учиться?

Для нас, старых «образованцев», всё было давно понятно без слов: множество дел, которые мы вынуждены были делать, помимо «часодательства», это и была та самая воспитательная работа, коей мы призваны заниматься. В конце концов, про всё это было прописано в наших Правилах внутреннего распорядка.

Подобные совещания-ликбезы, утомляли своим постоянством и бестолковостью, отвлекали от дела и воздвигали ненужные барьеры между сотрудниками. Взаимоотношения с людьми на основе бесплодных препирательств я считал неприемлемыми, чреватыми худыми последствиями для коллектива, о чем каждый раз публично говорил Гудкову и его компаньонам.

Большинство сотрудников уходили с совещаний с неприятным осадком.

Многим, особенно, молодым читателям, вероятно, покажется странным и неправдоподобным то обстоятельство, что во времена «проклятого тоталитаризма» в обычном коллективе имели место столь либеральные порядки. Но так было не только у нас, а практически везде. Таково было веяние времени, точнее, веяние ветров горбачевской «перестройки» и новомодных методов работы с «массами». Партия сильно поощряла как самокритику должностных лиц перед народом, так и критику «снизу», невзирая на её источник. В таких условиях руководителю (не аппаратчику,

а – ответственному за работу конкретного объекта) нужно было не сорваться, не совершить грубой ошибки. Это было нелегко. Зато было вольготно всевозможным бездельникам и проходимцам с хорошо подвешенным языком.

(Впрочем, проходимцам сегодня тоже неплохо живется. Преемственность с горбачевщиной сохраняется.)

Гудков не унимался и устраивал всё больше и всё демонстративнее разнообразные «протестные» акции. Обстановка в коллективе постепенно накалялась, и иногда казалось, что вот-вот последует какой-то взрыв. Но взрыва не было. Произошло нечто, более неприятное.

Бунтарские наскоки Виктора Викторовича вскоре прекратились, но выяснилось, что он обратился в районную прокуратуру с заявлением, в котором обвинял меня лично в уголовном преступлении. Суть преступления заключалась в том, что я, злоупотребляя своим директорским положением, якобы понуждал учащихся воровать государственное имущество на предприятиях и отдавать его техникуму.

Подробности обвинения мне не были известны. По правде говоря, многие наши лабораторные стенды и устройства были созданы руками учащихся и преподавателей, чем мы очень гордились. Я на самом деле поощрял такие дела. При этом материалы и некоторые механизмы приобретались не только на свалках, но и на предприятиях, которые в те времена не жадничали. Ко мне часто обращались с просьбой подписать письмо о безвозмездной передаче техникуму какого-нибудь списанного узла или приспособления, и я подписывал. Часто обходились без меня: вечерники сами договаривались со своим начальством. Что именно имел в виду Гудков, я не знал: может быть, и в самом деле, произошло какое-то хищение, и воришки сказали, что я заставил их это сделать? Но я никогда и никого не принуждал воровать.

Я терялся в догадках. Дни шли за днями и, вопреки ожиданиям, меня никто не вызывал для объяснений. Наконец, примерно через месяц мне позвонили из прокуратуры района и незнакомый голос представился:

– Ферзенко, прокурор. Здравствуйте!

– Здравствуйте! Чем обязан?

– Можете ли вы после занятий собрать ваш коллектив?

– Думаю, что да.

– Хорошо. Я собираюсь выступить по заявлению вашего сотрудника Гудкова.

В 15 часов в актовом зале собралось человек 120. На своем обычном месте, в центре зала, сидел и Гудков «со товарищи».

Незнакомый мужчина средних лет, который и был прокурором Ферзенко, поднялся на сцену и без всяких предисловий начал читать заявление Гудкова. Как оказалось, в заявлении содержалось семь или восемь пунктов, в которых утверждалось, что учащиеся вечернего отделения, работающие на Комплексе, похитили на одном из заводов два калорифера с вентиляторами, которые установили в техникуме в камере сушки пиломатериалов. В техникуме это якобы обычная практика, воровство поощряется директором и проч. и проч.

– Поясняю, – сказал прокурор, – что сказано в советских законах по такому случаю. Во-первых, что такое кража? Кража – это тайное похищение имущества без ведома его владельца. Что произошло на самом деле? Выяснить это удалось довольно быстро. Прокуратура связалась с руководством завода, откуда якобы имущество было украдено. Оказалось, что никакого хищения не было, имущество было передано студентам с согласия директора завода. Во-вторых, характер государственной собственности в нашей стране таков, что если у одного собственника что-то убудет, а у другого это что-то прибудет, и у этих собственников нет взаимных претензий друг к другу, то закон не усматривает в их деяниях состава преступления. В-третьих, подстрекательства к совершению преступления со стороны директора техникума прокуратура не усматривает, поскольку не было самого преступления …

Гудков пытался что-то выкрикивать, задавать вопросы, но прокурор, подобно машинисту шахтерской машины, продолжал врубаться во всё новые и новые пласты информации, не обращая ни на кого ни малейшего внимания, и излагая изумленным слушателям необычные факты. К концу его речи на Виктора Викторовича невозможно было смотреть.

А когда Ферзенко как бы между прочим сказал, что автора заявления вполне можно привлечь за клевету, в зале послышались смешки.

Это был полный афронт!

Самое интересное, о чем я узнал позднее, было то, что учащиеся, которых Виктор Викторович обвинял в воровстве, были его дипломниками. Именно он руководил их работой и установкой злополучных вентиляторов в техникуме.

* * *

При всех «художествах» Гудкова я никогда не позволял себе ни грубых выражений в его адрес, ни оскорблений. Виктор Викторович также держал себя в рамках джентльменства.

Но, кроме того, был у нас с ним один день, накануне которого и в течение которого прекращались всякие недружественные действия сторон и любые проявления агрессивности были абсолютно недопустимы. Этот был День Победы.

Обычно накануне праздника я приглашал в свой кабинет ветеранов Великой Отечественной войны, их у нас было восемь человек. Все приходили принаряженные, с наградами. Виктор Викторович тоже надевал свои боевые и трудовые ордена и медали. Мы усаживались за стол, пили чай. Потом я зачитывал праздничный приказ, поздравлял стариков с праздником и каждому вручал подарок или премию. При всей нашей бедности этот ритуал неукоснительно соблюдался в течение многих лет.

Потом мы выходили на крыльцо, где уже были построены все группы учащихся. Ребята приветствовали ветеранов аплодисментами, и мы всем коллективом с развернутыми знаменами шли к городскому мемориалу Победы, где проводили свой митинг.

Поздно вечером 9 мая Виктор Викторович звонил мне домой, и между нами происходил такой разговор:

– Здравствуйте! Это Гудков. Не разбудил?

Обычно он звонил ближе к полуночи.

– Здравствуйте, Виктор Викторович! Я – сова и ложусь поздно.

– Еще раз поздравляю вас с праздником Победы и желаю вам и вашим домочадцам крепкого здоровья и всего наилучшего!

– Спасибо! Я тоже поздравляю вас и вашу семью с праздником и желаю всем крепкого здоровья и благополучия!

– Как здоровье вашей супруги? Как дети?

– Все, слава Богу, живы и здоровы? А как ваша жена, как сын?

– Жена работает. Сын заканчивает первый класс. Учится хорошо, радует меня.

– Я рад за вас.

На этом обмен информацией заканчивался, и мы любезно прощались друг с другом.

Такой ритуальный разговор происходил в течение нескольких лет и именно по вечерам 9 мая, даже после того, как я ушел из техникума. Было очевидно, что для Виктора Викторовича этот день был особенно значимым. У него появлялась потребность

сказать значимые слова какому-то значимому для него человеку. Вероятно, я и был для него таким человеком.

Может быть, ему хотелось сообщить мне что-то ещё? Иногда я чувствовал, что он хочет сказать что-то важное. Но какой-то барьер мешал ему. А я никогда не откровенничал с ним.

Несомненно, своими действиями этот человек нанес некоторый урон как авторитету нашего учебного заведения, так и себе лично. Но, как ни странно, косвенно он принес и немало пользы.

Примеры с Гудковым и его сторонниками убедили меня, что если не проявлять излишней суетливости и нервозности (что мне, честно говоря, удавалось не всегда), то и из действий оппозиции можно извлечь пользу. Да, бывает, что она, оппозиция, бодается и больно кусается, но при некоторой настойчивости и терпении можно и ее побудить к служению общим целям.

Дело в том, что каждый раз, когда оппозиция критиковала администрацию за безграмотность или незаконные действия, я внимательно анализировал содержание критики и, к своему сожалению, не раз обнаруживал, что доля истины (иногда – очень большая доля) в ней содержится.

И тогда мы придумали нечто такое, что серьезно повлияло и на систему взаимоотношений в техникуме и на то, что сегодня называют хорошим менеджментом.

А поспособствовала этому командировка в город Львов в составе группы директоров лесных техникумов для изучения оригинального опыта украинских педагогов.

Из Львова я привез домой полчемодана книг и брошюр – щедрых подарунков местных коллег – под общим названием «Комплексная система управления качеством подготовки специалистов (КСУКПС)», показал эти материалы товарищам и подробно рассказал коллективу об увиденных на Украине интереснейших новинках. У многих загорелись глаза, и мы тут же создали творческую группу для создания у себя похожей системы, которая была названа «Системой управления техникумом (СУТ)».

Был разработан план, в котором было прописано, что мы, администрация, приступаем к созданию «*Системы управления техникумом (СУТ)*», в которой будут описаны многочисленные педагогические процедуры (например, как провести консультацию, классный час, лабораторную работу, урок на предприятии и т. п.), важнейшие правила (правила поведения на занятиях, в «колхозе» и др.), требования (требования к поурочным планам, к календарно-тематическим планам и др.), положения (положение о самообслуживании, об общественно полезной

практике, о смотре лабораторий и кабинетов и проч.) и многое другое. Документы СУТ, которые писала наша административная команда, носили открытый характер: их проекты публиковались; каждый, кто хотел, мог что-то предложить дополнительно; потом они обсуждались в зависимости от содержания в разных инстанциях и после утверждения директором вводились в действие.

Года за два мы написали больше полусотни таких документов, которые являлись своеобразными законами нашей жизни, так как после длительных дискуссий и согласований были приняты педсоветом Споры на темы, ходить или не ходить в школу для агитации будущих абитуриентов, дежурить или не дежурить по техникуму, обязателен ли инструктаж по охране труда перед проведением лабораторной работы, – стали бессмысленными.

Однако на радостях мы нарушили одно из важнейших управленческих правил. Правило такое: при внедрении любых новшеств не следует проявлять торопливость, нужна некоторая медлительность, постепенность, этапность с целью осмысления достигнутых результатов и корректирования отклонений. А наша административная команда проявила торопливость и желание получить хорошие результаты как можно скорее. Так произошло с созданием «Положения о смотре кабинетов и лабораторий» бригадой из председателей цикловых комиссий и нескольких завлабов.

В техникуме было 72 учебных кабинета и лабораторий, и их смотры мы проводили в конце каждого семестра. Естественно, результаты смотра влияли не только на заработную плату педагогов, но и на их статусное положение. Поэтому авторам «Положения о смотре» хотелось, чтобы в нем было учтено всё, что можно: и работа по созданию материальной базы, и написание методичек, и создание дидактического комплекса, и привлечение учащихся к творческой работе, и многое другое. В результате длительной работы, переработки и интеграции значительного разнообразия суждений и предложений, был создан, наконец, документ из трех десятков пунктов, в котором, как нам казалось, было учтено всё, что надо и выражено при помощи цифровых показателей. Мы все еще верили, что при помощи «цифр» (количественных показателей) сможем справедливо оценить *качественную работу людей.*

Это был наш просчет.

Вроде все было задумано и подготовлено неплохо. Каждый заведующий вначале проводил самооценку и сам выставлял себе

баллы по показателям, и это понуждало его быть достаточно самокритичным. Потом в ходе смотра его работа оценивалась комиссией. В конце концов, смотровая комиссия подсчитывала баллы и выводила итоги. Кажется, все просто и понятно. Однако, несмотря на демократизм процедур, выявилось немало отрицательных моментов. Было много ненужных споров из-за «цифири». Иногда подсчет баллов и коэффициентов проводился формально, без учета работы, которую невозможно было выразить при помощи цифр. И тогда было принято соломоново решение: ввиду обнаружившихся неточностей применяемого количественного метода не присваивать призовые места (первое, второе, третье, как на спортивных состязаниях), и заведующих лабораториями и кабинетами, которые набрали наибольшее количество баллов, просто назвать *лучшими* и поощрить. Так и сделали.

* * *

Руководитель должен быть объединителем коллектива. Он должен тратить достаточно много сил на то, чтобы соединить людей в одно целое и активно бороться с тем, что этому мешает.

Нас когда-то учили «развивать критику и самокритику», и некоторые так «насобачились», что готовы были по любому пустяку «правду-матку резать в глаза». Случалось, что, критикуя коллегу, дескать, «не обессудь, я такая вот, прямая», одна преподавательница выдавала другой такую «правду», что та потом неделю ходила, держась за стены.

Руководитель должен зорко смотреть за взаимоотношениями между людьми и пресекать на корню любые проявления склочности, агрессивности и попытки унижения личности. А уж если назревает что-то очень скандальное, то надо откладывать в сторону все срочные дела и мобилизовать все силы на борьбу с этим злом. Склоки внутри коллектива – страшное явление.

Бывает, человек устал, у него дома что-то не ладится, и он сорвался, наорал на своего товарища, оскорбил. Такие проступки нежелательны, но вполне простительны, если виновник чувствует свою вину. Но когда в коллектив проникает человек озлобленный, эгоистичный, не признающий того, чем дорожите вы и что дорого вашим товарищам, не реагирующий на замечания, не пытайтесь такого человека перевоспитывать – это не ваша задача. Уходите от такого человека, держитесь от него подальше и постарайтесь избавить от него ваш коллектив. И не слушайте тех мудрецов, которые говорят, что здоровый, сильный коллектив способен

перевоспитать любую деструктивную личность. На практике это происходит редко, а нравственным здоровьем коллектива надо дорожить и не экспериментировать: испортит ли ложка дегтя бочку меда или не испортит.

Очень важно администрации учебного заведения при стимулировании людей, не поощрять никаких крикливых соревнований, шоу и конкурсов, участвуя в которых педагоги должны бороться за первые места и идти к наградам по «трупам» своих товарищей. И соревнования, и конкурсы, конечно, нужны, но только при условии взаимовыручки и кооперации усилий и только в атмосфере всеобщей доброжелательности.

Так же, как и в работе с учащимися, в работе с сотрудниками следует руководствоваться *принципом полезности, или востребованности,* суть которого в том, что руководитель должен быть нужен своему коллективу, востребован им. На практике принцип полезности означает:

– не ждать, когда тебя попросят о помощи падающие от усталости сотрудники, а вовремя самому предлагать свою помощь (но не навязывать);

– знать потребности подчиненных и способствовать их удовлетворению; искать в людях хорошее, а не плохое;

– находясь во главе дела, брать на себя удары первым, а если случится неудача, отсчет виновных начинать с себя;

– быть на месте, в зоне досягаемости; быть всегда на посту;

– терпеливо учить подчиненных; давать им право на ошибки.

Поведение руководителя должно быть более-менее предсказуемо, и подчиненные и ученики должны быть твердо уверены в его порядочности, ровном и добром отношении ко всем.

Трудности с кадрами

1980–1984

С педагогическими кадрами всегда была напряжёнка. За полвека работы в учебных заведениях я не припомню, чтобы было иначе. Что же касается руководящего персонала, то – хоть плачь. Найти толкового зама по учебной работе было делом необычайно сложным.

Сурков Юрий Геннадьевич, претендент на эту должность, пришел с Братского Комплекса, где около года работал на одном из заводов старшим инженером. Рекомендовал его мой хороший знакомый, кадровик: «Очень грамотный инженер. Дотошный. Педант редкостный. Но любое дело доводит до победного конца».

Выбора у меня не было, и я вынужден был согласиться на «педанта», который считался «грамотным».

Сурков оказался человеком средних лет. Инженер-механик, в молодости окончил Новгородский политехнический институт. В меру вроде бы общительный, но малоразговорчивый и не очень открытый. Скорее, замкнутый. Женат. Двое детей: сын в десятом классе и малая дочь.

В качестве преподавателя Сурков нигде и никогда не работал, но я легкомысленно посчитал: будет желание – научится. Это была моя первая ошибка. Самым простым навыкам преподавательского ремесла действительно научить можно любого грамотного человека, но стать настоящим педагогом-воспитателем и, тем более, педагогом-организатором, каким должен быть заместитель директора учебного заведения, может не каждый.

Обычно срок вхождения в новую должность и освоения новых обязанностей занимает примерно года три. Мы проработали с Сурковым первых три учебных года, и я с радостью убеждался, что мой зам – на самом деле человек дотошный. Если ему поручалась подготовка какого-то документа, Юрий Геннадьевич отрабатывал его так же тщательно, как ювелир, делающий огранку алмаза. Если он посещал занятия по инженерным спецдисциплинам, то его краткие, но точные замечания никто не мог оспорить.

Однако на педсоветах он все больше отмалчивался. В педагогические дискуссии не ввязывался. Свой предмет допуски и посадки в машиностроении он знал хорошо, но вёл суховато, строго наказывая студентов отрицательными оценками, и те его побаивались. И недолюбливали. В коллективе он ни с кем не вступал в дружеские отношения, кроме скандалиста Гудкова,

который, как оказалось, был его земляком. Поскольку у техникума было, кроме дневного, еще и вечернее отделение, то на мои предложения поработать один-два вечера с вечерниками Юрий Геннадьевич откликнулся очень неохотно и тут же попросил взамен предоставить ему отгулы. Еще больше он удивил после подписания мною приказа о его направлении на уборку картофеля в подшефный совхоз. Он тут же потребовал денежную компенсацию за командировку, на что я ответил, что все расходы по доставке, жилью и питанию студентов и педагогов полностью берет на себя Комплекс. Однако он все же выторговал для себя компенсацию в виде отгулов. Нередко он отказывался выполнять какие-то функции, например, в оказании помощи классным руководителям, говоря, что это не его обязанности.

В те годы управленцы, в отличие от нынешних менеджеров, не знали принципов так называемой «работы в команде», но дух коллективизма и делового товарищества всемерно поддерживался. Долгое время я пытался пробудить этот дух в своем первом заместителе, но мои усилия не увенчались успехом. В конце концов, я вынужден был смириться, однако последующие события неожиданно стали выходить из-под контроля и сильно изменили нашу жизнь.

Началось всё с приходом его сына Егора в наш техникум.

Во время зачисления первокурсников мне попали в руки документы Суркова Егора Юрьевича. Я спросил Юрия Геннадьевича:

– Ваш сын?

– Да, – тяжело вздохнув, ответил он.

Я посмотрел свидетельство об окончании девяти классов его сына – одни трояки, только по физкультуре и пению четверки. Вступительные экзамены тоже сданы на тройки.

– А девять классов Егор окончил в прошлом году?

– Да. Потом он учился в десятом классе, но нахватал двоек, и мы решили податься в техникум.

– Понятно, – подвел я итог. – Зачислим его на первый курс по специальности промышленное и гражданское строительство.

Позднее, во время знакомства с новым набором я увидел этого Егора. Похож на отца, но на голову выше. Акселерат.

Особых успехов он не обнаружил, но был переведен на второй курс без «хвостов». Проблемы начались на втором курсе.

Заведующий дневным отделением Зуев не раз докладывал на планерках о неблагополучии в группе ПГС-11, в том числе о многочисленных, каких-то наплевательски дерзких прогулах и

неудах Суркова Егора.

Отец, слушая такое о сыне, сидел, опустив голову.

Но однажды – дело шло к весне – Юрий Геннадьевич пришел ко мне в кабинет и молча сел на торец длинного стола. Был он сильно опечален и выглядел очень мрачно.

– Помогите! – вдруг заговорил он задавленным, еле слышным голосом.

– Что случилось? – спросил я.

– Помогите, умоляю! Мы с женой не знаем, что делать с сыном. Он ни во что не ставит нас. – Голос его пресекся, и он неожиданно заплакал.

Потом, немного успокоившись, Сурков рассказал, что сын часто не ночует дома, иногда является домой пьяный, грубит, а однажды даже бросился на мать с кулаками. Как-то Егор стал нагло домогаться, чтобы отец купил ему мотоцикл. Тот долго отказывал, сын настаивал, стал угрожать. Отец уступил – купил мотоцикл. Егор каким-то образом получил права и стал гонять. У него появились новые дружки, по ночам они лихо раскатывали по городу. Вместе пили. И вот в пьяном виде Егор совершил наезд на кого-то, зашиб, правда, не насмерть. Возбуждено уголовное дело.

– Что теперь делать? – взывал, плача, отец. – Что делать?

Я как мог сочувствовал горю отца, однако для меня всё произошедшее не было из ряда вон выходящим: подростки, коих под моим началом был целый полк, иногда выбрасывали фортели и почище. Не было для меня секретом и то, что девиации подростков, как правило, начинались в их семьях, поскольку основы воспитания закладываются родителями. Но Суркову-отцу я не стал говорить об этом, так как о его семье сведений у меня не было. Долго мы с ним судили-рядили, взвешивали разные варианты. Я посоветовал ему лично как можно быстрее найти человека, пострадавшего от наезда сына, и предложить материальное возмещение за полученные травмы. Что касается самого Егора, отец вымолил у меня согласие: отправить его в армию. Там, дескать, ему мозги вправят.

Я позвонил военкому, и вскоре Сурков-младший был призван на службу и вместе с парнями-земляками отбыл в Забайкальский военный округ.

Казалось бы, вопрос решен. Сурков-старший успокоился и продолжал работать. Так прошло еще полгода.

Но, как известно, беда не приходит одна.

Однажды ранним утром Сурков снова обратился ко мне с просьбой: разрешить ему командировку в город Амурск, в тамошний техникум. У нашего политехникума в Амурске не было

никаких дел, и просьба Суркова меня сильно удивила. Но он стал упрашивать меня направить его в Амурск дня на три и еще дать ему отпуск на пару недель. Оказалось, как он пояснил, где-то в тех краях, в Забайкалье, служит его сын, но там что-то стряслось необычное, и сын попал в беду; надо поехать в его часть, разобраться на месте и помочь ему. Что ж, подумал я, дело святое: отец хочет помочь сыну в беде. И я дал согласие на командировку и даже позвонил директору Амурского техникума, чтобы тот посодействовал Суркову.

Он уехал, а когда через полмесяца вернулся, то поведал мне, чуть не плача от горя, что беда, приключившаяся с Егором, в самом деле велика. Он арестован, находится под следствием в окружном изоляторе. Отец-Сурков встречался с военными следователями и врачами, переговорил с несколькими юристами и намерен оказать сыну посильную помощь.

– Даже если удастся уменьшить его тюремный срок на год-два или даже месяц, я обязан сделать всё для этого, – вдруг решительно заявил он, высоко подняв голову. Его немигающий взгляд излучал непреклонность.

Нужно заметить, что при некоторых странностях этического склада одна особенность его поведения была совершенно необычной: когда Сурков принимал какое-то решение, он неожиданно устремлял на собеседника взгляд своих стальных глаз. Взгляд этот, особенный, продолжительный и немигающий, был как у змеи. Гипнотический. Мало кто мог его выдержать: некоторые сотрудники панически его боялись.

– Прошу изложить суть дела, – попросил я.

И Сурков рассказал следующее. В воинской части случаи пьянок были нередкими. Изрядно подвыпившая компания солдат затеяла то ли драку, то ли дедовщинскую разборку в расположении части. В ходе инцидента молодому солдату-салаге были нанесены травмы, а сам Егор – это установлено следствием – ударил солдата по голове табуреткой, после чего тот потерял сознание и упал. Кто-то догадался вызвать машину, на которой потерпевший был отправлен в санчасть. Однако что-то было сделано не так, и пострадавший по пути скончался, захлебнувшись собственной рвотой.

Вина Суркова-младшего и его подельников была очевидной, однако, несмотря на это, отец был настроен решительно: надо сыну помочь. Я выразил ему сочувствие, но одновременно и сомнение в том, что он задумал.

После этого разговора я подумал, что Суркову, вероятно, придется уходить со своей высокой должности, так как в те времена широко было распространено суждение (правда не

подкрепленное юридически), что педагог, который не смог воспитать своего сына, не имеет права воспитывать других. А Сурков неоднократно показывал свою несостоятельность как отец.

Первый раз, совершив правонарушение, его сын отбыл на службу в армию.

И вот теперь, второй раз – снова преступление, и суда не миновать.

Увидев, что я не поддерживаю его линию поведения, Юрий Геннадьевич замкнулся, ушел в себя и перестал говорить со мной о сыне. Он что-то явно задумывал, но – что? Догадаться было невозможно. Однако то, что он на самом деле сотворил, резко изменило характер наших отношений.

Вскоре на одном из традиционных совещаний Сурков по договоренности должен был выступить с отчетным докладом о проделанной в течении семестра работе: у нас было принято периодически отчитываться перед коллективом. Когда я, председательствующий, предоставил ему слово, Сурков вместо ожидаемого отчета вдруг начал говорить о своем сыне и своей *отцовской просьбе* к педколлективу. Просьба его состояла в том, чтобы написать коллективное ходатайство в военную коллегию округа с просьбой смягчить приговор и учесть положительные качества Егора за время его обучения в нашем политехникуме. Такие ходатайства перед судами практиковались довольно часто.

Я был неприятно удивлен неожиданностью выходки должностного лица, которой как-никак был моим первым заместителем. Еще больше я был потрясен попыткой Суркова-отца апеллировать к коллективу, в котором, я был уверен, ни один педагог не мог характеризовать Егора вполне положительно.

Моя реакция была оперативной, решительной и… абсолютно ошибочной. Обращаясь к коллегам, я сказал, что наш коллектив и раньше никогда не обращался в судебные инстанции с какими-либо просьбами, и в настоящее время, не имея ясного представления о трагических событиях, происшедших в воинской части, мы не вправе ходатайствовать о своем бывшее ученике Суркове Егоре. Такой оборот дела, заявил я, вынуждает меня закрыть собрание. И я ушел из актового зала. Что там происходило без меня, не знаю, но ясно, что никакого коллективного обращения без директора принять было невозможно.

А что на самом деле надо было бы сделать, если бы моя реакция была менее эмоциональной, менее быстрой и более взвешенной? (К сожалению, меня иногда отличала плебейская особенность: мыслить «опосля», «задним умом».)

Прежде всего, в сложных ситуациях, директор обязан, не обращая внимания на излишние эмоции присутствующих и возможные нравственные издержки, сохранять полное спокойствие, ясность мышления и действовать сугубо прагматично. Директору нужно было после того, как Сурков изложит свою просьбу, выразить ему сочувствие (я сделал это сразу же), но тут же обратиться к залу и спросить: «Кто из вас помнит учащегося Суркова Егора? Пожалуйста, поднимите руки те, кто обучал и помнит его».

Уверен, из более чем 100 присутствующих руки подняли бы едва ли 7–8 человек. После этого можно было бы спросить: «Остальные преподаватели, которые не знали Егора, могут ли судить о нем со слов его отца, но, не слыша доводов другого отца – отца погибшего солдата?» Думаю, что ответом было бы, по меньшей мере, молчание.

В случае, если бы нашлись желающие поддержать ходатайство Суркова, можно было бы предложить еще один вариант, например, обратиться к залу с таким предложением: «Судить о событиях, которые происходили далеко от нас, в Забайкалье, со слов одного Юрия Геннадьевича, крайне трудно. Прежде чем голосовать за какое-то решение, предлагаю создать общественную комиссию, которая смогла бы более детально вникнуть в существо вопроса и доложить свои предложения на следующем нашем собрании». Думаю, что с таким решением было бы согласно большинство коллег. И вскоре бы выяснилось, что ходатайствовать – не о чем.

Но я поспешил, и это повлекло за собой непонимание со стороны многих моих подчиненных. Да и освобождение Суркова от должности (а он теперь не скрывал, что собирается уходить) несколько подзатянулось.

А сын его Егор был осужден на длительный срок тюремного заключения.

Дело было под Находкой

1982–2010

Всё складывалось вроде бы удачно. Областной студенческий штаб предложил мне слетать на Дальний Восток и посмотреть на месте, под городом Находкой, как работает стройотряд из моего политехникума. Поручение было простое и ясное. Ожидались необременительные встречи с новыми людьми, новые впечатления от вида неведомых земель и минимум отрицательных эмоций. С таким настроением я полетел.

Дорога была неблизкая. В один из жарких июльских дней, уже к вечеру, порядком умотавшись от смены видов транспорта – поезд, самолет, автобус, такси, – я добрался до стройотряда. Его командиром была преподаватель Халилова. Звали ее Людмила Сергеевна. Комиссаром и главным инженером была ее старшая сестра Роза (Роза Сергеевна), по фамилии Собак, инженер-строитель. Студенты подрядились выполнить ремонтно-строительные работы на пристани в местном пароходстве.

Цель моей поездки была – инспектирование труда, быта и общего состояния духа отряда.

По прибытию, кое-как поужинав, я прилег отдохнуть, но до утра намертво отрубился.

На следующий день Халилова организовала встречу с руководителями пароходства. Работой нашего отряда местное начальство было довольно, хотя больших заработков не обещало.

Бойцы, парни и девушки, числом до сорока, жили за городом, в уединенном лагере в добротных стандартных вагончиках на лоне дикой природы. Все были сильно загорелые и веселые. Продуктов хватало. Утром за ними приезжали дежурки, а вечером уставших и голодных привозили в лагерь. За их здоровьем присматривала симпатичная Марина, студентка выпускного курса Иркутского мединститута.

Марина была коренастая, улыбчивая, крепенькая девушка. Выделялись на ее круглом, слегка курносом лице сливовые глазки с косиной и неясной хитринкой, которые с первых мгновений нашего знакомства насквозь просветили меня снизу доверху.

Я в то время был сорокадвухлетний матерый мужик. Правда, судя по сохранившимся фотографиям, немного брюхатый, но лицом небезобразный и вполне боеспособный. Как-никак троих детишек смастерил. Меня поселили в отдельном домике.

Прошел день. Главное, что было нужно, я увидел сразу и

убедился, что работой, крышей над головами и харчами мои дети обеспечены. И с интересом стал знакомиться с непривычными видами. Все было в диковинку: сопки, поросшие кудрявым лесом, травы высотой в человеческий рост. И необычные острые запахи. Сильным был неизвестно от чего исходящий сладкий, пьянящий запах. Этот запах раздражал, не давал покоя, особенно ночью. Каково же было удивление, когда утром, во время умывания, я пригляделся к зеленым растениям с длинными, около полутора метров крепкими колючими стволиками, и обнаружил, что они увенчаны маленькими красно-синими соцветиями. Принюхался: сладкий запах исходил именно от этих соцветий. Потрогал: оказалось – обыкновенный осот. Но в здешнем, насыщенном богатой химией, очень влажном воздухе простая полынь и другие бурьяны, в том числе осот, вымахивали до полутора-двух метров.

А медичка Марина всё посматривала. Всё постреливала своими глазками. Сестры-командирши тоже это заметили. За дружеским ужином, а мы ужинали вместе, Халилова вдруг напустилась на нее: «Ты почему уклоняешься от выполнения своих обязанностей?.. Почему не провела медосмотр нового человека?» «Кого это еще?» – не поняла скрытого юмора медичка. «Как – кого? У нас новичок один, наш гость, Павел Васильевич!» «А-а – а!» «Так что сегодня вечером приступай…»

Все трое захихикали. Шутка! Но намек был дан.

Я смолчал и задумался: а что, может, и – в самом деле?..

С вечера дверь оставил незапертой … Вдруг придет. Теоретически я представлял, что будет дальше, но, как ни странно, практического опыта в таких делах не имел.

Медичка не пришла.

Третий день был посвящен поездке в город. Меня познакомили с комсомольскими вожаками Находки, которые тоже выказали удовлетворение работой нашего отряда. А вечером мамочки-командирши в честь приезда высокого гостя (меня) и в связи с окончанием рабочей недели (была пятница) устроили танцы под радиолу. Девчонки принарядились, вместо штанов защитного цвета надели юбки и платья, парни тоже помылись, побрились, причепурились. И пошло веселье.

Пару раз я пригласил Марину. Потом мы с ней танцевали еще под «Брызги шампанского». Она преданно взглядывала на меня из-под длинных ресниц и многообещающе вроде бы невзначай прижималась то крутым бедром, то роскошной жаркой грудью. Я бормотал какие-то комплименты, и моя партнерша удовлетворенно посмеивалась.

– Медосмотр-то когда будем проводить? – все так же вроде бы смехом спросила Марина и малюсенькая мушка над ее верхней губой весело дернулась.

– Ну-у – у… Ммможет, после танцев? – предположил я, немного запинаясь.

Придет, подумалось. На сей раз придет она в мой вагончик. Обязательно придет.

Кобелиные эмоции вдруг взыграли. Мой командировочный организм взалкал – потащило на приключения и подвиги.

Однако все пошло не совсем так, как фантазировалось.

– Белый танец, – объявила сама командирша Халилова. – Дамы приглашают кавалеров.

Произошла смена декораций. Передо мной вдруг возникла фигура другой девушки. Это была моя студентка, которую звали Валя. Фамилия у нее была Сирота, хотя на самом деле она не была сиротой. Мне было известно, что у нее есть родители, которые иногда с Правого берега приезжали к ней в общежитие. Валя училась в группе четвертого курса отделения деревообработки.

Я преподавал в их группе ЛД-431 основы менеджмента и поэтому неплохо знал учеников, в том числе Валю. Ей было лет девятнадцать. Стройная, спортивная. Хорошо сложена. Лицом пригожа. Улыбчива, ямочки на румяных, сильно загорелых щеках. Мне она нравилась. Однако разница в возрасте, в нашем статусном положении и, в конце концов, то, что я был женатым человеком, отцом большого семейства, – все эти тормоза не позволяли расслабляться.

– Разрешите пригласить вас, – тихо произнесла девушка.

– Конечно, Валя! – ответил я.

Мы стали танцевать медленный танец. Следующим был фокстрот, и я – алаверды – пригласил девушку. Потом она потащила меня танцевать веселый шейк и после этого уже не отходила от меня. Мы танцевали всё подряд. Мне было легко с моей ученицей. И покойно на душе. Девушка весело рассказывала о жизни в лагере, и мне было интересно все, о чем она щебетала, доверчиво распахнув свои большие серые глаза. Где-то в толпе несколько раз мелькнуло напряженное лицо Марины, но потом я потерял ее.

Как положено, перед отбоем (дисциплина – прежде всего!) танцы закончились. И Валя, нисколько не смущаясь (откуда что взялось?), взяла меня под руку и заявила:

– А теперь я отведу высокого гостя на ночлег. Можно?

– Нужно!

У меня не было никаких ни задних, ни передних мыслей. Я

твердо знал, что между нами ничего такого быть не может. Это была стойкая установка – этакий педагогический ступор, накрепко вбитый в мои мозги.

Но когда мы подошли к домику, в темноте я увидел, что не деревянных ступеньках кто-то сидит.

Это была Марина.

– До свиданья, Пал Васильч! – быстро сказала моя провожатая, резко развернулась и тут же пропала в кромешной черноте ночи.

А Марина медленно встала и окинула меня сверху донизу уничтожающим взглядом.

– Медосмотр отменяется, – мертвым голосом произнесла она. – Ввиду раздвоения личности пациента. – И тоже исчезла.

Так я оказался один, но теперь еще и – как лишенный доверия мужчина, вроде бы претендовавший на роль ухажера, но коварно обманувший ожидания прелестной юной особы. Получалось, что я отверг Марину, хотя всё происходило в слишком быстром темпе и было неопределенно.

Я осознавал, что совершил какую-то ошибку. Но лишь позднее понял, что, оскорбив (пусть даже неумышленно) невниманием женщину, нанес ей обиду. Видит Бог: я не хотел этого. Однако женщины, как и собаки, обид не забывают. И не прощают. Эта ошибка аукнулась мне через много лет.

Подводя итог третьего дальневосточного дня, я пришел к невеселому выводу: велика вероятность, что отныне не будет мне житья в этой части земного шара.

Четвертый день выпал на субботу. День нерабочий. Было решено: после завтрака все идут на море. Купаться, загорать. Играть в пляжный волейбол.

До большого залива моря, называемого Японским, было километра три по набитой тропинке. Сначала по долине, поросшей травами-акселератами, потом лесом с соснами, березами, кленом и какими-то труднопроходимыми кустарниками.

Берег залива тоже был невиданный. Песчаные дюны высотой с двухэтажный дом тянулись вдоль залива. Вода парная, градусов 28.

Дружно искупались. Поиграли в волейбол. Все – голышом, в одних купальниках.

Потом Валя Сирота попросила меня:

– Пал Васильч! Сфотографируйте нас.

Я сфотографировал ее с подружками.

– Хотите, я покажу вам неизвестный памятник, – предложила

девушка. – Здесь недалеко.

– Хочу!

Девушка быстро пошла вперед, я за ней. Мы пошли, сопровождаемые неодобрительными взглядами сестёр-командирш. Медичка демонстративно отвернулась.

Не будет мне прощения, опять подумал я. С Мариной теперь мы, пожалуй, вечные враги.

Осмотрели памятник – очень старую пирамиду со стертыми буквами, может, еще со времен русско-японской войны, Бог знает как оказавшуюся в этой глуши. Я снова сфотографировал девушку. Она меня.

– А вы когда уезжаете? – неожиданно спросила Валя.

– Сегодня… Мне, пожалуй, уже пора собираться.

– Вы до Владика?

– Да, от Находки до Владивостока на автобусе. А уж оттуда самолетом до Иркутска, а потом поездом до Братска.

– Жаль.

– Почему?

– Хорошо было бы, если б вы еще побыли с нами.

– Мне тоже хорошо с вами, но дома много дел.

– Жаль.

Она и вправду сожалела о моем отъезде. Это чувствовалось. Почему? Кто знает? Наверно, ее не случайно тянуло ко мне. Ученицы нередко влюбляются в своих учителей, мне это было знакомо. Валя была неопытной девчонкой, вероятно, не вполне понимающей, что с ней происходит. И она на самом деле была огорчена.

Все эти разговоры, встречи и сожаления были как в полудреме, в какой-то другой жизни и как будто не со мной, а с моим двойником-фантомом…

После Находки прошло лет семнадцать, когда в реальной жизни я снова встретил Валю. Но она была уже не Сирота, а Побойко и работала на Правобережном доке начальником смены. Я знал это. Я по-прежнему директорствовал, но не в Политехникуме, а в Строительном профлицее и в ее док приехал по делу: за досками. Ее старший сын Ванюша учился в моем лицее на первом курсе.

Валя почти не изменилась. Все так же стройна, быстронога. Главное – улыбчива. Все те же ямочки на неунывающем лице.

– Как вы? – большие серые глаза, как прежде, смотрели доверчиво. – Как живете?

– Все хорошо.

– Мне тоже хорошо. Мой Вася (это муж) меня так любит! Помните, в нашей группе был мальчик, Вася Побойко. Мы с ним дружили с первого курса. Сразу после окончания техникума поженились. У нас двое детей. Живем хорошо. На следующий год младший будет к вам поступать… А вы, Пал Васильч? Как вы живете?

В ее голосе слышалась тревога. В ее открытости было искреннее внимание ко мне. Мы могли бы с ней дружить, подумал я, если бы чаще виделись. Она была бы надежным другом.

– Как ваша новая работа? Как ваши дети?

– Все в порядке. У меня все в порядке, Валечка.

Я пытался вспомнить ее Васю, но не смог.

…А тогда под Находкой время шло к полудню. Мне нужно было поспешать.

Я попрощался со стройотрядовцами. Марина тоже вроде бы чуть кивнула издалека. Меня решила проводить сама Халилова. С ней увязался ее сын, шестнадцатилетний парень с кавказской овчаркой. И мы споро зашагали к лагерю. Был я в то время быстроногим. До отъезда времени было достаточно. Автобус на Владик уходил в шестнадцать с минутами.

Мы шли, и Халилова вспомнила наше давнишнее, почти два десятка лет назад, житье на улице Мира, когда мы, совсем молодые, жили в одном доме, в одном подъезде и были близкими соседями. Людмила Сергеевна в те давние времена для моей жены Любы была просто Люда: они были приятельницами. Моя общительная жена часто бывала в квартире семьи Собак. Это была типичная еврейская семья, вполне осибирившаяся. Старая мать Фира Владимировна, родом из-под Бахчисарая, питала к землячке, моей Любе, тоже крымчанке, особую симпатию. Дочери, Роза и Людмила, молодые специалисты-инженеры, и младшая Наташка, еще студентка, были гостеприимны, но к нам заходили редко.

Фира Владимировна любила готовить хорошую кошерную еду, и время от времени Люба приносила от соседей то кусок вкусного яблочного или рыбного пирога, то рыбу-фиш. Сама Люба тоже была мастерица в стряпне и когда пекла блины, делала разные вертутки, пирожки с капустой или голубцы, которые у нее получались неплохо, накладывала большое блюдо и относила соседям. Добрососедское правило «вы – нам, мы – вам» действовало все время, сколько мы жили на старой квартире. Но года через три у нас родился третий ребенок, Миша, и мы переехали в более просторную квартиру на улице Кирова.

Люда Собак к тому времени тоже выскочила замуж за веселого черноглазого Рустама Халилова, который был монтажником-высотником. Рустам тут же увез Люду в Гусинку. Так называли Гусинооозерск в Бурятии, где строили мощную ТЭЦ. И наши тесные связи прекратились. Было это лет семнадцать назад.

– Хорошо нам было вместе, – говорила Халилова, семеня рядом со мною. – А теперь мы с сыном Артемом живем на улице Комсомольской. Мамы уже нет, она умерла. А Роза и Наташка так и живут в маминой квартире. Обе незамужние.

– А вы почему из Гусинки уехали?

– Жизнь наша с Рустамом пошла наперекосяк.

– Что так?

– Как сказать? Он татарин упертый, я тоже упертая. И вот как два барана: бодались, бодались, а когда надоело, взяли и разбежались.

– Понятно, – сказал я. – Мы тоже переехали. На улицу Депутатскую. Но с нами теперь живет Любина мама. У нас большая семья.

Через полчаса мы были в лагере. Я переоделся и сложил вещички в портфель.

Послышались шаги, и в домик вошла Халилова.

– Я хочу на дорожку вас накормить, – сказала она. – Путь-то неблизкий.

Действительно, поесть не мешало.

Женщина повела меня на кухню, где были разогреты вчерашний борщ, котлеты с картошкой, и мы плотно поели. Я поблагодарил коллегу за вкусный обед, заботу и пошел в домик за портфелем. Ну, все: спасибо этому дому, пора – к другому. Закрыл дверь на шпингалет и вышел.

На дорожке стояла Халилова, держа в руках увесистый пакет с чем-то.

– До свиданья, Людмила Сергеевна! – попрощался я. – Спасибо за гостеприимство.

– До свидания, Павел Васильевич! – ответила женщина и, протянув мне пакет, сказала: – Это вам.

– Что это?

– Дальневосточный гостинец. – Она открыла пакет, в котором оказалась двухлитровая банка, доверху наполненная красной икрой. – Это вам и вашей Любе. Полакомитесь с детишками.

– Где вы это взяли? – спросил я, немного опешив. Никогда в жизни я не видел столько икры. Должно быть, она стоила немалых денег.

– Да вы не волнуйтесь: всё легально. Местным рыбакам мы

оказали кое-какие услуги, и они нас отблагодарили.

Гостинец детишкам – это было бы неплохо, подумал я. Но дорогая банка – совсем не то же, что кусок кошерного пирога. Шарики с роликами в моей голове двигались медленно, и соображал я плоховато, но все же сказал:

– Я не могу принять от вас такой гостинец.

– Почему? – искренне удивилась Халилова.

– Это слушком дорогая банка, чтобы быть просто гостинцем.

– Я хотела как лучше…

– Нет!

– Вы меня обижаете…

– Нет! – резко повторил я и быстро пошел по дорожке. – До свидания!

Можно было схитрить, соврать, в конце концов, сказав, например, что в аэропорту меня могут с такой ручной кладью не пустить на борт. А то и вовсе могут потащить в милицию для выяснения с пристрастием: где взял? Икра всегда была в дефиците. И в запрете.

Можно было найти какой-то другой деликатный повод для отказа.

Но я был приучен к прямолинейности и по простоте душевной сказал «нет!» И долго потом мне аукалось это «нет!».

Предложение принять такой необычный гостинец для меня означало на самом деле предложение вступить со своей коллегой, в отношения, которых между нами до этого не было – соседские контакты в далекой молодости не в счет. Это была банальная взятка. Приняв ее, я автоматически становился должником своей подчиненной.

Меня такая роль не устраивала. Я предпочитал оставаться независимым и никому ничего не должным.

Икра, помимо всего, в тех дальних краях была предметом полуподпольного бизнеса.

В аэропорту Артем, откуда через день я улетал домой, ко мне подошел гражданин с помятой физиономией, в поношенном морском кителе и капитанской фуражке с крабом и, нагнувшись, тихо сказал:

– Есть сахалинская икра. – И открыл небольшой ридикюль, в котором стояли аккуратные с заводскими наклейками банки.

– Почем?

– Трехсотграммовая баночка – полтинник.

Не раздумывая, я заплатил пятьдесят рублей и упрятал банку

в портфель. По меркам черного рынка это было недорого.

Гостинец детишкам был куплен.

Можно было представить себе состояние женщины, которая приложила столько трудов, чтобы, приготовить замечательное, как ей должно было казаться, подношение своему начальнику. И какие думы она должна была передумать, услышав резкий отказ?

Многие из тех, с кем я работал, в ответ на такое «нет!» просто расстроились бы, но уважительного отношения к начальнику не изменили. Халилова, к сожалению, оказалась не такой. Она была потрясена и уязвлена. Вначале была досада, которая переросла в злобу, а злоба через некоторое время вылилась в жесткую оппозицию ко мне. Поскольку у Халиловой были некоторые организаторские задатки, – она, как можно было видеть в Находке, неплохо управлялась со стройотрядом (с помощью работяги-сестры Розы), позднее командовала студенческим отрядом «на картошке» в поселке Верхний Булай, – она ожидала, что ей будет предложена какая-нибудь руководящая должностенка в иерархии техникума. Но коллеги-энергетики весьма скептически отзывались о ней как о преподавателе, а контрольные посещения фиксировали посредственный уровень проводимых ею занятий. Естественно, я не торопился с продвижением ее по карьерной лестнице. По-видимому, это обстоятельство сильно распаляло ее неудовлетворенное честолюбие. И когда в техникум пришел работать некий Гудков, краснобай, опытный демагог и скандалист с прирожденными задатками борца-бомбиста, Халилова в числе первых встала под его анархистские знамена. Вскоре подпольная организация оппозиционеров перешла к активным действиям: к дезавуированию любых, даже мелких, распоряжений администрации (и моих директорских в том числе), к забрасыванию в вышестоящие инстанции писем и жалоб «трудящихся», главным образом, анонимных, с «сигналами» о якобы обнаруженных вопиющих беззакониях и, наконец, к сочинению подметных писем в милицию и прокуратуру о массовых взятках и воровстве. Комиссии и следователи из ОБХСС и прокуратуры не вылезали из нашего заведения, быстро превращавшегося из приличного, или, как говорили в старые времена, образцового, одного из лучших в отрасли, в вертеп жуликов и очковтирателей.

Однажды я не выдержал и во время очередной командировки в Москву решил открыться своему министерскому начальнику Есипенко. Борис Алексеевич был человеком необыкновенно острого аналитического ума и высочайшей реактивности. По

службе он был довольно крутым и предельно жестким. За промахи, а чаще за упущенные возможности, так строгал лопухнувшихся директоров, что те только кряхтели, каясь в своих грехах. Однако при личном общении и во внеслужебной обстановке трудно было найти человека, который так хорошо понимал бы своих подчиненных, как он. Для нас он был как отец родной, который, когда надо, и выпорет, но в нужде – обязательно поможет.

Во время одного из вечерних чаепитий с весьма умеренным возлиянием (Борис Алексеевич любил простой трехзвездный коньяк «Арарат», который чайной ложечкой по чуть-чуть подливал в свой кофе) я скороговоркой, довольно путано рассказал ему о своих печалях. Есипенко терпеливо слушал, не перебивая, а потом изрек… Изрек истину в последней инстанции, которую я надолго запомнил:

– Отвергнутая или неудовлетворенная (Есипенко употребил более крепкое слово) тобою женщина – потенциальный враг. Она становится злейшим твоим врагом сразу, как только почувствует себя отвергнутой.

Сам Борис Алексеевич пребывал в окружении сонма женщин, которые, постоянно выказывали высокому начальству и любезность, и лояльность, и преданность. Внешне он не производил впечатления могучего альфа-самца и выглядел даже хиловато. Однако на самом деле был жилистым, сильным, в постоянной спортивной подтянутости. Он был, конечно, бабником, однако не просто любвеобильным, талантливым бабником, одаренным природой соответствующими способностями. Он неизменно оставался постоянным покровителем своих клиенток, время от времени оказывая им свое мужское и начальственное внимание и поддерживая статус любящего человека. Эта дипломатия высшего донжуанского пилотажа для меня пока была недоступна.

Однако кое-какие уроки я все же извлек.

Не всем и не сразу Бог дает способности к пониманию высшей математики менеджмента. Но со временем такие способности осваивают даже твердолобые тупицы, вроде меня. Истина заключается в том, что ты, как руководитель, должен в решающие моменты ради твоего дела быть готовым к компромиссу, например: уступить противнику или оппоненту, не поступаясь при этом своими главными, фундаментальными принципами.

Техникумовская оппозиция со временем притихла, а потом вовсе рассосалась, особенно после публичного выступления перед «массами» районного прокурора, который, сурово чеканя слова,

довел до сведения народа, что «при следственной проверке сообщенные прокуратуре факты не подтвердились, и администрация учебного учреждения имеет право привлечь авторов к ответственности за клевету».

Я не стал никого привлекать, а Халилова вскоре сама уволилась: ее несравненный Рустамчик (с которым она, как оказалось, разъехалась, но не развелась) увез свою возлюбленную куда-то на Богучаны, где снова затевались большие дела и хорошие заработки.

А с очаровательной, обиженной мною Мариной мы встретились спустя много лет при обстоятельствах уникальных.

Мой профессиональный лицей готовился к получению лицензии на образовательную деятельность. На предварительном этапе требовалось предоставить разрешения от технадзова, котлоназора, автомобильной, пожарной и налоговой инспекций, энергонадзора и многих других контролирующих органов, в том числе – Роспотребнадзора. Процедура была не только канительная, дорогостоящая, но еще и унизительная. Каждому органу надо было не только заплатить некоторую сумму за работу, но еще и много раз поклониться отдельным непомерно требовательным инспекторам. Я разослал ходоков с письмами во все инстанции, и время от времени мы привозили (нашим транспортом) разных ответственных дам и инспекторов, кои нас проверяли. Мы, педагоги, вынуждены были ублажать проверяющих и выплясывать вокруг них свои половецкие пляски.

И вот однажды в мой скромный кабинет вошли две солидные дамы в малиновых мундирах с погонами, на которых были большие четырехугольные звезды. Одна из них, постарше, крашения в ярко-рыжий цвет, с двумя звездами на погонах, развернула красивое удостоверение, на котором было написано: «Роспотребнадзор. Советник второго класса Немировская Марина Николаевна» и еще что-то. Я мельком глянул на фотографию дамы, на которой она выглядела моложе, и что-то мне показалось знакомым.

– Мы, кажется, знакомы? – произнес я неуверенно.

– Кажется, да, – слегка улыбнулась дама, и черная мушка над ее губой шевельнулась.

Да ведь это Марина, медичка из нашего стройотряда в Находке, вспомнил я.

Но дама не пожелала предаваться воспоминаниям. Она строго сказала:

– Прежде всего, нам нужно взять лабораторные пробы из ваших канализационных колодцев. Дайте нам сопровождающего

и сантехника. Потом мы должны осмотреть вашу столовую и там взять смывы, осмотреть учебные классы, общежитие.

Я тут же вызвал Нину Ивановну, зама по хозяйству, и Константина Сергеевича, слесаря, и они вместе с проверяющими ушли смотреть колодцы. До позднего вечера они досконально все осматривали, брали анализы. Дня через три стало известно, что анализы не совсем благоприятные: в стоках из общежития обнаружено небольшое количество мелких взвесей и аммиака, правда, в пределах допустимых норм, а в пробах из столовой – значительное превышение норм частиц жиров и углеводов.

Я позвонил Немировской и спросил, как быть?

Ледяным тоном советница второго класса ответила:

– Будем штрафовать вашу контору и вас лично за нарушение санитарного режима. И пока вы не наведете порядок со стоками, разрешение на лицензирование вашей образовательной деятельности мы не дадим.

Плохо дело, подумал я, и, преодолев некоторую робость, обратился к самому начальнику Роспотребнадзора Лободе с просьбой провести повторные анализы.

– У нас колодцы давно не промывались, – объяснял я, – и наверняка по этой причине анализы получились грязные.

Начальник с трудом, но все же согласился со мною.

Константин Сергеевич промыл колодцы мощными струями из шлангов, и мы снова привезли из Роспотребнадзора двух женщин (Марины Николаевны с ними не было), и они снова сделали забор проб из стоков.

Во второй раз результаты оказались более благоприятными: в канализации из общежития ничего превышающего нормы не было обнаружено, однако стоки из столовой были на грани предельно-допустимых концентраций. Но все же не превышали ПДК.

Теперь можно было попробовать реабилитировать себя, и я снова позвонил Немировской.

– Нет! – резко уперлась титулованная дама. – Пока в течение не менее, чем трех месяцев, результаты анализов по всем вашим колодцам не будут соответствовать нормам, разговаривать нам с вами не о чем.

Ее отказ сильно огорчил меня и осложнил положение. Времена были крутые, а сроки представления документов были ограниченными.

Нет у нас, образованцев, этих трех месяцев, хотелось мне сказать. Нету, черт побери! Или мы получим лицензию в ближайший месяц или нас просто закопают. И мы больше не поднимемся.

Но я смолчал и начал думать.

Ситуация складывалась просто тупиковая. Любая контролирующая организация могла установить свой шлагбаум на нашем пути. Санитарный надзор уже сделал это. Еще месяц-полтора такого запрета и нас тихо прикроют.

Что же делать? Я чувствовал, что готов на любой обман, любое жульничество (в рамках Уголовного кодекса, конечно), лишь бы спасти жизнь родной «фазанке».

Думал, думал и кое-что придумал. Выход был один – броском кинуться на амбразуру противника и нейтрализовать долговременную огневую точку.

Звоню Немировской:

– Марина Николаевна, вы обещали ознакомить меня с актом проверки.

– Акт готов.

– Пожалуйста, приезжайте. Можно я завтра пошлю за вами машину?

– Давайте к половине одиннадцатого.

– Договорились. До встречи!

На следующий день с утра я спустился к вахте, на первый этаж. Там дежурил пожилой человек, которого звали Александр Семенович. Он работал в профлицее с самого его основания, но был известен в коллективе не только как хороший мастер производственного обучения, но как замечательный самодеятельный артист-импровизатор. Вместе со старшим мастером Василием Васильевичем они, обычно к праздникам, придумывали хохмацкие репризы из жизни нашего коллектива и карикатурно изображали знакомых всем персонажей. От их незатейливых реприз хохот зрителей временами переходил в рыдания.

– У меня к вам деликатное дело, Александр Семенович.

– Я весь внимание, – сказал старый мастер.

– Но об этом деле не должна знать ни одна живая душа.

– А в чем состоит ваше дело?

– Прошу вас сыграть на пару со мной одну роль. Но не на сцене, а по телефону.

Я коротко объяснил, что в одиннадцать часов к лицею подъедет женщина: полная, рыжеволосая, лет сорока трех, большая начальница. Нужно будет молча проводить ее к моему кабинету.

– А через три минуты (не раньше и не позже!) после того, как она войдет в мой кабинет, надо позвонить мне по мобильному телефону и представиться старым приятелем по имени –

запомните! – Петр Михайлович. Тема беседы – рыбалка, на которую вы приглашаете поехать меня, своего приятеля. Говорить нужно поменьше, больше ориентироваться на мои реплики.

Около одиннадцати Марина Николаевна с озабоченным видом входила в мой кабинет. Я у порога встретил ее, раздел, ценную норковую шубу повесил на плечики в шкаф и усадил дорогую гостью в мягкое кресло, не забыв при этом поцеловать ее белую пухлую ручку.

Тут же на пороге возникла Наталья, секретарша:

– Пал Васильч, время чаепития. Что подать?

– Марина Николаевна, что будете: чай, кофе? – спросил я.

– Кофе.

– Пожалуйста, Наташа, два кофе.

Через несколько мгновений Наталья уже ставила мельхиоровый поднос с двумя дымящимися чашками и вазочкой с шоколадными конфетами на журнальный столик.

Но, конечно, дело – прежде всего. Поэтому гостья открыла свою кожаную папку и протянула мне акт проверки. Я бегло просмотрел его, но подписывать не торопился.

– Почему не подписываете, – прихлебывая кофе из чашечки, спросила высокая гостья.

– У меня есть веская причина этот акт не подписывать …

– Какая причина?

– Видимо в спешке и вы и мы не успели прояснить, что стоки из столовой – не наши.

– Как это – не ваши?

– Дело в том, что наш профлицей и столовая – это разные юридические лица. Столовая, как частное предприятие, арендует у лицея помещения, оборудование и инженерные сети, кормит учащихся, и сама отвечает за свою продукцию и свои стоки… Вот двухсторонний договор между лицеем и столовой. Вот две печати.

Советница второго класса ошарашено посмотрела на меня:

– Но здание и все столовское оборудование ваше?

– Да, наше, но всем распоряжается арендатор, столовая.

– Совсем вы меня запутали, – огорчилась моя гостья. – Что мне с вами делать?

Марина Николаевна даже кофе перестала пить.

В это время резко зазвонил мой сотовый телефон.

– Алло! – ответил я. – Петр Михайлович? Какой Петр Михайлович?.. А-а – а, Лобода? Извини, пожалуйста, не узнал, богатым будешь.

Женщина, до этого вальяжно сидевшая в кресле, вдруг

приподнялась и вопросительно уставилась на меня круглыми глазами.

У меня в трубке что-то защелкало, потом голос спросил:

– Ты на рыбалку собираешься?

– Какая рыбалка, ты что, Лобода? Я же на работе… Ох, прости, забыл, что сегодня пятница… И куда ты меня потащишь? В Первомайский? А ночевать где? У Якова Михайловича, директора школы? Хорошо… Я, как всегда, готов… В полседьмого? Буду ждать… Что? Не понял… Марина Николаевна? Да, она у нас в лицее. Работает в поте лица. Очень-очень строгая женщина. Анализы? Анализы нормальные. Да я тебе вечером сам все расскажу… Ну, я жду твой джип в полседьмого. Пока-пока!

Моя высокая гостья не сводила с меня изумленного взгляда:

– Вы знакомы с Петром Михайловичем?

– Ну, да. Это исторический факт, – небрежно ответил я. Мой ответ был чистой правдой, но … правдой частичной: с ее начальником мы были знакомы, но только – шапочно.

Марина Николаевна, потрясенная новостью, молчала. Потом, овладев собой, допила кофе и снова спросила:

– Что же мне с вами делать?

– Как – что? – повеселев, сказал я. – Известно – что: строгать, строгать и строгать!

– Как строгать?

– Как евреи… Знаете, как евреи строили баню?

– Вы шутите?

Где-то когда-то я слышал мудрый совет: оппонента не нужно уничтожать. Надо дать ему сохранить свое лицо.

И, следуя мудрости, я поведал гостье, ставшей волею судьбы моей оппоненткой, старую историю:

– В одном местечке люди решили построить баню. Раздобыли материал, сделали фундамент, поставили стены, устроили помывочную, парилку, подвели все под крышу. Осталось полы настелить. И тут возникла большая заминка. Одни говорят, надо доски строгать, потому что ноги можно занозить, другие говорят, что по нестроганому легче ходить: не скользко. Да заспорили евреи так, что дело чуть до драки не доходит. Пошли к раввину и говорят: «Равви, ты самый мудрый из нас. Посоветуй, как быть: строгать или не строгать нам доски?» «Дети мои! – подумав, сказал раввин. – Конечно, строгать надо! Обязательно! Но строганным… класть вниз».

Я давно не видел, как может искренне смеяться дородная, немолодая, симпатичная женщина. Марина Николаевна сначала обессилено упала на валик кресла, потом захохотала, сотрясаясь всем своим большим телом, и смеялась так, что чуть не выпала из

кресла.

Через три дня я прибыл в главную контору Роспотребнадзора и из белых ручек любезнейшей Марины Николаевны лично принял драгоценное разрешение с двумя переливающимися золотым перламутром голографическими печатями и персональной подписью самого Лободы.

Двигаться только вперед!

1987–1992

Управление людьми – это, прежде всего, забота о них, обеспечение их благополучия и работоспособности. Производительность коллективного труда, высокие показатели деятельности – всё это очень важно, однако вторично, а первостепенно – именно обеспечение жизнеспособности и работоспособности людей.

Любой коллектив существует только в движении, только в развитии. Если у коллектива имеются благородные цели, хорошие и ясные перспективы, то его движение вперед приобретает определенность, а люди получают дополнительную мотивацию. Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко сформулировал ***закон движения коллектива,*** *суть которого состоит в том, что коллектив должен постоянно двигаться вперед к новым и новым целям, добиваться всё новых и новых успехов и оказывать всё более сильное влияние на развитие своих членов.*

«Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте… – утверждал Антон Семенович. – Формы бытия свободного человеческого коллектива – движение вперед, форма смерти – остановка» [Макаренко А. С. Соч. в 7 т. Т.1. – М.: Изд-во АПН, 1959, с. 380].

А. С. Макаренко о перспективе

«Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. <…>

Мы сознательно рассчитывали на великое значение всякой перспективности, даже такой, в которой нет ни одного пряника, ни одного грамма сахара. <…>

Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать её к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от простейшего примитивного удовлетворения до глубочайшего чувства долга».

[Макаренко А. С. Соч. в 7 т. Т. 1, 5, 7. – М: Изд-во АПН, 1959–1960]

Особенно важными А. С. Макаренко считал определение и выбор целей или перспектив, которые он называл «завтрашней радостью». В практике своей работы он разделял перспективы на три вида: близкие, средние и далёкие.

Близкая перспектива выдвигается перед коллективом на относительно небольшой промежуток времени: на день, неделю. Близкой перспективой может быть, например, завтрашняя встреча с местным поэтом, контрольная работа по сопромату, дежурство по столовой, ежедневное общение с близкими товарищами, практическое занятие по управлению автомобилем, баскетбольный матч с параллельной группой, занятие в кружке гитаристов, интересная лекция о современной музыке и многое другое из всего того, что составляет содержание повседневной жизни учеников.

Близкая перспектива, по мнению А. С. Макаренко, должна начинаться с личной заинтересованности. Организация близкой перспективы в каждом учреждении обязательно должна начинаться с оборудования помещений и классов, теплых комнат, обеспечения удовлетворительной пищи, порядка, полной защищенности учеников от произвола и самодурства старших, приветливого тона отношений. Всё это тот необходимый минимум, без которого вообще трудно представить себе какую-либо перспективу в воспитательной работе.

Для педагогов близкими перспективами могут быть: участие в организации повседневной жизни и деятельности ученического коллектива, завтрашние мероприятия (уроки, лекции, семинары, лабораторные работы, заседание методобъединения), встречи с товарищами по работе, с интересными людьми и т. п.

В жизни коллектива должна быть радость, но не только радость сиюминутного развлечения и удовлетворения, а радость общего труда, преодоления трудностей и успехов завтрашнего дня [Макаренко А. С. Соч. в 7 т. Т. 5. – М: Изд-во АПН, 1960, с. 211].

Средняя перспектива – это планируемые коллективные события, несколько отодвинутые во времени. Это могут быть месячники спортивной работы (февраль), месячники и праздники, посвященные Дню Победы (9 мая), Дню лицея (19 октября), Дню города (12 декабря), и др. Для педагогического коллектива это могут быть декады литературы, общественных, физико-математических, информационных, экономических, юридических, технических и других дисциплин, подготовка к педсоветам, посвященным воспитанию нравственности или современным педагогическим технологиям, Дню учителя и многое другое.

Далекая перспектива – это цели, достижение которых

планируется в отдаленном будущем. Такими целями могут быть: для коллектива учеников – окончание учебного заведения и получение профессиональной квалификации, для инженерно-педагогического коллектива – обобщение опыта работы, издание книги с описанием этого опыта, подготовка и проведение областного семинара руководителей профессиональных учебных заведений и др.

Система перспективных линий должна как магнитное силовое поле пронизывать коллектив. Как ученический, так и педагогический коллективы должны постоянно находиться в зоне действия многих целей, должны двигаться от выполнения одного дела к другому, от преодоления одного препятствия к другому, от неудач к удачам, от поражений к победам. Множественность целей придает образовательному процессу направленность и динамику, создает необходимые и обязательные условия для развития коллектива и личности в коллективе.

В основе формирования любой рабочей группы лежат общие мотивы его членов. Система перспективных линий, цементирующих коллектив, должна соответствовать личным потребностям каждого работника. Если этого не будет – группа не состоится как коллектив. Недооценка этих мотивов, как утверждает одно современное наставление по экономическому шпионажу приводит к тому, что злоумышленникам не требуется больших усилий, чтобы с успехом развалить даже команды друзей-единомышленников, не говоря уже о современных холдингах [Черная книга «Введение в экономический шпионаж». Р-система. Книга 2. Компьютерная версия: C\PPP\PDF\32.pdf].

Итак, любой коллектив должен находится в постоянном движении, в поиске, в непрерывной трансформации. Движение – закон жизни.

Однако нам, обычным людям, вовсе не по душе какие-то резкие перемены и перестройки с сомнительной полезностью. По своей природе мы инертны и стремимся ко всему тому, что надежно, стабильно, постоянно. Мы хотим покоя (хотя знаем, что покой – всего лишь иллюзия), а тем, кто пытается сдвинуть нас с насиженного места, мы рефлекторно оказываем противодействие. Мы сопротивляемся действию законов диалектики и тем самым обостряем возникшее противоречие. Жизнь постоянно толкает нас к движению – мы же изо всех сил сопротивляемся и стараемся сохранить состояние покоя.

Как быть: и развиваться надо, и покоя хочется? Противоречие кажется неразрешимым.

Но выход есть, и достаточно простой. Оказывается, если

однажды приложить усилия и вывести коллектив из состояния покоя, выполнив эту работу по возможности плавно, без рывков, а затем, понемногу наращивая усилия, привести коллектив в состояние *равномерно ускоренного движения* (то есть непрерывного наращивания качественных показателей развития), то новые состояния движения (развития) коллектива будут похожи на состояние покоя и будут казаться привычными. Аналогия – движение поезда: опытный машинист мягко трогает с места, а потом так же мягко наращивает скорость поезда; и вот только по мельканию пейзажа за окном вагона да по учащенному стуку колес мы догадываемся, что скорость движения поезда увеличивается, но нам по-прежнему комфортно и покойно. О машинисте мы начинаем думать нехорошо только тогда, когда поезд производит резкие рывки и торможения.

О хорошем руководителе его подчиненные так же мало думают, как пассажиры о хорошем машинисте. Он ведет свой коллектив так же, как поезд, без революционных рывков и резких перестроек. Однако перемены всё же происходят, просто *состояние перемен становится постоянным и привычным для коллектива.*

Качеством «хорошего машиниста» является и то, что он точно знает маршрут движения.

Работа директора учебного заведения (как, впрочем, любого менеджера) по формированию педагогического коллектива на первой стадии (напомню: на стадии постановки перед коллективом ясных правил, целей, перспектив и требований) немного похожа на работу мастера производственного обучения или классного руководителя по созданию коллектива группы или класса учащихся. Методики работы директора с коллективом и педагогов с учащимися поначалу во многом схожи.

На стадии формирования органов управления коллективом и неизбежного внедрения новых структур и технологий эти сложности умножаются. И поскольку люди не всегда поддерживают инновации, то инерция их сопротивления вашим директорским попыткам внести в их жизнь новшества (несомненно, на ваш взгляд, полезные), может поставить вас в состояние непрошеного благодетеля. Чтобы этого не случилось, в любом новом деле нужно заранее учитывать возможный фактор противодействия и подбирать соответствующие варианты разумного реагирования. И чем раньше вы вспомните о правилах «хорошего машиниста», тем лучше для вас и вашего коллектива.

Единство

1987–1992

В первые, молодые годы директорства я полагал, что в управленческой деятельности главное – обеспечить стабильность в работе коллектива и условия для совершенствования профессионального мастерства. Однако в течение последующих десятилетий не раз убеждался, что стабильность и мастерство – всего лишь базовые условия успешности коллективного труда. Кроме них, имеется бесчисленное множество других условий, которые мотивируют совместную образовательную деятельность педагогов и учащихся. Среди этих условий важнейшее – ***единство действий*** – единство действий педагогов, а также единство действий педагогов и учащихся. Однако на практике формирование и обеспечение единства было делом не простым.

Когда я пришел в Строительное ПТУ, то обнаружил удручающую картину – полную анархию в рядах «личного состава» учащихся, которые вели себя крайне неподобающим образом. Поначалу показалось, что в училище – не ученики, а исчадия ада. Большинство из них не только не владело элементарными навыками поведения, не признавало авторитетов ни преподавателей, ни своих родителей, ни старших по возрасту, но и откровенно говорило о своем нежелании учиться чему бы то ни было, в том числе – учиться профессии.

Я был потрясен, подавлен. Какое-то время мой мозг не в состоянии был осмыслить увиденное. Постепенно, приходя в здравое состояние, я начинал задавать себе вопросы: почему ученики не хотят учиться? Почему они пренебрегают общепринятыми правилами приличий? Почему ни во что не ставят своих родителей? Почему хамят преподавателям и матерно ругаются? Почему, в конце концов, они такие злые и агрессивные?

Но еще больше я был поражен тем, что, работая со столь трудным контингентом, педагогический коллектив был разобщен. По чьей-то недоброй воле было введено разделение труда *учебного* и *воспитательного.* Учебным трудом предписано было заниматься преподавателям, а воспитательная работа была возложена на мастеров производственного обучения.

Мастера почти безотлучно находились при группах: водили учащихся по училищу, правда, не строем, но кучно, гуртом. В столовую, учебные мастерские, спортзал, в аудитории и лаборатории – только с мастером. А преподы – учили наукам. Соответственно преподаватели считались «белыми», а мастера

«черными» работниками. Вот такой был удивительный профтеховский апартеид.

Однажды я попал на урок литературы к Галине Леонидовне Гундяевой. Пожилая, очень строгого вида дама (некоторое время назад она работала директором средней школы), имела репутацию опытнейшего и всезнающего преподавателя.

В начале урока, выслушав рапорт командира группы № 4 о готовности к занятиям, Галина Леонидовна властно скомандовала:

– Садитесь! – И после паузы строго и лаконично: – Начинаем урок. Тема: «Творчество Владимира Маяковского». Тема – на доске… Все открыли тетради и записали тему…

Пока ученики открывали свои тетради, Галина Леонидовна повернулась к группе спиной, чтобы включить эпидиаскоп со слайдами. Но тут неожиданно послышалась какая-то возня. Белобрысый парень хлестко ударил сидящего впереди товарища, а тот, не долго думая, тут же развернулся, чтобы дать белобрысому сдачи. Видно, что-то не поделили после столовой. Завязалась драка.

– Александр Сергеевич! – раздался громкий окрик преподавателя. – Обеспечьте порядок!

– Иду! – отозвался сидящий в задних рядах мастер Беляев и, подойдя к драчунам, своими ручищами легко разнял их и усадил. Молча. Был мастер могуч и строг.

Урок был продолжен, но через некоторое время возник шум в другом месте. И снова мастер Беляев пресек нарушение. Так было несколько раз.

Насмотревшись таких чудес, я понял, что ситуацию придется менять. При такой разобщенности педагогов и содержании мастеров на ролях надзирателей добра не будет.

Нужно было каким-то образом поставить всех в равноправное положение и добиваться единства грамотных воспитательных действий. Но – не силовыми методами. Нельзя же постоянно поддерживать дисциплину при помощи окриков. Нельзя образовательный процесс строить на насилии и самодержавии педагогов.

Единства можно было достигнуть только в конкретных делах, при постановке новых задач. Однако на решение этих на первый взгляд простых дел ушло несколько лет, в течение которых иногда спонтанно, а чаще в плановом порядке мы ставили перед педагогами все новые и все более усложняющиеся задачи, требующие кооперации всех наших сил.

Большинство сотрудников не столько теоретически, сколько практически приняли идею единства коллектива в качестве

основного условия сохранения нашей работоспособности. Суть этой идеи предельно проста: коллектив, если он является организующей силой, должен обладать единством целей и единством действий.

Мы хорошо понимали, что единство само по себе не возникает. И не создается приказами директора. Оно – *достигается.* Достигается в результате целенаправленных действий всех сотрудников, их единодействия, но, прежде всего, конечно, – благодаря воле первого руководителя. А начинается всё с подбора и воспитания кадров.

Действовать приходилось осмотрительно, потому что, как всегда, «сверху» сыпалось немало рекомендаций такого, например, толка: в кадровой политике надлежит опираться на таких людей, которые имеют свои суждения, в том числе и отличные от ваших, так как якобы опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. Знакомая до боли, пустая фразеология.

У меня к тому времени было достаточно опыта, чтобы иметь свою точку зрения на этот счет. Я твердо знал совсем другое: руководителю нет никакой необходимости опираться на тех, кто не понимает его и сопротивляется; не нужно также проявлять заботу о создании самому себе оппозиции – она возникнет и без его усилий. На людей, которые критикуют каждый шаг начальника, вряд ли он сможет опереться. И коллектив вряд ли выиграет от такой оппозиции. Единомыслие и единодействие коллектива достигается не в результате изнуряющей всех критики, бесплодных дебатов и последующего подавления большинством мнения меньшинства, а – в результате высокой педагогической культуры и постоянной ежедневной устремленности сотрудников к общим целям.

Подбирать нужно таких, и только таких сотрудников, чье мировоззрение по основным направлениям близко с философией (миссией) вашего коллектива или, по крайней мере, не противоречит ему. У руководителя с подчиненными и между членами коллектива должна быть *деловая совместимость* по следующим позициям:

– стремление объединиться для выполнения общих целей; единство направления;

– подчинение своих интересов общим целям организации, но ни в коем случае – не подавление личных интересов;

– единство взглядов на систему ценностей своей организации, согласие с философией организации; преданность своей организации, гордость за нее, отстаивание ее интересов, бережное отношение к ее традициям;

– возможность критики недостатков организации; поддержание обстановки, в которой каждый член коллектива может и должен быть услышан;

– высокая толерантность и миролюбие, уважение к мнению коллег; отказ от резких действий и слов, которые могли бы создать ненужное отрицательное напряжение в коллективе;

– деловой энтузиазм, основанный на высокой квалификации и слаженной коллективной работе; уверенность в том, что каждый член коллектива работает на общее благо.

Давно отмечено, что слаженная команда любое дело выполняет быстрее и лучше, чем коллектив высококвалифицированных, но недостаточно сработавшихся специалистов. Опыт менеджмента повсеместно показывает, что происходит, если люди согласованно работают вместе, рука об руку. Трудясь ради общего дела, они не только увеличивают потенциал своего роста. Их единство приумножает силу. Такой эффект называют эффектом *синергии.*

Таково понимание единства, таков был теоретический посыл. На практике, однако, получалось не всё по писаному.

Со временем все же была достигнута необходимая «смычка» преподавателей и мастеров, и понятия «белые» и «черные» исчезли из нашего обихода навсегда. В многочисленных кооперативных делах и преодолениях трудностей было достигнуто единство коллектива, и каждый член его стал чувствовать себя равноправным партнером и соучастником общего дела, лично ответственным за это дело.

Однако замечу, что всё это происходило в конце XX века, в трудное время «перемен» – на фоне развала страны и хаоса.

* * *

Ситуация с учащимися тоже мало-помалу стала проясняться. Причины их непотребного поведения, стихийных девиаций и анархического нигилизма были многообразны и банальны: это и родительская и педагогическая запущенность, и неблагоприятное социальное окружение, и плохая наследственность, и непривлекательность «избранной» в ПТУ профессии и многое другое.

Но главная тайна открылась не сразу. Потребовалось некоторое время, чтобы более внимательно присмотреться к жизни нашей «фазанки» – так среди учеников было принято называть профтехучилище – и попытаться осмыслить эту жизнь.

Наблюдая за взаимоотношениями преподавателей и мастеров

производственного обучения со своими воспитанниками, я обратил внимание на любопытные детали. Оказалось, что в разных ситуациях с различными педагогами «фазаны» проявляли себя по-разному, иногда – диаметрально противоположным образом.

Я видел, как подростки, еще пять минут назад грубо обложившие матом преподавательницу математики, радостной толпой бежали по длинному коридору на встречу со своим «мастаком», а тот, ничего не зная об инциденте с математичкой, встречал их, широко раскинув руки, обнимая и улыбаясь. Он говорил им что-то веселое, и толпа время от времени взрывалась хохотом. А когда отсмеялись, мастер озабочено сказал, что есть работа, которую он сам, без ребят, сделать не может. Он просил их остаться, чтобы помочь ему. Речь на самом деле шла о не сложной, но трудоемкой работе в мастерской: о подготовке инструмента и самой мастерской к следующему занятию. Пацаны закричали: «Замётано! Мы остаемся».

И остались. И работали. И никто не ушел, пока не сделали всё, что нужно.

В другой раз я видел, как ученики группы № 3, до остервенения ненавидевшие уроки литературы – большинство из них писало свои изложения и сочинения на твердую «единицу», – вместе со своим мастером сидели в училище чуть не до полуночи и бубнили стихи. Оказалось, мастер уговорил пацанов подготовить спектакль по сказке Леонида Филатова о Федоте-стрельце. Надо было видеть, с каким азартом, как бы на спор, ненавистники литературы выдалбливали наизусть огромные куски из стихотворных текстов сказки. А через три месяца готовый спектакль они показали всему училищу, а потом и городу! Был большой успех.

Я много раз видел, как вроде бы отпетое хулиганье тянулось к ободряющей улыбке педагога, мягкому прикосновению, добрым словам, незатейливым шуткам.

По прошествии времени, не без помощи научных знаний, стало более или менее понятно, чего же им не хватало. Им не хватало любви. Это были дети, которых недолюбили в детстве, а потом и в отрочестве. Они не получили того, что должен с молоком матери получать каждый ребенок. *Их недолюбили!* И эта обделённость продолжала мучить их в подростковом возрасте.

Что делать? Что нам, педагогам, можно и нужно было делать с детьми, которых судьба так сильно обделила?

Выход был один – полюбить охломонов, невзирая на их агрессивность, хулиганские выходки, отвращение к учебе и

постоянные демонстрации неповиновения. И любить так, как будто жизнь у них начинается заново. Любить и прощать. Учить, терпеть их выходки, прощать и снова любить. И показывать нашим детям, что мы вместе с ними, любя, можем сделать еще много всякого добра и нашу совместную жизнь сможем сделать достаточно интересной.

Было очевидно, что наши «пэтэушники» нуждаются в любви больше, чем обычные дети. Мы поняли, что любовь и есть то средство, при помощи которого можно заниматься их воспитанием. Без этого средства не то, что работать, приближаться на безопасное расстояние к нашим ученикам было невозможно.

И ещё. Было замечено, что чем чаще и больше в ответ на хроническое вранье, грубость, хамство и прочие проявления «активности» наших детей мы демонстрировали неизменную доброжелательность и несокрушимое спокойствие в сочетании с подобающей строгостью, тем всё чаще и всё больше мы сами стремились это делать снова и снова. И мы чувствовали, что наш мир медленно, очень медленно меняется: ученики становятся чуть спокойнее и чуть-чуть вежливее, а мы, педагоги, – еще более терпимыми и уверенными в своих действиях.

Мы, педагоги и ученики, кажется, начали понимать друг друга. Понимание шаг за шагом понуждало нас действовать сообща.

Не случайно главным девизом нашего коллектива стали слова: «Мы все – одна семья».

Так родились наши первые, азбучные, представления о *педагогике любви.* Позднее были сформулированы концептуальные основы и принципы педагогики любви, закон первичности любви, новые мотивационные подходы к профессиональному обучению и воспитанию учащихся.

Ситуации успеха

1987–1995

Нужно было срочно, желательно, поскорее, строить новую линию поведения с учащимися. В конце концов, всё, что мы делали, было направлено на пользу наших учеников. Так мы думали.

Как приохотить их к учению? – это была первая и самая сложная задача. Несмотря на кажущуюся беспросветность, варианты были. Однако многое упиралось либо в ограниченность наших возможностей, либо казалось ускользающе недоступным.

Проблемы мотивации учения беспокоили не только нас, это были острейшие проблемы всей нашей профтеховской системы. Нежелание учиться было почти повальным среди пэтэушников. Причем оно не всегда зависело от избранной учениками неинтересной профессии. Например, группа № 3 обучалась на сварщиков – профессии вполне достойной и интересной, но мотивация к учению в группе была нулевой. Причин было несколько, в том числе, – и отсутствие необходимой школьной подготовки, но ещё, как ни странно, неудовлетворительное влияние самой подростковой среды. Не раз, посещая занятия, я видел, что самые способные ученики не поднимают руки, стараются «не высовываться». Иногда, встречаясь с парнишкой с подбитым глазом или расквашенной губой, я спрашивал:

– Кто – вас?

На такие вопросы, конечно, ни один уважающий себя «фазан» отвечать не станет. Но время от времени всё же удавалось выяснить, что били пацана за то, что он «высовывался», старался учиться нормально, например, выполнять домашние задания. Избиение было обычной реакцией неучей на тех, кто превосходил их умом. Так создавалась ещё и круговая порука группового отлынивания от учебы. Особенно характерно это было для учащихся первого курса, где преобладали общеобразовательные предметы, а профессиональная подготовка была еще незначительной. Большинство ребят не имело базовых знаний по математике, языкам, физике, химии и, придя в училище, они надеялись, что здесь будет легче. Но в ПТУ они снова встречались с непосильными для них алгеброй, русским языком, снова их доставал закон о среднем всеобуче, и многие оказывались в числе неуспевающих. Этот закон не позволял и нам, педагогам, упрощать учебные планы и освобождать неуспевающих от изучения непосильных, а потому ненавистных предметов. Мы упорно искали какой-нибудь выход и нашли несколько лазеек.

Мы нашли несколько профессий, для получения которых среднего образования не требовалось, и, если, бывало, ученик оказывался в положении безнадёжно неуспевающего, мы переводили его на особый режим, где преобладали профессиональные предметы и производственная практика. Таких ребят приходилось держать в училище до завершения трехлетнего, обязательного, срока обучения. Но главный выход мы нашли в другом.

Известно, что неуспешность в делах порождает неуверенность, демобилизацию внутренних ресурсов и нежелание работать вообще. И, наоборот, малейший успех может окрылить и обнадежить. Учителей учат этому в вузах. Поэтому перед каждым мастером и преподавателем была поставлена задача: работая с материалом всё возрастающей сложности – создавать *ситуации успеха*. Как можно больше и достаточно часто. Особенно, в группах со слабым контингентом. Предполагалось, что такой подход приведет к зарождению настоящего движения – движения к успеху.

Однако мы допустили очередную ошибку, точнее – излишнюю торопливость и необоснованные надежды. Нам казалось, что каждый преподаватель должен без лишних объяснений понимать, какой педагогический инструментарий необходимо использовать, чтобы создавать ситуации успеха. Но вскоре выяснилось, что понимали это не все. И, как водится в массовых акциях, не обошлось без глупостей.

Однажды во время посещения урока математики в довольно недисциплинированной группе я увидел, как вела себя насмерть перепуганная – не только моим директорским приходом, но и продолжающей свой базар «камчаткой» – преподавательница Амирова. Известный в училище гопник по кличке «Миха», не видя меня, орал на последней парте что-то своё.

– Миша, – обратилась к нему по имени дрожащая от страха преподавательница.

Миха не удостоил её ответом.

– Ми-и-и-шень-к-а-а-а! – запищала снова Амирова. – Прошу вас вести себя достойно. – У нас было принято обращаться к ученикам на «вы».

– А, ну если просишь, то я – пожалуйста, – снизошел, наконец, Миха, и толстые губы подростка растянулись в подобии улыбки. Его корешки удовлетворенно заржали.

Началась проверка выполнения домашних заданий, но тут же выяснилось, что проверять нечего: никто не решил ни одной задачки. Это обстоятельство не сильно удивило

преподавательницу – так было, видимо, всегда, – и она начала проводить опрос:

– Давайте вспомним теорему о прямоугольном треугольнике.

Однако никто ничего не вспомнил.

– Ну, ну, что же вы?.. Теорему называют еще пифагоровы… что?

Тупое молчание.

– Пифагоровы… пифагоровы… что?

Молчание затягивалось.

– Штаны! – вдруг прокричал догадавшийся Миха.

– Ма-а-а-а-ла-де-е-ец! – просияла радостная Амирова. Она быстро начертила на доске треугольник с катетами *a, b* и гипотенузой *c*. – А теперь давайте сформулируем теорему Пифагора. Пожалуйста. Я жду.

Группа молчала.

– Даю подсказку: квадрат гипотенузы… ну-у-у…

Всё та же безнадёга.

– …квадрат гипотенузы равен сумме… чего?..

Слышно было, как великий грек возмущенно перевернулся в гробу, гремя своими задубевшими от древности штанами.

– …квадрат гипотенузы равен сумме квадратов… чего?..

– …катетов! – победно закричал Миха.

– Мишенька, ма-а-ла-а-дец! – пропела гимн преподавательница и вдруг на высокой ноте объявила:

– Ставлю вам ба-а-альшу-у-у-ю пятёрку!

Далеко бы мы зашли, если б и другие преподаватели создавали ситуации успеха таким же способом. К счастью, нормальный здравый смысл всё же возобладал. Вслед за первыми, не всегда удачными, опытами стали рождаться всевозможные инициативы по преодолению психологических барьеров неуверенности, применению элементов занимательности, порционной подачи материала и других форм движения к успеху. Родилась, наконец, и целая коррекционная программа под названием «Адаптация».

Мы прекратили упрекать общеобразовательные школы в том, что они виноваты в выпуске неграмотных учеников, и сами взялись за ликвидацию безграмотности в наших стенах. Программа «Адаптация», над которой работали лучшие умы училища, предусматривала входное тестирование первокурсников для выявления элементов их малограмотности с последующим проведением в течении нескольких месяцев дополнительных занятий по ликвидации пробелов в знаниях и щадящего режима обучения. Иного выхода не было.

И, поскольку у многих ребят не было внутренней мотивации к учебной деятельности, мы старались, не мудрствуя лукаво, на пути их обучения расставить как можно большее количество своеобразных приманок.

Приманки поначалу были простые и бесхитростные. Например, ученик обучался в группе автослесарей. Мастер ему говорил: «Хотите получить третий или повышенный четвертый разряд?» «Хочу», – отвечал ученик. «А права водителя категории В – С?» «Хочу». «Для этого надо успевать по всем предметам хотя бы на тройки и иметь удовлетворительную оценку по поведению». «А если будут двойки?» «Мы поможем их исправить». «А если я не исправлю?» «Тогда и разряд будет не больше второго, а вместо диплома об окончании училища – только свидетельство о получении профессии». Всё просто и понятно.

Аналогичными были и условия зачисления на бесплатные курсы водителей учащихся из других групп, не автомобилистов, а также – для получения вторых, третьих, четвертых профессий, например, профессий машинист бульдозера, экскаватора, крана. (В начале 1990-х годов мы еще могли позволить себе такую роскошь – бесплатное обучение вторым профессиям, позднее, в эпоху рыночных отношений это стало невозможным, и мы стали взимать небольшую плату на расходы, которые не покрывались бюджетным финансированием: на амортизацию механизмов, горючее и прочее.)

Мы вступали в своеобразный сговор с учениками: в обмен на их нормальное прилежание мы обязывались давать им то, что они захотят. В пределах, конечно, возможностей.

Надо ли говорить о том, что мастера и преподаватели стали широко использовать эти приманки для стимулирования учащихся? И всё это работало на общую пользу.

Естественно, всё опиралось на разработанную нами систему внутриучилищных условий и требований, которые мы назвали внутренними образовательными стандартами. Среди них самым важным (впоследствии наиболее критикуемым либеральными чиновниками) был стандарт под названием СТ-1 «Минимальные требования к знаниям, умениям, навыкам и поведению учащихся для зачисления (перевода) их в группы среднего профессионального образования (СПО)». Стандарт СТ-1 предусматривал, например, такие требования: претендент на обучение в группе СПО должен был заработать средний балл за семестр не меньше, чем «3,7» (не такой уж высокий) и оценку по поведению «хорошо». Путем проб и ошибок на протяжении нескольких лет мы эмпирически определили, что средний балл «3,7» является минимально необходимым для получения среднего

профессионального образования. Наша практика показала, что тех, кто не дотягивал до этого балла, тащить за уши к дипломам техников не имело смысла.

Не прошло и двух лет после запуска СТ-1 и других стандартов в работу, как молва о нашей «фазанке» и её справедливых педагогах волной прокатилась по таёжным поселкам от Тайшета до Усть-Кута и даже дальше до ленского поселка Алексеевского. И учиться к нам повалил народ из разных мест. Механизаторы, известное дело, нужны везде.

Надо было видеть потрясенные лица наших первых выпускников середины 1990-х годов, закончивших 4-годичное обучение по двум ступеням: они получали положенные два диплома (об окончании начального профессионального и среднего специального образования), а также по два, три, четыре удостоверения о получении квалификации по рабочим профессиям машинист бульдозера, машинист экскаватора одноковшового, машинист крана, водитель автомобиля категории В – С и другим. Несколько парней умудрились получить дополнительные удостоверения по пяти-шести профессиям.

У нас к тому времени действовал комплекс ситуаций успеха, опирающихся на научно обоснованные факторы мотивации.

Педагогика любви

1991–2011

Времена были нелегкие – «лихие девяностые». Наша могучая держава развалилась, рухнул привычный мир, культура, веками создаваемая трудолюбивым народом, деградировала. Выжить в таких условиях было крайне трудно. Однако нам повезло. В условиях всеобщего хаоса и бардака наше Братское строительное училище сумело не только сохранить, но и умножить свой потенциал, правда, ценой огромного напряжения сил. Создавались новые учебные мастерские и лаборатории, рос парк учебной строительно-дорожной техники и автомобилей и даже строились новые объекты. Росло и мастерство педагогов, совершенствовалась кооперативная деятельность преподавателей, мастеров и учащихся, особенно, в развитии учебно-материальной базы.

И в 1991 году произошло чудо: наше ПТУ было преобразовано в Высшее строительное профессиональное училище, а в 1996 году – в Строительный профессиональный лицей. Мы получили статус экспериментальной научной площадки по изучению проблем *мотивации учения.* Это побудило нас установить тесные связи с учеными Иркутского педагогического университета, московского Института развития профессионального образования и Российской академии образования и развернуть на базе училища-лицея оригинальную научно-педагогическую исследовательскую работу.

В ходе исследовательской работы нами были выявлены многочисленные *факторы мотивации учения,* начиная с традиционных мотивов познавательного интереса и кончая факторами сохранения учащимся образовательного статуса, соответствующего уровню его притязаний.

Мы поставили задачу – создать интересную и привлекательную многоступенчатую систему, в которой ученики хотели бы переходить с одной ступени обучения на другую. При этом условиями их перехода на другую, более высокую и престижную ступень, должны быть все возрастающие требования к их знаниям, умениям и навыкам.

И мы эту задачу выполнили.

Такие системы были созданы и в других известных российских учебных заведениях: Московском и Петербургском технических лицеях, Ростовском-на-Дону лицее водного транспорта, Красночикойском агролицее (Читинская область) и некоторых других. В этих учреждениях и в нашем Строительном

профессиональном лицее была реализована новая парадигма образования, а именно: на основе *многоступенчатых интегрированных учебных планов*, в условиях гуманизации, демократизации и мягкой мотивации осуществлялся процесс *непрерывного общего и профессионального образования* и актуализации личности.

Основываясь на опыте передовых профессиональных учебных заведений и результатах экспериментальной работы, проведенной в 1991–2006 годах, мы установили, что инновационная система непрерывного обучения по интегрированным образовательным программам общего среднего, начального профессионального и среднего профессионального образования является эффективным фактором мотивации учебной деятельности учащихся профессиональных учебных учреждений.

Однако самое главное, что нам удалось сделать – мы вступили в новую для нас область – область ***педагогики любви.***

Долгое время считалось, что главное в учебно-воспитательной работе – ее организация на основе определенных принципов и правил, и основное качество педагога – умение организовать образовательный процесс. А любовь к ученику числилась в списке качеств, долженствующих быть присущими учителю, наряду с такими, как эрудированность, ум, интеллигентность, доброта, целеустремленность.

Но вот в XX веке всё с большей настойчивостью начали пробиваться к жизни ростки идей педагогической любви к воспитаннику Я. Корчака и В. А. Сухомлинского, *гуманистической* (К. Роджерс) и *гуманной* (Ш. А. Амонашвили) *педагогики.* Не сразу педагогическое сообщество приняло идеи о том, что *любовь есть обязательная составляющая любого образовательного процесса,* что любовь сама по себе является основным формирующим фактором обучения и воспитания, главной и решающей силой образования.

Мы установили, что основным законом нашей жизни должен быть *закон первичности любви*, означающий примат любви, ее первичность и главенство над нашим бытием, чувствами и действиями, поскольку любовь есть одна из первооснов жизни, причина и корень жизни. Состояние любви – это не столько физическое, сколько – сверхличностное состояние, идущее из внутренней сущности человека, состояние, которое достигается единственным путем – путем постоянной работы над своим внутренним миром, над совершенствованием своего “Я”, которое есть вечная и нетленная сущность человека. Для нас это означало, что мы сами, будучи вечными учениками, призваны всю

жизнь работать над развитием своего внутреннего “Я”, особенно над развитием способности любить. Эта способность должна предшествовать воспитательным действиям учителя и предопределять его отношение к ученикам, к коллегам, к окружающему миру, к жизни.

Любовь – это не только эмоция, это еще и принцип действия. Любовь – это состояние, без которого вообще не может быть никакой педагогики. Если нет любви к ученику, то никакие образовательные методики не помогут. Любовь же всесильна, она открывает новые каналы воздействия на воспитанника даже человеку непросвещенному, но любящему. Вспомните наших неграмотных матерей: любовь к нам, детям, делала их мудрыми и чуткими.

Очень важно понять, что любовь – это не сладкая конфета, которую приятно вкушать, любовь – энергия, которую надо в себе взрастить. Человека, который приобрел способность любить и овладел этой энергией, можно назвать *ЧЕЛОВЕКОМ ЛЮБЯЩИМ.* И главная, вытекающая из закона первичности любви *задача – передать ученику состояние человека любящего* и помочь ему накопить в себе энергию любви.

Основываясь на законе первичности любви, мы помогаем ученику формировать другие необходимые качества, производные от любви: доброту (многие подростки доброту считают не только ненужным, но и вредным качеством, признаком слабости, из-за которой в жизни бывают неприятности), терпимость, сострадание, милосердие, душевную щедрость, эмпатию, коммуникабельность и другие. Мы помогаем ученику в работе над собой, и эта работа намного важнее, чем объяснение принципа действия ДВС. Потому что нужно научиться не только правильно мыслить, главное – научиться очищаться от ненужных качеств и особенно от вредных мыслей. Древняя мудрость гласит: “Работай над очищением своих мыслей. Если у тебя не будет дурных мыслей, не будет и дурных поступков” (Конфуций).

Любящему учителю не запрещается строго одергивать ученика за его проступки. По моему убеждению, и справедливое порицание, и справедливое наказание допустимы, но при одном непременном условии, что все делается – любя.

Для того чтобы закон первичности любви начал работать, нужно в учебном заведении сформировать и ввести в действие понятную *систему гуманистических ценностей,* которая содержала бы набор правил и принципов, имеющих ценность и для учеников, и для учителей, и была бы принята всеми. Назову некоторые из них (они были записаны в наших *Педагогическом*

кодексе и *Кодексе учащегося*):

– уважать жизнь. Никто не имеет права наносить увечья другому лицу, пытать или убивать его. Обращаться по-человечески со всеми людьми. Выступать за свободу, достоинство и уважение каждого человека;

– почитать своих родителей и других старших по возрасту людей, ибо это есть важнейший долг каждого человека;

– почтительно, внимательно и любезно относиться ко всем женщинам независимо от их возраста. Преклоняться перед женщинами;

– заботиться о младших. Не обижать слабых. «Дедовщина» – зло наиболее отвратительное. Унижение чести и достоинства человека абсолютно не допустимо;

– уважать труд как высшую ценность, как творящее начало мира и основу эволюции;

– не сквернословить! Не позволять себе никаких бранных и вульгарных выражений. Сквернословие, особенно в виде матерных выражений, должно изгоняться из нашей жизни как недопустимое зло. Остерегаться бессмысленного осуждения;

– стремиться к здоровому образу жизни. Избегать пьянства и употребления наркотиков;

– беречь мир и товарищество – основу благополучия коллектива. Заботиться о том, чтобы наш коллектив жил товарищеским духом, чтобы все стояли друг за друга, каждый спешил на помощь другому. Искоренять всякую вражду и неуживчивость;

– что бы Вы ни делали – количество добра в мире должно увеличиваться.

И еще многое, очень многое другое.

Все перечисленное есть прививки любви и добра, которые создают иммунитет против зла.

* * *

Важнейшим фактором, определяющим характер работы нашего Строительного лицея в 1990–2000-х годах, стала приверженность сотрудников лицея принципам и методам педагогики любви.

Что такое *педагогика любви*? В научном мире пока немногие специалисты принимают это понятие. Среди них В. И. Андреев, который определяет педагогику любви как «область педагогики, в которой исследуются закономерности влияния педагогической любви на духовное развитие, сотворчество и саморазвитие как

учителей, так и учащихся в процессе обучения и воспитания».

Соглашаясь с этим определением, добавлю, что мы рассматриваем педагогическую любовь как *важнейший ресурс образовательного процесса,* наряду с традиционными ресурсами: материальными, кадровыми, финансовыми, информационными, технологическими, правовыми.

Педагогика любви ставит цели – обучение, воспитание и развитие Человека разумного (Homo sapiens) в духе Человека любви (Homo amoris). *Человеку любви* (Человеку любящему), каким он видится нам, могут и должны быть присущи такие качества, как: радость жизни, любым её проявлениям; стремление жить в гармонии с миром; стремление накапливать в себе и использовать энергию любви для созидательной деятельности; любовь к себе и *братская любовь* к другим людям; приверженность культам Любви, Добра, Знания и Красоты; преобладание духовных интересов и потребностей над материальными и физиологическими; умение подчинять собственные интересы общественным интересам; способность к безвозмездному даянию; умение бесконечно прощать людей, даже если они наносят нам и друг другу достаточно глубокие раны; постоянное умственное и духовное самосовершенствование; познание самого себя, познание мира и др.

На какие ценности опирается педагогика любви? Главной ценностью признан *Человек как Личность* со всеми его достоинствами и недостатками. Поэтому педагогика любви провозглашает *Культ Личности Человека* и требует в каждом ученике, в каждом педагоге и в каждом родителе видеть *Всеми Уважаемую Личность.*

Другой ценностью признана сама *Любовь,* но любовь не только как эмоция или чувство, а *любовь как энергия, присущая Человеку.* Любовь является составной частью первичной, всеначальной энергии, созидающей Вселенную.

Любовь есть не просто необходимый компонент воспитания, Любовь – главное и обязательное средство воспитания.

Для организации деятельности по достижению целей педагогики любви нужно создать и поддерживать определенные условия. Условия эти, на мой взгляд, таковы:

– *признание высокого достоинства и возвышение Личностей* непосредственных участников образовательного процесса: учащихся, педагогов, сотрудников учебного учреждения, родителей; признание высокого статуса их Личности, признание каждой из этих Личностей, независимо от возраста, образования,

должности, авторитета, *Всеми Уважаемой Личностью*;

– *утверждение высокого авторитета Личности Педагога,* ответственного за организацию образовательного процесса;

– абсолютный, *категорический запрет посягательства на честь и достоинство Личности,* независимо от того, кто эта личность – закоренелый двоечник-второкурсник или круглый отличник, никому не знакомая уборщица или всеобщий любимец-мастер;

– *одухотворение целей* образовательной деятельности, подчинение личных интересов каждого педагога высшим духовным целям и приобщение к этим целям каждого учащегося;

– *опора на возможности ученика.* Чаще всего возможности ученика больше, чем кажутся. Да, в развитии индивида преобладающее значение имеют природные задатки (закон Э. Меймана), но никто не может знать истинной величины этих задатков;

– создание *благоприятной обстановки* для образовательной деятельности.

Как любая педагогика, основу которой составляют гуманистические ценности, педагогика любви опирается на общепринятые дидактические принципы и принципы воспитания.

Основополагающими *дидактическими принципами* являются: научность; системность обучения; сознательность и активность учащихся; доступность обучения; проблемность; систематичность и последовательность; наглядность; прочность результатов обучения; связь теории с практикой.

Ведущими *принципами воспитания* признаны: гуманизация образования; природосообразность; культуросообразность; системность; сотрудничество; опора на положительное; единство интересов коллектива и личности.

Однако педагогика любви расширяет и углубляет подходы к образовательным процессам и дополняет перечень принципов дидактики и воспитания. Вот принципы, которые, на мой взгляд, могут быть приняты в педагогике любви.

Принцип любви, который дан нам в виде заповеди Иисуса Христа: «как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга» [Ин 13:34]. Принцип любви означает, что состояние любви (чувство любви, проявление любви) должно предшествовать любому действию любого человека. Любовь – универсальный золотой ключик, который способен открыть самые сложные человеческие «черные ящики». Любовь – главный способ реального самоутверждения человека. Только любя и признавая достоинства других, мы можем рассчитывать на то, что и наши достоинства

кем-то будут признаны. Хотите, чтоб вас любили – любите сами. Главное условие любви – любить: любить себя, любить других, любить жизнь, любить и принимать этот мир со всеми его мерзостями и несказанной красотой. Более того, педагог должен не только давать понять, он должен говорить своим ученикам, что любит их, и своими делами подтверждать сказанное. Он должен обращаться к воспитанникам, как ко Всеми Уважаемым Личностям, думать о каждом ученике, узнавать о каждом как можно больше, стремясь выявить его потребности, интересы, склонности. Главная задача педагога – самому учиться любить и пробуждать у учащихся потребность *учиться умению любить.*

Принцип Культа Личности — признание безусловной ценности и высокого достоинства Личности другого человека, в том числе – Личности учителя, товарища по работе, ученика и его родителя, признание их статуса *Всеми Уважаемых Личности.*

Принцип взаимности, или *золотое правило:* не делать другим того, чего не желаете себе: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк 6:31).

Миролюбие — непоколебимое стремление к миру, согласию, сохранению мирных отношений; ненападение, отказ от применения агрессивных действий. Но – не отказ от применения силы! В случае необходимости (защита от агрессии, борьба с антиобщественными и антигуманными проявлениями) – организация отпора негативным действиям с применением всей имеющейся у вас энергии любви.

Минимизация собственных потребностей — стремление довольствоваться самым необходимым, избегать излишеств, ограничивать свои потребности разумным минимумом.

Смирение: не роптать, принимать свою судьбу такой, какою она нам дается; печали и радости воспринимать как данность, никого, кроме самого себя, не винить в своих неудачах, бедах, болезнях, потому что каждый человек – сам хозяин своей судьбы.

Благоговение перед жизнью (А. Швейцер): радость жизни, отношение к любой форме жизни как великому чуду природы; стремление сохранить любое живое существо, не посягать на жизнь другого существа.

Принцип даяния: всякое даяние – благо. Желательно давать больше, чем брать. Давать, по возможности, безвозмездно, не требуя ничего взамен, не ожидая ответной благодарности. Если хотите получить любовь – сами дарите её. Чем больше любви вы подарите, тем больше вы её получите (А. Джексон). Ценность человека определяется не тем, сколько богатств он приобрел для себя, а тем, сколько он сумел отдать людям.

Согласование собственных интересов с интересами общества

— стремление сочетать собственные интересы с интересами коллектива, в котором живешь, признавая приоритет последних. Стремление жить для других, но и себя не принижать. «В жизни есть только одно несомненное счастье – это жизнь для другого» (Л. Н. Толстой).

Принцип единства, означающий единство педагогов, единство педагогов и их учеников, единство их общих образовательных интересов и действий. Педагоги и ученики должны чувствовать себя партнерами и соучастниками общего дела, ответственными за это дело. Принцип единства в нашем коллективе был выражен в формуле: *«Мы все – одна семья» (Акио Морита).*

Принцип единства требований и уважения означает предъявление максимально высоких требований к учащимся в сочетании с высоким уважением к ним. Этот принцип был сформулирован А. С. Макаренко так: как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему. Нужно твердо знать, что педагогическая любовь не должна быть нетребовательной. Мы не имеем права позволять нашим воспитанникам садиться на шеи «любящим» педагогам. Педагогика любви совсем не означает вседозволенность, которая под видом свободы допускается в некоторых учебных заведениях. В нашем коллективе было принято считать, что требовательность, строгость педагога, строгость директора, употребление ими власти, если это не нарушает норм этики, вполне уместны в учебно-воспитательном процессе и носят гуманный, а не бесчеловечный характер.

Принцип доверия: успех сотрудничества, руководителя и подчиненных, учителя и учеников может быть обеспечен только высокоразвитой культурой доверия между ними. Без доверия совместная деятельность возможна, но – только на формализованной основе: каждому надо предписывать, что, когда и как делать, кто и за что отвечает и т. д. Без доверия не может быть полного взаимопонимания, радости общего труда, эффекта синергии, творчества. Без доверия не может быть любви.

Без доверия между людьми их совместная деятельность не может быть высокопродуктивной. Жестокий руководитель при помощи насилия может добиться от своих подчиненных покорности и исполнительности, но – не высокой производительности. А для достижения группой людей хороших результатов нужна высокая слаженность, которая невозможны без доверия.

Доверие основывается на предположении, что все члены сообщества – люди элементарно порядочные, что все более или менее добросовестно выполняют свои обязанности и стараются

работать для общего блага. Доверие не только усиливает атмосферу уверенности – оно стимулирует людей. Каждый стремится с лихвой оправдать оказанное ему доверие. Руководители также стремятся быть на высоте своего положения, понимая, что если доверие к ним пошатнется, то не только они, но и вся организация может уйти под откос.

Те, кто не может работать на основе доверия, вынуждены работать, опираясь на официальные законы и постановления, которые нуждаются в бесконечных поправках. Если, в конце концов, правовые отношения в организации не дополняются доверительными отношениями, то такая организация может стать малопродуктивной.

Каждая организация, заботящаяся о повышении единонаправленности действий своих сотрудников, должна сознательно и планомерно наращивать культуру доверия. Это особенно важно для образовательных учреждений, которые немыслимы без доверия к ним людей, без доверия между учениками и педагогами, между самими педагогами, между администрацией и педагогами.

Доверие – живой клей, сплачивающий людей. Доверие является одной из самых больших ценностей коллектива, которую следует всемерно сберегать.

Презумпция доверия: никто, ни один человек не должен быть лишен доверия товарищей, пока не будет точно установлено, что этому человеку доверять больше нельзя.

Чем больше мы будем говорить нашим подчиненным и ученикам о своем неизменном к ним доверии и уважении, особенно в критические для них периоды жизни, особенно, когда над ними сгустились тучи или навис топор, – тем больше они обретут сил для делания добра. Чем труднее человеку, тем большее целебное воздействие оказывает на него поддержка и доверие мудрого, строгого наставника и верных товарищей.

Необходимость прикосновений – необходимость прямых тактильных или визуальных поощряющих контактов с целью биоэнергетического обмена информацией. Любовь – сильнейшее в мире магическое средство взаимодействия, самая мощная исцеляющая сила. Через физические прикосновения или зрительные контакты («глаза в глаза») может передаваться огромный энергетический потенциал. Однако поскольку любое прикосновение есть не что иное, как кратковременное вхождение одного субъекта (например, педагога) в так называемую интимную зону личного пространства другого субъекта (ученика), то целью такого вхождения должно быть *только* установление дружественного контакта при полном отсутствии агрессивных

или корыстных манипулятивных намерений. Кратковременное, как рукопожатие, дружелюбное физическое прикосновение к ученику, посыл ему добрых мыслей, например, посредством доброго взгляда, а иногда и легкое мимолетное поглаживание в тех случаях, когда такие действия не воспринимаются учеником как агрессивные или унижающие его и не отвергаются им, – могут усилить восприятие энергии любви. Прикосновения улучшают энергоинформационный обмен людей. Прикосновения сплачивают людей, разрушают барьеры между ними, делают их более восприимчивыми друг к другу.

Умение упреждать: каждый педагог, вся организационная система учебного учреждения должны обладать умением предвидеть, предчувствовать и своевременно прогнозировать ход развития учебно-воспитательных процессов, отслеживать возможные негативные тенденции и принимать предупредительные меры по корректированию этих процессов и предотвращению нежелательных результатов.

Принцип ответственности: все участники образовательного процесса, и педагоги, и родители, и ученики, должны быть поставлены в ответственное положение. Каждый должен знать, за что он отвечает. В провальной ситуации никто не имеет права безосновательно валить вину на другого.

Принцип востребованности, суть которого в том, что педагог должен быть востребованным, полезным, необходимым своим ученикам, и его полезность должна быть очевидна. Если педагог (преподаватель, мастер, воспитатель, директор) не стремится к роли всезнающего пророка, всевидящего контролера, навязчиво поучающего ментора, сверхзаботливого опекуна, а ставит себя *рядом* со своими учениками, признавая в каждом из них Всеми Уважаемую Личность, если педагог открыт (в меру, конечно и без дешевого панибратства), естествен, относится к ученикам с доверием, эмпатией, пытается взглянуть на мир глазами своих воспитанников, если педагог обладает достаточно высокой профессиональной компетентностью, – то он будет востребован учениками. Одна из формул педагога, как и врача: *не навреди!* Другая формула: *будь нужным!* Поэтому непременным условием нашей педагогической демократии должна быть *возможность доступа ученика к любому педагогу и руководящему работнику,* от преподавателей до директора. Я против барственного антуража, которым окружают себя некоторые наши начальники. Но я настаиваю на том, что ученик должен иметь возможность обратиться к любому педагогу и должностному лицу с любыми, даже глупыми и неуместными, вопросами и предложениями. И вы, именно вы, должны терпеливо выслушать его, где бы он к вам

ни обратился, в коридоре на бегу или в вашем кабинете. Потому что он – *ваш ученик*. Он в вас нуждается.

Возможно, вы его прервете и спросите: «А вы обращались по этому вопросу к моему заместителю (преподавателю, мастеру)?» Если ученик ответит: «Нет», то вы, возможно, с полным сознанием своей правоты скажете ему: «Надо сначала обратиться к такому-то, а уж если он не решит ваш вопрос, тогда прошу – ко мне». Такая ваша политика может со временем полностью избавить вас от бестолковых и назойливых учеников. Однако и они тоже перестанут нуждаться в вас. И вы так и не узнаете ни тех, ради кого вы работаете, ни того, что они о вас думают.

Меня изрядно озадачил один совет великого подвижника Януша Корчака:

«Позволь им в какую-нибудь исключительную минуту в редкой задушевной беседе сказать тебе по-товарищески то, что они о тебе думают:

– Вы такой странный. Иногда я вас люблю, а иногда так просто убил бы со злости».

Я подумал: вот, оказывается, *как* воспитанники разговаривали с человеком, который потом пошел вместе с ними в газовую камеру. *Он им позволял* – и они говорили то, что думали.

Почему же мне за 50 лет учительства никто ничего *такого* не сказал? Значит, я не позволял? А, может, я *не хотел* этого? Не хотел и избегал слышать о себе плохое?

Вроде бы, нет: и плохого, и хвалебного я наслушался предостаточно. Дети – мой мир, моя стихия, общение с ними – основа моего бытия. Но вот слишком близко прикасаться к себе я не позволял никому и в свой внутренний мир тоже не впускал никого.

Может быть, нужно было как-то по-другому?..

Любви надо учиться. Учиться упорно, никогда ей не изменять и не отказываться от нее.

И мы учились. Искали и размышляли. И делились находками на наших педсоветах.

Адепту Любви надлежит быть бдительным

Когда дело, которому ты служишь, тебе интересно, то трудности не кажутся непреодолимыми, и день за днем, месяц за месяцем ты работаешь, почти не замечая прожитых лет. Так прошли 50 лет моего учительства. Мне всё и всегда было интересно, и все препятствия были преодолимыми.

Думаю, что по содержанию мой педагогический опыт мало чем отличается от опыта моих сверстников. Однако по сравнению с многими другими коллегами мне повезло больше.

Всё, что делалось мною и моими товарищами, мы стремились подчинить закону, который был назван главным законом нашей жизни, – закону первичности любви, хотя получалось далеко не всегда.

Соответствующими были и те уроки, которые извлечены из полувековой педагогической деятельности. Уроки эти простые, но важные:

– жизнь должна строиться на прочном фундаменте. Таким фундаментом является ЛЮБОВЬ: любовь к себе самому, к жене, к родным, к ближним, к «братьям нашим меньшим» – животным, к природе и, конечно, – любовь к детям;

– если не научился любить – отойди в сторону. Молчи! Замри! Не мешай! Учись!

– но если Бог дал тебе способность любить – всё тебе по плечу. Любящее сердце найдет выход из любого затруднения;

– стремление любить должно предшествовать любым действиям матери, отца, учителя и предопределять их отношение к ребенку. Можно сколько угодно обучаться премудростям педагогики, однако, не испытывая любви к детям, нельзя заниматься образованием. Человеку же любящему (Homo amoris) подвластно всё, потому что любовь к людям, к делу обостряет его чувствительность, открывает его внутреннее зрение и скрытые способности;

– всё в мире рождается благодаря любви, и ничего не может родиться без неё. Поэтому человек, который хочет дать начало какому-то делу, т. е. стать творцом (демиургом), отцом, воспитателем, учителем, должен приступать к акту творения или воспитания только с любовью и светлыми мыслями. Ничего нельзя делать, не любя или не во имя любви, потому что от светлой любви рождается новая любовь и гармония, а от чёрной ненависти рождается только ненависть и хаос.

Но было бы неправомерно утверждать, что я и мои товарищи добились каких-то выдающихся результатов в реализации педагогики любви. Это не совсем так. Были и удачи, и неудачи, неудач – пожалуй, больше. И на практике многое происходило совсем не так, как предписывала теория. Но, главное, мы избрали путь Любви и встали на этот путь при всех своих недостатках, умениях и неумениях.

Адепту Любви надлежит быть бдительным к происками Лжи и избегать излишней открытости. Следует помнить наставления мудрого иезуита Бальтасара Грасиана-и-Моралеса: «Знай нрав тех, с кем имеешь дело», «Не спеши верить, не торопись любить».

А что делать, если ты, проповедник Любви, оказался среди людей, которые выросли нелюбимыми, живут в атмосфере ненависти и насилия и отвергают твои призывы к человеколюбию и миролюбию? Что ты можешь противопоставить окружающей тебя безбрежной стихии Нелюбви?

Ответ возможен только один. Непрекращающиеся на протяжении тысячелетий попытки человека сокрушить зло и насилие при помощи подавляющих сил агрессии так и не привели людей к миролюбию. Поэтому у адепта Любви нет права на ответную ненависть и агрессию, у него есть только одно право и одна возможность – противопоставлять силам Ненависти силу своей Любви. А там будь что будет.

Мы, люди, являемся частью *живой и разумной* Вселенной, и смысл нашей жизни, скорее всего, заключается в чем-то большем, чем просто выживание. В чем?

Бывший ученик

2017

Каждому педагогу хочется добиться положительных результатов в своей работе, и – как можно быстрее. Мне тоже всегда этого хотелось, и я делал всё возможное, чтобы результаты воспитательных, в том числе, коррекционных воздействий были эффективны, убедительны и наглядны.

Но на практике всё было сложнее. Иногда складывались тупиковые обстоятельства: мы, педагоги шаг за шагом, изо дня в день, из месяца в месяц пытались добиться положительных результатов в работе с какой-нибудь отстающей или разболтанной группой, или с девиацией учащихся. Нередко наши воздействия были малоуспешными.

Случались и досадные неудачи.

Однажды я обедал в блинной «Хуторок». В лицее я уже не работал.

Вдруг подходит ко мне молодой мужчина, желает приятного аппетита и спрашивает:

– Вас зовут, кажется, Павел Васильевич?

– Да.

– А фамилия Крестный?

– Да. Но, извините, вас я не могу узнать. Представьтесь.

– Степан Корольков, – мужчина протянул мне сильную руку для приветствия.

Моя реакция была мгновенной:

– Как? Вы тот самый Корольков, который хулиганил в лицее?

– Да. Именно он. А вы были нашим директором.

– Много же вы попортили мне крови в свое время… Но я рад видеть вас, – сказал я, пожимая руку мужчины.

– Да, уж. Было дело. Простите меня.

Лет двенадцать назад, Степа, тогда ученик второго курса, небольшой ростом худенький парнишка, неожиданно стал грозой всего лицея. Кому-то из своих одногруппников, кто ему почему-то не нравился, он мог во время обеда сыпануть в тарелку с супом солонку соли и заставлял его этот суп есть. Он мог подойти к четверокурснику, который был выше его на две головы, и потребовать червонец – это были приличные деньги. Все требования выполнялись его жертвами без сопротивления. Это было непостижимо, но Степу панически боялись. Он похвалялся, что его крышует сам Мася-пахан со своими братками, и пацаны уверяли меня, что это истинная правда. Когда о его проделках

узнал я, были мобилизованы все возможные силы, чтобы привести подростка в чувство. Степа, вроде бы, был достаточно вменяемым учеником: попав «на ковер» к директору, он смотрел на меня невинным взглядом младенца, искренне раскаивался в содеянном и твердо обещал исправиться. Но проходили три-четыре дня, и он вытворял что-нибудь новое, небывало дерзкое. Он был головной болью нашего коллектива. Так мы с ним и возились с переменным успехом до самого выпуска из лицея.

И вот мы снова встретились.

Вдоль подбородка до левого уха Королькова пластырем был прилеплен большой тампон из марли.

– А это что? – вежливо спросил я. – Производственная травма?

– Да так … Пострадал в аварии.

Ой, ли? – подумал я, но вслух ничего не сказал.

Мой бывший ученик стал говорить о том, что учеба в лицее не прошла для него даром:

– Я многое понял. Изменился. Жизнь меня крепко потрепала, я многому научился …

– Рад за вас. А чем сейчас занимаетесь? Где работаете? – спросил я.

– Работаю… э-э-э… риэлтором… – после некоторой заминки ответил Степан.

Однако, когда я стал выспрашивать подробности, он ничего вразумительного сказать не мог и, путаясь, поспешил перевести разговор на другую тему.

Я понял, что парень темнит, чего-то не договаривает, но не подал виду. Наш диалог шел на равных: выглядело всё так, будто встретились двое давнишних хороших знакомых.

Корольков заторопился. На прощанье мы снова пожали друг другу руки и пожелали удачи. И бывший подросток-хулиган смотрел на меня чистыми, невинными глазами – так же, как когда-то. Может быть, он надеялся, что уж теперь-то ему удалось убедить меня, своего бывшего наставника, что он вполне человек порядочный? Дай Бог, чтоб так оно и было.

А если это не так? Кто знает?

Каждому учителю хочется, чтобы все его ученики стали людьми порядочными. Многие из них стремятся дотянуться до этого звания.

Но не у всех получается.

Старый и малый

2019

Если вы прожили много лет, то, возможно, иногда ощущаете некоторую усталость. Не только физическое утомление, а усталость от жизни, которая становится для вас всё более однообразной, малоинтересной, в которой слишком много суеты, глупостей, фальши, мало результативных действий и в которой в десятитысячный раз повторяется то, что вы уже видели, пережили и то, что вам не просто надоело, а давно осточертело. И от всего этого порой такая тоска берет, что за грудиной начинает что-то мерзко ныть.

В себя вы приходите только тогда, когда начинаете заниматься привычными делами, или оказываетесь среди людей, особенно – среди детей.

В парфюмерной секции магазина стоял мальчик лет четырех. С мамой. Он рассматривал нарядную витрину с пестрыми коробочками и затейливыми флакончиками, но когда подошел я, малыш отвлекся от витрины и переключился на меня. Чем-то я, видать, привлек его. Когда наши взгляды встретились, он просто уставился на меня и стал внимательно разглядывать. Смотрел, не отрываясь, с настойчивым интересом. Глаза большие, серые. Изучающие.

Он пребывал в том возрасте, когда еще не понимают, что глядеть на постороннего человека в упор не то, что неприлично, – нежелательно: обычно и в животном, и в человеческом мире такой взгляд воспринимается как желание доминировать, как признак возможной агрессии. Но здесь, я увидел, нечто другое – любопытство. Любопытство маленького исследователя, для которого в открывающемся перед ним мире многое – ново, таинственно, загадочно, необъяснимо. И требует собственного осмысления.

Предметом осмысления на сей раз стал незнакомый хромой дедушка с палочкой.

Бесцеремонный и пристальный взгляд ребенка все же немного смутил меня. Чтобы освободиться от возникшей неловкости, я бодро произношу:

– Привет!

– Привет! – тихо отвечает малыш.

– Ты что здесь делаешь?

– Я с мамой.

Мама, молодая, высокая симпатичная женщина, в это время занята разговором с продавщицей.

– Значит, вы с мамой что-то покупаете?

– Да.

– Наверное – ты помогаешь маме?

– Да.

– Это хорошо… Маме надо помогать.

– Я помогаю.

– Молодец.

– А – ты?

– Я тоже хочу кое-что купить.

– Ну, покупай.

– Сначала – вы с мамой, потом я…

– Почему?

– В порядке живой очереди.

– А-а.

– А как тебя зовут?

Мальчик, чуть смутившись, отводит от меня свой взгляд, потом отвечает:

– Сёма. А тебя?

– Меня – деда Паша.

– Хорошо.

– У тебя редкое имя – Семён. Но красивое.

– Ну да.

Он немного задумывается и добавляет:

– У меня дома тоже есть дедушка.

– Такой же, как я?

– Нет, другой.

– Что значит – другой?

– У него нет палки.

– А как его зовут?

– Деда Ваня.

– Он хороший?

– Да. И веселый.

– Замечательно. Передай деду Ване привет.

– От кого?

– От меня.

– Ладно.

– Ты, наверное, в садик ходишь?

– Ходил.

– А сегодня ты почему не в садике?

– У нас никто не ходит.

– Почему?

– Какой-то картин.

– Наверное, карантин?

– Да.

– Карантин – это когда кто-то сильно заболеет …

– У нас Васька заболел.

Сёма вдруг трогает мою трость и спрашивает:

– Зачем тебе палка?

– Я опираюсь на нее при ходьбе.

– Почему?

– У меня болит нога.

– А ты не дерешься палкой?

– Нет.

– Я видел, как пьяный дяденька на улице дрался палкой.

– Я не дерусь.

Сёма вежливо замолкает. Вероятно, все, что ему хотелось узнать обо мне, он узнал.

Наконец, мама расплатилась за покупку и взяла сына за руку:

– Ну, прощайся с дедушкой.

Наша случайная беседа подошла к концу. Я протягиваю своему новому знакомому руку:

– До свиданья, Сёма! Приятно было с тобой беседовать.

Мальчик тоже подает мне свою ладошку. Она сухая и горячая.

Сёма с мамой уходит из секции, но у выхода оглядывается и громко произносит:

– До свиданья, деда Паша!

Я машу ему рукой и думаю: маленький человечек, совсем маленький, а уже – личность! У него не только внимательные глаза, аналитический ум, но и память цепкая.

И от таких мыслей на душе становится хорошо, и жить хочется.

notes

Примечания

1

Молдавское ругательство.

2

Польское ругательство.